

24. 209

Det.

А 693.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ

РУССКІЕ ИСТОРИЧЕСКІЕ ДѢЯТЕЛИ.

ЧТЕНІЕ ДЛЯ НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ

А 693.
В 209

И

ПОСОБІЕ ПРИ УРОКАХЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ

ВЪ УЧИТЕЛЬСКИХЪ СЕМИНАРІЯХЪ.

СОСТАВИЛЪ

И. Б — в.

Велю Жан
Возвращена Милос.

Изданіе И. И. Глазунова.

Муз

ЦѢНА 1 РУБ.

Продается въ книжныхъ магазинахъ И. И. Глазунова.

Въ С.-Петербургѣ:

въ большой садовой ул., въ домѣ
Публичной Библиотеки, №№ 21 и 22.

Въ Москвѣ:

на Петровкѣ, противъ Кузнецкаго
моста, въ домѣ Хомяковыхъ, № 20.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1878.

198364

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11-го января 1877 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ предлагаемыхъ разказахъ мы передаемъ живописаніе тѣхъ честныхъ историческихъ дѣятелей, которые любили русскую землю не на словахъ только, но и на дѣлѣ; которые помнили слова Спасителя, сказавшаго: «Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ.» Подобныя личности, мало цѣнившія земныя блага, всей душой отдавшіяся своему общественному служенію, въ которомъ они видѣли лучшую свою радость, всю цѣль жизни, такіе люди составляютъ гордость своего общества; они благотворно вліяютъ, дѣйствуютъ на согражданъ и послѣ своей смерти, ибо жизнью своею учатъ добру и истинѣ. Счастливы тотъ, кто умирая, можетъ сказать: «я не даромъ жилъ на землѣ, я оставилъ по себѣ доброе сѣмя, которое рано или поздно дастъ такой же добрый плодъ.»

Въ нашей книгѣ мы равнымъ образомъ говоримъ и о тѣхъ историческихъ дѣятеляхъ, которые свою любовь отечеству хоть и не запечатлѣли жизнью, но любовь которыхъ къ отчизнѣ не подлежитъ сомнѣнію, ибо вся жизнь ихъ была борьбой со зломъ, была неустаннымъ приложеніемъ честныхъ мыслей и стремленій къ дѣлу, къ самой жизни общества,

Наша книга назначается для чтенія народа и народныхъ учителей, а именно съ тою цѣлью, чтобы дѣла честныхъ русскихъ людей, оставившихъ по себѣ имя въ исторіи, учили и воспитывали народъ, къ которому такъ близко стоитъ народный учитель, долженствующій путемъ своихъ учениковъ и ученицъ передавать честныя дѣла согражданъ отцамъ и матерямъ дѣтей, порученныхъ его воспитательному вліянію. Думаемъ, что извѣстную долю пользы наша книга принесетъ и воспитанникамъ учительскихъ семинарій, при ихъ занятіяхъ русской исторіею. Только сознательная любовь къ отечеству можетъ имѣть цѣну и значеніе.

Вообще біографія всякаго человѣка представляетъ множество поучительныхъ и благотворно вліяющихъ на духовное развитіе фактовъ; но тѣмъ болѣе много знаменательны въ этомъ отношеніи жизнеописанія личностей, дѣйствовавшихъ на поприщѣ общественнаго служенія, служившихъ родной землѣ всѣми силами своего ума и своей энергіи, поставившихъ цѣлью жизни: благо отечества, а не собственные личныя выгоды, въ имя которыхъ только и живетъ большинство людей, во имя которыхъ творится такъ много неправды на землѣ.

I.

Митрополитъ Филиппъ.

Ученые, занимающіеся русской исторіею, пришли къ заключенію, что царь Иванъ Грозный тиранствовалъ, будучи душевно-больнымъ. Наука о душевныхъ болѣзняхъ, психіатрія, хотя въ извѣстной степени, но все таки опредѣлила признаки болѣзненнаго состоянія души. Признаки эти совершенно совпадаютъ съ признаками душевнаго состоянія царя Ивана. Высшая степень болѣзненнаго душевнаго состоянія заключается въ высшей степени болѣзненной раздражительности, каковой и отличался Грозный. Онъ, какъ всѣ душевно-больные, невыносилъ противорѣчій; въ минуты сильнаго раздраженія способенъ былъ убить того, кто осмѣливался говорить поперекъ. Въ одну изъ такихъ минутъ онъ убилъ своего сына жезломъ, бывшимъ въ рукахъ. Жестокость подобныхъ больныхъ натуръ не исключаетъ робости, которая, при извѣстныхъ условіяхъ, проявляется въ нихъ. Предъ дѣйствительною опасностью онѣ падаютъ. Чѣмъ болѣе развивается въ нихъ болѣзненное состояніе, тѣмъ болѣе охватываетъ ихъ душу чувство невыразимаго страха, порождаемаго воображаемыми бѣдами и врагами.

Такимъ больнымъ представляется, что враги хотятъ посягнуть на ихъ свободу, на ихъ жизнь. Душевное разстройство сопровождается обыкновенно цѣлымъ рядомъ

видѣній, т. е. ложныхъ ощущеній: больнымъ кажется, что они видятъ различные предметы, которыхъ въ дѣйствительности нѣтъ предъ ихъ глазами; кажется, что слышать, осязають, вкушаютъ, обоняють то, чего опять таки нѣтъ въ дѣйствительности. Видѣнія страшно мучительны. Послѣдствіемъ ихъ и является болѣзненная до послѣдней степени раздражительность. Раздраженная душа не терпитъ противорѣчій, препятствій и успокоивается только тогда, когда зародившееся въ ней стремленіе къ совершенію какого бы то ни было дѣйствія, переходитъ въ исполненіе. Царь Грозный страдалъ видѣніями: нерѣдко онъ безъ всякой видимой причины кричалъ, какъ будто испуганный какими-то призраками, проводилъ безсонныя ночи; нерѣдко разговаривалъ самъ съ собой. Послѣ всякаго безчеловѣчнаго поступка, напримѣръ, послѣ убійства, совершеннаго на его глазахъ, послѣ пытокъ, равнымъ образомъ совершавшихся предъ нимъ, Иванъ IV успокоивался, какъ будто отдыхалъ. Чѣмъ какъ не болѣзненнымъ состояніемъ можно объяснить убійства, жестокость, о которыхъ даже вспоминать страшно и рядомъ съ этимъ самоуниженіе, молитву, покаяніе въ грѣхахъ, записываніе всѣхъ казненныхъ, такъ или иначе замученныхъ, въ синодики, съ тѣмъ, чтобы церкви и монастыри поминали имена несчастныхъ въ своихъ молитвахъ. Самое учрежденіе опричины объясняется болѣзненнымъ страхомъ за свою жизнь, на которую, по убѣжденію Грознаго, готовы были посягнуть бояре при всякомъ удобномъ случаѣ. Мы уже выше сказали, что чувство страха является главной причиною дѣйствій всякаго душевно-больнаго. Грозный своими дѣйствіями вполнѣ подтверждаетъ справедливость этого болѣзненнаго приз-

нака: въ своихъ обращеніяхъ къ народу, боярамъ, въ письмахъ къ иностраннымъ государямъ, въ обвиненіяхъ, направленныхъ противъ отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ городовъ, вездѣ и всегда онъ говоритъ объ измѣнѣ бояръ, о ихъ намѣреніи лишить его жизни. Измѣной бояръ онъ оправдываетъ свой отъѣздъ въ Александровскую слободу; въ слѣдствіи измѣны Новгородцевъ, кстати замѣтимъ, никогда не бывалой, предаетъ ихъ казнямъ; измѣной бояръ оправдываетъ всё частныя убійства; наконецъ, въ слѣдствіи того же побужденія пишетъ къ королевѣ Англійской Елисаветѣ и проситъ ее дать ему убѣжище въ Англии, если измѣна бояръ заставитъ его бѣжать изъ собственнаго государства. Свѣтлые часы, когда Иванъ IV говорилъ и дѣйствовалъ какъ говоритъ и дѣйствуетъ здоровый умомъ человѣкъ, обычное явленіе въ ходѣ душевныхъ болѣзней. Очень нерѣдко подобныя больные говорятъ и дѣйствуютъ, какъ здоровые; мало того они, приготовляясь совершить преступленіе, умѣютъ въ высшей степени ловко скрыть все, что могло-бы выдать ихъ преступный замыселъ. Иной душевно-больной собьетъ съ толку самаго ловкаго и опытнаго слѣдователя преступленія. И все таки подобнаго человѣка никакой здраво мыслящій врачъ не назоветъ душевно-здоровымъ. Само собой разумѣется, что корень болѣзни Грознаго лежалъ, какъ въ его природѣ, такъ и его воспитаніи. Страстная, въ высшей степени впечатлительная природа Царя Ивана, его сильная раздражительность требовали воспитательныхъ мѣръ самыхъ обдуманыхъ, осторожныхъ, ибо чѣмъ болѣе замѣчается въ природѣ ребенка уклоненій отъ обычныхъ условій дѣтской природы, тѣмъ возможное при воспитаніи его сдѣлать ничѣмъ не по-

правимую ошибку. Подобныя дѣти прежде всего сдерживаются въ своихъ страстныхъ порывахъ нѣжностью, любовью окружающихъ ихъ лицъ; но нѣжность и любовь не уничтожаютъ понятія о томъ, чтобы ребенокъ исполнялъ все, что онъ долженъ исполнить. Его любятъ, ему хотятъ добра, но ему не позволяютъ поступать по своей не установившейся, неразумной волѣ.

Совершенно обратно всему вышесказанному шло воспитаніе Грознаго. Онъ лишился матери въ тотъ возрастъ, въ который мать всего необходимѣе. Бояре не питали къ нему любви: чужой ребенокъ и оставался для нихъ чужимъ. Они думали только о томъ, чтобы не выпустить изъ рукъ управленіе государствомъ. Брали верхъ Шуйскіе, малолѣтній Иванъ переходилъ на ихъ попеченіе; брали верхъ Глинскіе—Иванъ дѣлался игрушкой ихъ самовластія. Въ присутствіи Князя они ссорились, подчасъ дрались; поносили его отца и мать, нерѣдко оказывали прямое пренебреженіе лично къ нему; такъ, на примѣръ, Шуйскій, не стѣняясь присутствіемъ Великаго Князя, клалъ на его постель поги, о чемъ самъ Грозный упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Курбскому.

Оскорбляемый ежечасно въ самыхъ дорогихъ для него чувствахъ, на примѣръ, по отношенію къ памяти отца и матери, оскорбляемый въ своемъ самолюбіи, у подобныхъ организацій всегда сильно развитомъ, будучи постояннымъ свидѣтелемъ буйства, ссоры и всяческихъ боярскихъ безобразій, молодой Великій Князь естественно напитывался ненавистью къ окружавшимъ его боярамъ, проникался страхомъ за свою жизнь, ибо въ теченіи всего дѣтства могъ убѣдиться, что бояре не остановятся ни предъ какимъ преступленіемъ, если имъ

понадобится совершить преступленіе. Въ послѣдствіи дальнѣйшія событія еще болѣе помогли развитію въ Иванѣ страха за свое существованіе. Лежа опасно больнымъ, онъ видѣлъ и слышалъ всѣ споры бояръ, не хотѣвшихъ присягнуть малолѣтнему сыну его, на томъ основаніи, что управлять царствомъ будутъ Захарьины, родственники царицы Анастасіи. Есть также основаніе предполагать, что Сильвестръ и Адашевъ иногда пугали Царя ложными видѣніями и страхами, что также не могло не оставить слѣда на душѣ Грознаго, обладавшаго сильно развитымъ воображеніемъ, которое, кстати замѣтимъ, брало видимый перевѣсъ надъ всѣми другими его душевными способностями.

Грозный еще съ дѣтства имѣлъ не мало случаевъ проявлять жестокость на самомъ дѣлѣ, чему бояре не только не препятствовали, но даже поощряли его къ пролитію крови. Забавляясь видомъ жестокихъ сценъ Ивана съ животными и въ послѣдствіи, подводя подъ плаху родственникововъ Сильвестра и Адашева, лучшихъ совѣтниковъ Царя, бояре не думали, что имъ придется въ будущемъ испытывать тѣ же мученія, какія испытывали ихъ враги. Равнымъ образомъ исторія обвиняетъ Грознаго въ развратѣ, который, по всей вѣроятности, является также слѣдствіемъ его болѣзненнаго душевнаго состоянія. У душевно-больныхъ нерѣдко животныя склонности получаютъ огромное развитіе, при чемъ нравственное чувство и стыдъ очень слабѣютъ.

Съ такимъ то душевно-больнымъ пришлось столкнуться на пути жизни высоконравственному, честному, проникнутому сознаниемъ своего долга и своей великой обязанности Митрополиту Филиппу. И когда пришлось столкнуться? Въ самый разгаръ тираніи Грознаго, когда слова

правый и виноватый потеряли для Ивана всякой смыслъ, всякое значеніе, когда уже Царь не говорилъ народу, что онъ питаетъ гнѣвъ на однихъ бояръ и ничего не имѣетъ противъ народа, а казилъ всѣхъ безъ разбору попадавшихся на глаза, въ минуты бѣшенства, когда одинъ памекъ объ измѣнѣ какого бы то ни было города былъ вполне достаточенъ для того, чтобы стереть съ лица земли нѣсколько тысячъ жителей этого города, какъ на примѣръ, въ Новгородѣ, гдѣ въ теченіи пяти недѣль Царь казилъ до 9,000 жителей.

Филиппъ происходилъ изъ боярскаго рода Колычевыхъ. Не возлюбивъ міръ, онъ съ юныхъ лѣтъ удалился въ Соловецкую обитель и посвятилъ тамъ себя строгой подвижнической жизни. Возведенный въ 1548 году, въ санъ игумена, онъ показалъ себя и мудрымъ наставникомъ братій и дѣятельнымъ хозяиномъ острова, дотолѣ дикаго и неприступнаго: очистилъ лѣса, проложилъ дороги, осушилъ болота баналами, завелъ оленей, домашній скотъ, рыбныя ловли, соляныя варницы, украсилъ сколько могъ пустыню. На предложеніе Царя принять санъ Митрополита, Филиппъ умолялъ его не ввѣрять бремени великаго ладіи малой; но Грозный былъ непреклоненъ. Филиппъ согласился исполнить волю Царя только при томъ условіи, если будетъ уничтожена Опричина. Иванъ разгнѣвался. Филиппъ рѣшился въ этомъ случаѣ уступить Царю; велѣдъ за тѣмъ онъ далъ запись, въ которой обязывался въ опричину и царскій домовый обиходъ не вступаться, а послѣ поставленья за опричину и царскій домовый обиходъ митрополю не оставлять. Но Филиппъ, отказавшись вмѣшиваться въ Опричину и въ

царскій образъ жизни, не отказался отъ древняго права нашихъ архипастырей печаловаться за опальныхъ. Право прекрасное и вполне достойное архипастыря. Печаловаться значило молить Царя объ опальныхъ, т. е. подвергшихся царскому гнѣву. Печалованіе какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ духу христіанской церкви, назначенію духовнаго пастыря; какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ требованіямъ ученія Христа Спасителя.

Казни продолжались по прежнему. Филиппъ, какъ мы уже сказали, принялъ митрополию въ самый разгаръ казней. Бояре и народъ умоляли Митрополита вступиться за нихъ предъ гнѣвнымъ Царемъ. Вполнѣ сознавая свое призваніе, Митрополитъ не хотѣлъ молчать. Царь какъ будто предчувствуя, что ему не устоять предъ великой нравственной силой Филиппа, по возможности избѣгалъ свиданій съ нимъ. Подобное психическое явленіе, т. е. какая-то робость Ивана предъ тѣмъ, самая жизнь котораго была въ его рукахъ, составляетъ, конечно, тайну души человѣческой. Положимъ, что слова Филиппа могли раздражать царя, дѣйствовать на него болѣзненно, какъ всякое противорѣчіе дѣйствуетъ раздражающимъ образомъ на натуры подобныя натурѣ Грознаго; но что же могло удерживать послѣдняго поступить съ Филиппомъ такъ же, какъ онъ поступалъ со всѣми? Робѣлъ ли Грозный предъ саномъ Филиппа? Склонялся ли предъ силой нравственной Митрополита, предъ той святой задачей, разрѣшеніе которой принялъ на себя Филиппъ? Повторяемъ, мы не беремся разбирать всѣ сокровенныя движенія души человѣческой. Какъ ни старался Иванъ избѣгать тяжелой для него встрѣчи, но волей неволей приходилось встрѣчаться съ Митрополитомъ въ церквахъ. И

здѣсь то разъ произошла слѣдующая сцена между Царемъ и Митрополитомъ.

Только—молчи, одно тебѣ говорю; молчи отецъ святой, говорилъ Царь, молячи и благослови насъ!

— Наше молчаніе грѣхъ на душу твою налагаетъ и смерть наноситъ, отвѣчаетъ Филиппъ.

Ближніе мои встали на меня, ищутъ мнѣ зла, какое дѣло тебѣ до нашихъ царскихъ совѣтовъ?

Я пастырь стада Христова!

Филиппъ! не прекословь державѣ нашей, чтобы не постигъ тебя гнѣвъ мой, или лучше оставь митрополию.

— Я не просилъ, не искалъ чрезъ другихъ, не подкупомъ дѣйствовалъ для полученія сана; зачѣмъ ты лишилъ меня пустыни?

Царь послѣ подобныхъ бесѣдъ съ Митрополитомъ выходилъ изъ церкви въ раздумьи, что было очень не понутру опричникамъ, противъ которыхъ Митрополитъ по преимуществу ратовалъ.

Былъ еще и другой случай, въ которомъ Митрополитъ показалъ себя пастыремъ твердымъ въ убѣжденіяхъ, человѣкомъ горячо преданнымъ отечеству. Въ одно воскресенье, когда Митрополитъ служилъ обѣдню въ Успенскомъ Соборѣ, вошелъ Иванъ съ толпою опричниковъ. Царь и его дружина были въ черныхъ одеждахъ и высокихъ шлыкахъ. Иванъ подошелъ къ Митрополиту и ждалъ благословенія. Между тѣмъ, Филиппъ, устремивъ взоръ свой на образъ Спасителя, какъ бы не замѣчалъ прихода царскаго. Наконецъ, бояре сказали: Святый Владыко! се Государь, благослови его! Тутъ, взглянувъ на царя, Филиппъ отвѣчалъ: Не узнаю Царя въ этомъ одѣянїи странномъ: не узнаю Царя и въ дѣлахъ Его. Мы здѣсь приносимъ жертвы Богу, а за алтаремъ льется невинная кровь христіан-

ская. Съ тѣхъ поръ, какъ солнце сіяетъ на небѣ, не видано, не слыхано, чтобы Цари благочестивые возмущали собственную державу столь ужасно! Въ самыхъ невѣрныхъ языческихъ царствахъ есть законъ и правда, есть милосердіе къ людямъ, а на Руси ихъ нѣтъ! Вездѣ убійства, совершаемыя именемъ царскимъ. Ты высокъ на тронѣ, но есть Всевышній Судія нашъ и твой. Достояніе и жизнь гражданъ неимѣютъ защиты. Какъ предстанешь на судъ Его, обогранный кровію невинныхъ, оглушаемый воплемъ ихъ муки! Ибо самые камни подъ ногами твоими вопіютъ о мести! Иванъ затрепеталъ отъ гнѣва и съ страшными угрозами вышелъ изъ храма.

Какая смѣлость, какое негодованіе звучать въ словахъ великаго мужа! Даже безмолвное созерцаніе образа Спасителя имѣетъ огромное значеніе: Митрополитъ какъ бы ищетъ у Спасителя силы для произнесенія тяжелыхъ словъ, которыя онъ хотѣлъ обратить къ Царю; онъ безмолвнымъ созерцаніемъ образа Спасителя какъ будто хочетъ дать знать Царю, что его жизнь, его неправду отдаетъ на судъ Божій. Какъ вѣрно говоритъ Митрополитъ, что Русь его времени была хуже странъ языческихъ, ибо въ послѣднихъ есть правда и милость, которыхъ нѣтъ въ русской землѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что подобное торжественное обращеніе къ Царю, подобная смѣлость, подобное печалованіе предъ лицомъ множества народа о невинныхъ страдальцахъ, жертвахъ царскаго гнѣва, все это должно было, болѣе или менѣе, хотя на мгновеніе, пробудить голосъ совѣсти, и въ самомъ царѣ и въ его опричникахъ. Во всякомъ случаѣ, упомянутое обращеніе Митрополита къ Царю и всѣ подобныя его бесѣды съ Царемъ не давали окончательно замереть мысли о томъ, что на землѣ есть правда и добродѣтель. Нако-

нецъ, слѣдующее событіе дало врагамъ Филиппа возможность погубить его.

Однажды во время крестнаго хода, какой-то опричникъ надѣлъ на голову шапку. Митрополитъ тутъ же указалъ на опричника Царю, но опричникъ успѣлъ очень быстро снять шапку. Иванъ, не дававшій ни малѣйшаго значенія жалобамъ на опричниковъ, разсердился на Митрополита и ушелъ изъ церкви. Прошло нѣсколько недѣль, Филиппъ служилъ обѣдню въ Успенскомъ Соборѣ. Вдругъ въ храмъ ворвались опричники, прочли Митрополиту приговоръ суда о лишеніи сана, надѣли на него простую одѣжду, вывели изъ церкви и отвезли изъ Кремля.

Народъ плакалъ, смотря на упомянутое насиліе надъ своимъ архипастыремъ, но бѣдный, угнетенный народъ ничего не могъ сдѣлать въ защиту Митрополита. Филиппа заточили въ Тверской отрочъ монастырь. Въ 1569 году, Иванъ проѣзжая Тверь, на походѣ въ Новгородъ, послалъ самаго лютаго опричника, имя котораго съ проклятіемъ перешло въ народъ, Малюту Скуратова, испросить у Филиппа благословенія. Филиппъ не далъ благословенія, говоря, *что благословляютъ только добрыхъ и на доброе дѣло*. Лютый опричникъ собственными руками задушилъ великаго мужа. Митрополитъ Филиппъ причисленъ къ лику святыхъ.

Вотъ вся небольшая исторія жизни одного изъ замѣчательнѣйшихъ Архипастырей церкви.

Теперь мы едѣлаемъ одинъ вопросъ: кабая же польза для согражданъ Митрополита произошла отъ его смерти, да и вообще какую пользу приноситъ смерть людей, отдающихъ жизнь за честныя, благородныя убѣжденія. Повидимому никакой: печалованіе Ми-

трополита не достигло цѣли, ибо Иванъ продолжалъ по прежнему казнить и лить кровь своихъ подданныхъ. Все шло своимъ порядкомъ, какъ будто-бы никогда и не существовало Митрополита Филиппа. Какая польза отъ того, что Филиппъ за свое нежеланіе благословить Царя на разгромъ Новгорода поплатился жизнью? Будто не все равно, благословилъ ли бы онъ или не благословилъ Царя, ибо ни тѣмъ ни другимъ Новгородъ не спасъ бы? Иванъ, получивъ благословеніе, разгромилъ бы Новгородъ, точно также, какъ онъ разгромилъ его безъ благословенія Митрополита.

Нѣтъ, не все равно, мои читатели; не все равно, потому что ни одна смерть за убѣжденія, подобныя высказаннымъ Филиппомъ, не проходитъ безслѣдно для народной массы.

Непостижимымъ образомъ нравственная сила человѣка, запечатлѣвшаго смертью эту нравственную силу, укрѣпляетъ духовно всѣхъ свидѣтелей смерти. Люди невольно подумаютъ: если этотъ человѣкъ не пожалѣлъ жизни, чтобы исполнить то, что онъ долженъ былъ исполнить, то слѣдовательно есть что нибудь святое и дорогое для людей, во имя чего возможно отдать самую жизнь. Личности подобныя Митрополиту Филиппу очищаютъ, такъ сказать, воздухъ, зараженный всякой неправдой и безнравственностью. Общество во время Грознаго видѣло столько неправды, безнравственности, видѣло такое нарушеніе всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ, что могло придти къ убѣженію, что на бѣломъ свѣтѣ, кромѣ зла и порока нѣтъ ничего, что напрасно совершенно и хлопотать о добрѣ, если никто не служитъ добру. Тѣмъ болѣе общество времени Грознаго могло потерять вѣру въ

добро, что даже духовенство изъ страха опалы и смерти рабски исполняло все требованія Царя; напимѣрь, безъ малѣйшаго протеста позволяло ему разводиться съ женами и брать новыхъ. Ни одного голоса духовнаго лица не раздавалось противъ возмутительной жизни Царя. Въ такое время сила душевная Митрополита Филиппа явилась великимъ дѣломъ, ибо воскресила въ людяхъ вѣру въ добро.

Наше молчаніе грѣхъ на душу твою налагаетъ, говорилъ Ивану Филиппъ. Смыслъ этихъ словъ таковъ: если я буду печаловаться предъ тобой за опальныхъ, то можетъ быть своимъ печалованіемъ и спасу жизнь кому нибудь, избавивъ же тебя отъ лишняго убійства невиннаго, я вмѣстѣ съ тѣмъ избавляю тебя и отъ лишняго грѣха. Если же я не буду печаловаться, то всякая надежда на твое милосердіе не мыслимо, убійства будутъ совершаться и твои преступленія предъ Богомъ и людьми будутъ расти. Митрополитъ, конечно, не могъ напередъ вѣрно сказать, что его печалованіе непременно спасетъ чью бы то ни было жизнь; но равнымъ образомъ онъ не могъ поручиться и за то, что печалованіе не остановитъ Грознаго на пути пролитія невинной крови. Можно сказать почти навѣрно, что если бы Царь не находился подъ постояннымъ дѣйствовавшимъ на него раздражительно вліяніемъ злодѣевъ опричниковъ въ родѣ Малюты Скуратова, Басмановыхъ и другихъ, то очень вѣроятно, что противодѣйствія, т. е. протесты Митрополита Филиппа, могли бы принести благіе плоды, ибо люди, подобные Грозному, при всей своей нравственной распущенности, при всей видимой суровости, скоро поддаются тяготѣющему надъ ними вліянію, будетъ ли это доброе или злое

вліяніе. Такія натуры бросаются ко всякому человѣку, какъ бы ища у него спасенія отъ самихъ себя. Иванъ, идя громить Новгородъ, просить благословенія у Митрополита. Движеніе душевное также мало понятное. Какое значеніе могъ онъ давать благословенію бывшаго Архипастыря, свергнутаго имъ съ Митрополіи?

Объясняется ли желаніе получить благословеніе злой насмѣшкой надъ положеніемъ Митрополита, очень возможной въ такихъ душевно—больныхъ, каковымъ былъ Грозный, или мгновеннымъ пробужденіемъ сознанія и чувства, воспитанныхъ въ убѣжденіи, что благословеніе Митрополита должно предшествовать всякому важному дѣлу, ибо очень возможно, что Грозный сохранялъ твердое убѣжденіе, какъ и всѣ подобныя ему личности, находящіяся въ ненормальномъ состояніи ума и воли, что онъ поступаетъ справедливо, что Новгородцы по законамъ Божескимъ и человѣческимъ заслуживаютъ казни. Митрополитъ, не давъ благословенія, совершилъ достойное памяти дѣло. Благословеніе, которому народъ приписывалъ такое огромное значеніе, не могло быть дѣломъ шутки: оно выражало сочувствіе Митрополита къ предпріятію, къ которому приступилъ Царь. Филиппъ прямо говорилъ: я даю благословеніе только добрымъ и на доброе дѣло, слѣдовательно всѣ видѣли, что Царь затѣвалъ не доброе дѣло. Если бы Митрополитъ думалъ только о собственномъ благѣ, а не о благѣ всего народа, то онъ далъ бы свое благословеніе; но и въ этомъ случаѣ своимъ благословеніемъ не заставилъ бы смотрѣть на Царя, какъ на человѣка добраго и на дѣло имъ предпринимаемое, какъ на дѣло доброе. Онъ достигъ бы только одного: своимъ благо-

словеніемъ еще болѣе растлилъ бы нравственно народъ, показавъ ему, что все святое, доброе и прекрасное можетъ быть употребляемо для достиженія личныхъ корыстныхъ цѣлей. Обстоятельства требуютъ, твое личное благополучіе зависитъ оттого, что бы ты далъ ложную клятву—давай ее; для личнаго твоего благополучія нужно дѣйствовать постоянно путемъ обмана—дѣйствуй; словомъ, какъ мы сказали—все святое дорого для человѣка на столько, на сколько оно полезно для его земнаго благополучія. Если бы всѣ люди дорожили высокими нравственными правилами и смѣло называли бы добро добромъ, а зло—зломъ, то тогда царствовала бы на землѣ великая нравственность, великая правда.

Изъ всего множества людей, населявшихъ Москву во время Грознаго, нашелся только одинъ человѣкъ, не побоявшійся торжественно заявить Царю, что онъ творитъ дѣла, достойныя осужденія. Отказавъ въ благословеніи, Митрополитъ одинъ изъ среды всѣхъ духовныхъ лицъ не побоялся заявить, что Царь собрался на дѣло не доброе, что онъ самъ не добрый человѣкъ. Такое заявленіе стоило ему жизни. Въ смутные тяжелые года существованія государства, когда попираются правда, нравственность, когда всякій, въ силу несчастныхъ обстоятельствъ, думаетъ только о самомъ себѣ, когда себялюбіе, т. е. собственное я, совершенно подавляетъ мысль о томъ, что въ государствѣ есть другіе люди, что государство, какъ собраніе гражданъ, имѣетъ свои интересы, свои цѣли и стремленія, въ такую годину отъ совершеннаго нравственнаго растлѣнія граждане спасаются только нравственной силой, истекающей изъ личностей, подобныхъ Св. Митрополиту Фи-

липу. Такія личности, какъ мимолетный лучъ свѣта, озарившій тьму, даютъ людямъ надежду, что рано или поздно настанетъ царство добра и истины.

II.

Патріархъ Гермогенъ.

Въ жизни государства бывають иногда такія години, когда всѣ части его, пошатнувшись въ своихъ основахъ, по видимому представляютъ конечную гибель. Между сословіями возникаетъ непримиримая рознь, права и обязанности не признаются, и сословія и отдѣльныя лица преслѣдуютъ лишь личные интересы, безъ всякой мысли объ интересахъ государства, какъ будто бы отдѣльная личность въ состояніи существовать безъ государства; всѣ накопившіяся вѣками нравственныя общественныя болѣзни выступаютъ наружу; всплываютъ столь естественныя во всякомъ обществѣ бродячіе элементы, т. е. люди бездомные, люди, привыкшіе жить не трудомъ, а на счетъ общества, пользующіеся смутой въ тѣхъ видахъ, чтобы добытымъ во время смуть достояніемъ жить въ будущемъ. Въ такіе моменты жизни государства нравственныя правила теряютъ всякое значеніе, нерѣдко страшная рознь переходитъ въ самыя семейства, въ которыхъ отцы расходятся съ сыновьями, ибо послѣдніе служатъ дѣлу, непризнаваемому отцами. Повторяемъ—гибель государства кажется неизбѣжной, тѣмъ

болѣе, что, кромѣ внутреннихъ враговъ, оно должно имѣть дѣло съ врагами внѣшними, которые стараются воспользоваться подобнымъ положеніемъ государства, чтобы безъ особенныхъ усилій на счетъ его увеличить свои земли или, если представится возможность, совершенно уничтожить его самостоятельное значеніе. Въ такіе моменты жизни государства всякая отдѣльная личность, рѣшившаяся бороться съ волнами этого бурнаго моря, рѣшившаяся противодѣйствовать началамъ нравственнаго разложенія и смутѣ, болшею частью, за весьма ничтожными исключеніями, погибаетъ, конечно, не бесплодно для общества, но всетаки погибаетъ. Государство спасается въ такіе моменты народомъ, который встаетъ, какъ одинъ человѣкъ.

И Римъ и Греція и новѣйшія европейскія государства представляютъ въ своей исторіи осязательные примѣры подобныхъ страшно опасныхъ моментовъ жизни. Пережила подобную тяжкую годину и наша Россія. Время это въ нашей исторіи опредѣляется очень вѣрнымъ прилагательнымъ: «Смутное». Замутилась Русская земля. Началомъ этого смутнаго времени принимаютъ обыкновенно появленіе перваго Самозванца, а концомъ вступленіе на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова, т. е. съ 1606 г. до 1613 года.

Исторія рѣшила, что Царевичъ Димитрій былъ дѣйствительно убитъ, непосредственно ли по приказанію Бориса или нашлись люди, которые поняли, что этимъ убійствомъ исполнять тайное желанія Царя, но смерть Царевича не подлежитъ сомнѣнію. Остается не со всемъ рѣшеннымъ одинъ вопросъ: былъ ли Самозванецъ по собственному сознанію Самозванцемъ или дѣло было ведено врагами Бориса, боярами, такимъ образомъ, что

онъ самъ сохранялъ твердое убѣжденіе въ своемъ прямомъ происхожденіи отъ Ивана Грознаго и потому считалъ себя вполне законнымъ Царемъ. Есть не мало основаній полагать, что онъ смотрѣлъ на себя, какъ на вполне законнаго наслѣдника Московскаго престола. Въ поведеніи Самозванца нельзя не замѣтить убѣжденія въ законности правъ своихъ, «ибо чѣмъ можно объяснить его увѣренность, говорить историкъ Соловьевъ, доходившую до неосторожности, его открытость и свободу въ поведеніи? Чѣмъ объяснить готовность, не одинъ разъ имъ заявленную, отдать свое дѣло на судъ всей земли, когда онъ созвалъ соборъ для изслѣдованія обличеній Шуйскаго? Чѣмъ объяснить въ послѣднія минуты жизни это обращеніе къ матери? На вопросъ разъяренной толпы — точно-ли онъ Самозванецъ? Димитрій отвѣчалъ: «спросите у матери». По показанію всѣхъ современныхъ лѣтописцевъ, Самозванецъ былъ сынъ Галицкаго боярскаго сына Богдана Отрепьева и носилъ въ мѣрѣ имя Юрія, а въ монашествѣ Григорія.

Замутилась Русь со времени смерти Самозванца. Явился и Тушинскій воръ или царикъ, явился въ слѣдъ за нимъ цѣлый рядъ Самозванцевъ, ибо бродячимъ элементамъ — козакамъ, русскимъ ворами и измѣнникамъ, голой польской шляхтѣ, вообще всѣмъ гуляющимъ людямъ, пришла въ вкусу игра въ царя. Такъ объявились слѣдующіе Самозванцы: въ Астрахани царевичъ Августъ, потомъ князь Иванъ, сказавшійся сыномъ Грознаго отъ Колтовской; тамъ же третій царевичъ Лаврентій, сказавшійся внукомъ Грознаго отъ царевича Ивана; въ степныхъ юртахъ явились царевичи Федоръ, Климентій, Савелій, Семень,

Василій, Ерошка, Гаврилка, Мартынка—все сыновья Царя Федора Ивановича.

Когда Тушинскій воръ осадилъ Москву, то народилсь извѣстные въ нашей исторіи перебѣжчики, получившіе названіе перелетовъ. Нѣкоторые изъ нихъ сегодня служили Царю Василю Шуйскому, а на другой день вору; на слѣдующій день опять перелетали къ Царю Василю, выпрашивая здѣсь и въ Тушинѣ грамоты на боярство и земли. Перелетами были люди не изъ черни, а бояре и вообще лица болѣе или менѣе вліятельныя, которыхъ радъ былъ принять и Царь Василій Шуйскій и Тушинскій царикъ. Подобное перелетаніе изъ одного лагеря въ другой, конечно, указываетъ на то, что всѣ нравственныя правила были потоптаны въ грязь. Среди такого то печальнаго общественнаго строя, среди такихъ безнравственныхъ явленій всякій сколько нибудь честный поступокъ, доказывающій, что въ человѣкѣ тверды нравственныя правила въ томъ случаѣ, когда необходимо бороться со зломъ, долженъ останавливать на себѣ вниманіе историка. На этомъ то основаніи мы и не можемъ оставить безъ вниманія дѣятельности Патріарха Гермогена въ смутное время, ибо онъ своими дѣйствіями доказалъ, что твердо вѣрилъ въ нравственность, что любилъ отечество болѣе личныхъ своихъ выгодъ и глубоко сознавалъ, что честныя убѣжденія требуютъ честныхъ дѣлъ.

Впервые твердость убѣжденій Патріарха проявилась при начальной попыткѣ заговорщиковъ, рѣшившихся свергнуть съ престола Василя Шуйскаго. 17 февраля 1609 года заговорщики Григорій Сумбуловъ, Князь Романъ Гагаринъ, Тимофей Грязный и

съ ними 300 человекъ обратились къ боярамъ съ требованіемъ свергнуть Шуйскаго, но бояре не взяли за это дѣло. Заговорщики винулись за Патріархомъ въ Успенскій Соборъ и требовали, чтобы онъ шелъ на лобное мѣсто. Гермогенъ не хотѣлъ идти, его потащили, подталкивая сзади, обсыпали его пескомъ, соромъ, нѣкоторые схватывали его за грудь и крѣпко трясали. Когда поставили его на лобное мѣсто, то заговорщики стали кричать народу, что Шуйскій избранъ незаконно одними своими потаковниками, безъ согласія земли, что кровь христіанская льется за недостойнаго и ни на что не потребнаго, глупаго, нечестнаго, пьяницу, блудника. Но изъ толпы раздались слѣдующія слова: «сѣлъ онъ государь на царство не самъ собою, выбрали его большіе бояре и вы дворяне и служивые люди; пьянства и никакого неистовства мы въ немъ не знаемъ; да если бы онъ, Царь, вамъ и не угоденъ былъ, то нельзя его безъ большихъ бояръ и всенароднаго собранія съ царства свести.» Тогда заговорщики стали кричать: «Шуйскій тайно побиваетъ и въ воду сажаетъ братію нашу, дворянъ и дѣтей боярскихъ, женъ и дѣтей и всѣхъ избитыхъ съ двѣ тысячи.»—Патріархъ спросилъ ихъ: «какъ же это могло статься, что мы ничего не знали? въ какое время и кто именно погибъ?» Заговорщики продолжали кричать: «и теперь повели многихъ нашу братію сажать въ воду: за это мы и стали.» Патріархъ опять спросилъ: «да кого же именно повели въ воду сажать?» Заговорщики закричали: «мы послали уже воротить ихъ, сами увидите!» Потомъ начали читать грамоту, написанную ко всему міру: «Князя де Василія Шуйскаго одной Московой выбрали

на царство, а иные города того не вѣдаютъ, и Князь Василій Шуйскій намъ на царствѣ не любъ и для него кровь льется и земля не умирится: чтобы намъ выбрать на его мѣсто другаго Царя». Патріархъ началъ говорить: «до сихъ поръ Москвѣ ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ и некоторые города не указывали, а указывала Москва всемъ городамъ; Государь Царь и Великій Князь Василій Ивановичъ возлюбленъ и избранъ и поставленъ Богомъ и всеми Русскими властями и Московскими боярами и вами дворянами, всекими людьми всехъ чиновъ и всеми православными христианами, изо всехъ городовъ на его царскомъ избраніи и поставленіи были въ то время люди многіе и крестъ ему Государю цѣловала вся земля, присягала добра ему хотѣть, а лиха не мыслить; а вы забыли крестное цѣлованіе, не многими людьми возстали на Царя, хотите его безъ вины съ царства свести, а міръ того не хочеть да и не вѣдаетъ, да и мы съ вами въ тотъ совѣтъ не пристаемъ же.» Сказавъ это, Гермогенъ отправился домой.

Вотъ первое сильное проявленіе твердаго характера, крѣпкихъ убѣжденій Патріарха Гермогена, если не считать сильнаго и смѣлаго противоудѣйствія Гермогена неправославнымъ поступкамъ Самозванца, когда онъ, Гермогенъ, былъ еще Митрополитомъ Казанскимъ и когда онъ настойчиво требовалъ, чтобы Марина католичка, прежде брачнаго вѣнчанія, приняла крещеніе, за что и былъ удаленъ въ свою обитель.

Необходимо, для ясности пониманія всехъ душевныхъ свойствъ Гермогена, объяснить, что онъ находился съ Царемъ Василюемъ Ивановичемъ въ самыхъ непріязненныхъ отношеніяхъ, къ которымъ успѣли

привести Царя и Патріарха бѣяре, враги Шуйскаго. Какъ поступаетъ Патріархъ въ страшныя минуты для Царя, когда отъ его слова зависѣла судьба этого Царя, ибо слово Патріарха много значило для народа? Онъ, забывая вражду къ нему и помня только одно, что сведеніе Василя съ престола породитъ новыя безпорядки, новыя смуты, соединенныя съ кровопролитіемъ и гибелью для царства, торжественно заявляетъ, что заговорщики хотятъ совершить великую неправду; онъ требуетъ доказательствъ виновности Царя. Доказательствъ этихъ заговорщики не могли представить. Зная не хуже заговорщиковъ, что Василій дѣйствительно былъ выкриганъ на царство, извѣстною, приведенною къ нему партіею, а не избранъ всемъ народомъ*), Гермогенъ сознавалъ, что совѣсть позволяла ему, ради спасенія Царя и соединеннаго съ нимъ порядка, доказывать, что Царь былъ избранъ всемъ народомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совершенно по совѣсти заявляетъ, что Царь былъ поставленъ Богомъ, ибо онъ вѣнчался на царство.

Очень важно также указаніе Патріарха на то, что Москвѣ другіе города не указъ, а напротивъ Москва указываетъ другимъ городамъ. Гермогена въ этомъ случаѣ оправдываетъ исторія, изъ которой намъ извѣстно, что дѣйствительно давнымъ давно, съ уничтоженіемъ удѣльныхъ княжествъ и съ усиленіемъ власти Московскихъ Князей, за тѣмъ Царей, Москва указывала всемъ городамъ.

Мы видѣли также, что Патріархъ не по доброй волѣ пошелъ на лобное мѣсто, а былъ увлеченъ туда насиліемъ, подвергался оскорбленіямъ самымъ уни-

*) И сѣде царствовать Князь Василій Шуйскій безъ избранія земскаго, того, ради многимъ бысть не возлюбленъ. (Полн. Собр. Рус. Автографовъ).

зительнымъ. Только при вѣрѣжныхъ убѣжденіяхъ возможно такъ смѣло бороться съ насиліемъ и неправдою.

Послѣ этого событія Патріархъ отослалъ къ русскимъ людямъ въ Тушино двѣ грамоты. Первая грамота начинается такъ: «бывшимъ православнымъ христіанамъ всякаго чина, возраста и сана, теперь-же не знаемъ какъ васъ и называть. Не достаетъ мнѣ словъ, болитъ душа и болитъ сердце, всё внутренности мои расторгаются и всё составы мои содрагаются, плачу и съ рыданіемъ воюю: помилуйте помилуйте свои души и души своихъ родителей; возстаньте, вразумитесь и возвратитесь. Патріархъ общаетъ въ этой грамотѣ, испросить у Царя прощеніе раскаявшимся: Царь милостивъ, не памятозlobенъ, знаетъ, что по всёю своею волею такъ дѣлаютъ: которые ваши братья въ субботу сыропустную и возставали на него, ложныя и грубыя слова говорили, какъ и вы же, тѣмъ онъ вины отдалъ и теперь они у насъ невредимы пребываютъ; ваши собственныя жены и дѣти также на свободѣ въ своихъ домахъ живутъ.»

И въ данномъ случаѣ ясно рисуется природа Гермогена, который, не смотря на свое нерасположеніе къ Царю, называетъ его въ грамотѣ милостивымъ, непамятозlobнымъ. Понятно, что для подобныхъ движеній душевныхъ необходима не малая добрая воля, безъ которой нельзя побѣдить злыхъ побужденій, необходима побѣда надъ самимъ собой. Гермогенъ хвалитъ Царя русскимъ измѣнникамъ для того, чтобы отозвать ихъ отъ службы Тушинскому вору; онъ думаетъ только о благѣ отечества, сознавая, что отечеству нуженъ законный Царь, нуженъ порядокъ, сознавая, что сведеніе съ престола Царя Василя

поведеть къ новымъ смутамъ и бѣдамъ для государства.

Своему убѣжденію оставаться вѣрнымъ порядку, законности Патріархъ не измѣняетъ и въ послѣдующихъ своихъ дѣйствіяхъ: онъ вторично противится низведенію Шуйскаго съ престола, когда заговорщики съизнова приступаютъ къ исполненію своего плана, и торжественно говоритъ противъ самаго постриженія Царя, признаетъ это постриженіе незаконнымъ, утверждаетъ, что монахомъ сдѣлался князь Тюфякинъ, произносившій за Царя во время процесса постриженія обѣты, а не Шуйскій, который во время постриженія не переставалъ повторять, что не хочетъ постриженія.

Патріархъ вездѣ, при всѣхъ случаяхъ, благо отечества тѣсно связываетъ съ неприкосновенностью православною вѣры, за которую онъ является горячимъ поборникомъ. Такъ, при первой мысли партіи, расположенной къ польскому Королевичу Владиславу и, въ слѣдствіе этого, желавшей возвести его на престолъ подъ тѣмъ предлогомъ, что избраніе Царемъ кого нибудь изъ природныхъ князей поведетъ къ новымъ смутамъ, Патріархъ настаиваетъ на избраніи русскаго православнаго Царя. Онъ измѣняетъ свое убѣжденіе только съ тѣмъ условіемъ, чтобы Королевичъ до вступленія на царство принялъ православіе.

Когда вопросъ объ избраніи на царство Владислава на вышеупомянутомъ условіи былъ покоянъ, то въ Москвѣ, въ Успенскомъ Соборѣ, начали принимать присягу Королевичу, въ присутствіи Патріарха. Сюда пришли русскіе тушинцы, прибывшіе подъ Москву съ Жолкѣвскимъ—Михайло Салтыковъ, князь Мосальскій и другіе. Они подошли подъ благословеніе къ

Патріарху. Гермогенъ встрѣтилъ ихъ грозными словами: «Если вы пришли правдою, а не лестію и въ вашемъ умыслѣ не будетъ нарушенія православной вѣры, то будь на васъ благословеніе отъ всего Вселенскаго Собора и отъ меня грѣшнаго; если же вы пришли съ лестію, съ злымъ умысломъ противъ вѣры, то будьте прокляты». Салтыковъ со слезами на глазахъ сталъ увѣрять, что будетъ у нихъ прямой, честный Государь, и Патріархъ благословилъ его. Но когда подошелъ Михайло Молчановъ, заводчикъ смуть и крови, убійца Борисова сына, игравшій роль Дмитрія въ Самборѣ, заводчикъ крови, вмѣстѣ съ Шаховскимъ, то Патріархъ закричалъ на него: «окаянный еретикъ! тебѣ не слѣдъ быть въ церкви» и велѣлъ выгнать его вонъ.

Мы знаемъ, что Салтыковъ, князь Мосальскій и многіе другіе были слугами Поляковъ, тушинскаго вора; думали только о томъ, чтобы въ тяжкое для отечества время въ мутной водѣ рыбу ловить; для нихъ не существовало блага соотечественниковъ; они кланялись Жолгѣвскому, когда онъ сидѣлъ въ Москвѣ, хвалились своими услугами Полякамъ и молили, какъ самые презрѣнные холопы, о милостяхъ, о земляхъ, которыми дѣйствительно и были награждаемы. Гермогенъ хорошо зналъ всю жизнь Салтыкова и Мосальскаго; онъ, какъ человѣкъ прямой и честный, какъ архипастырь, считаетъ себя обязаннымъ публично высказывать свои убѣжденія, свои мнѣнія о тѣхъ или другихъ людяхъ и безъ страха, безъ оглядки, высказываетъ ихъ. Побѣжденный раскаяніемъ Салтыкова, благословляетъ его, но благословляетъ условно, съ оговоркой. Напротивъ, сохраняя твердое убѣжденіе,

что для Молчанова нѣтъ возвращенія на путь правды и добра, что для него нѣтъ раскаянія, онъ торжественно предаетъ его проклятiю и изгоняетъ изъ храма. Только высоконравственный, необыкновенно твердый въ убѣжденiяхъ человекъ, съ сильной волей, можетъ такъ торжественно, такъ смѣло высказывать свои мнѣнiя относительно тѣхъ или другихъ людей и всякому воздавать по заслугамъ. Для Гермогена не существовало страха, онъ не зналъ никакихъ политическихъ соображенiй, а говорилъ и дѣйствовалъ такъ, какъ заставляли его говорить и дѣйствовать твердыя, ничѣмъ непоколебимыя убѣжденiя. Если бы во всякомъ обществѣ было побольше такихъ сильныхъ духомъ гражданъ, то правда, совесть, честь не были бы только одними словами.

Согласившись на избранiе Владислава, подъ условiемъ принятiя имъ православiя, и сознавая, что чѣмъ скорѣе послѣднiй прибудетъ въ Москву, тѣмъ скорѣе умиротворится дорогое отечество, онъ пишетъ къ Королю Сигизмунду, желавшему, какъ извѣстно, отстранить отъ Московскаго престола сына, съ тѣмъ, чтобы самому занять этотъ престолъ, пишетъ, чтобы Сигизмундъ отпустилъ сына въ греческую вѣру. «Любви ради Божiей, говорить, между прочимъ, Гермогенъ, смилуйся, великiй Государь, не презри нашего прошенiя, да и вы сами Богу не погрубите, и насъ богомольцевъ своихъ и такихъ неисчетныхъ народовъ не оскорбите».

Нигдѣ, ни при какомъ случаѣ, Гермогенъ не позволяетъ, безъ противодѣйствiя съ своей стороны, нарушать не только существо православiя, но даже противодѣйствуетъ, заявляетъ негодованiе и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ лишь о нарушенiи ви-

димаго внѣшняго благочестія. Такъ, когда Гетманъ Жолкѣвскій, стоя около Москвы, прислалъ просить бояръ, чтобы они отвели ему Новодѣвичій монастырь и слободы, на что бояре согласились, то Патріархъ возражалъ, что неприлично оставить монахинь въ монастырѣ вмѣстѣ съ Поляками, неприлично и выслать ихъ изъ монастыря ради Поляковъ. Мнѣніе Патріарха нашло сильное сочувствіе въ народѣ: около Гермогена начали собираться дворяне, торговые, посадскіе люди, стрѣльцы. Патріархъ дважды посылалъ къ боярамъ, зовя ихъ для совѣщаній по многимъ важнымъ вопросамъ, но бояре не шли, отговариваясь государственнымъ дѣломъ. Тогда Патріархъ послалъ сказать боярамъ, что если они не хотятъ идти къ нему, то онъ пойдетъ къ нимъ и не одинъ, а со все́мъ народомъ. Бояре испугались и пошли къ Патріарху, который говорилъ имъ, что Жолкѣвскій нарушаетъ условіе, не отправляетъ никого противъ Калужскаго вора, хочетъ ввести войска свои въ Москву, а русскіе полки высылаетъ на службу противъ Шведовъ.

Есть основаніе предполагать, что Патріарха хотѣли убить сторонники Короля Сигизмунда, желавшіе посадить послѣдняго Царемъ на Москвѣ; хотѣли убить потому, что Патріархъ рѣшительно отказался благословить народъ для присяги Королю. Казанская грамота, посланная въ Хлыновъ, говоритъ, что къ Патріарху приходили просить объ этомъ Салтыковъ и Андроновъ; что на другой день приходилъ просить объ этомъ же Метиславскій. Гермогенъ не согласился исполнить ихъ просьбы, велѣдствіе чего его хотѣли зарѣзать. Тогда Патріархъ послалъ по сотнямъ къ

гостямъ и торговымъ людямъ, чтобы приходили къ нему въ Соборную церковь. Гости торговые и всякихъ чиновъ люди, пришедши въ Успенскій Соборъ, отказались цѣловать Королю крестъ, не смотря на то, что толпы вооруженныхъ Поляковъ стояли у Собора. Когда для всѣхъ искренне любившихъ отечество сдѣлалось явнымъ, что польскій Король рѣшительно намѣренъ самъ сдѣлаться Царемъ, между тѣмъ какъ русскіе хотѣли видѣть на престолѣ его сына и вообще, когда опасность, грозившая отечеству, стала видимо выростать, тогда многіе города начали подумывать о томъ, чтобы списаться съ другими городами и возстать на защиту отечества. Такъ, Москвичи въ отвѣтъ на полученные грамоты изъ разныхъ городовъ пишутъ: «Для Бога, судьи живымъ и мертвымъ, не презрите бѣднаго и слезнаго нашего рыданія, будьте съ нами за одно противъ враговъ нашихъ и вашихъ общихъ; вспомните одно: только въ корнѣ основаніе крѣпко будетъ, то и дерево неподвижно; если же корня не будетъ, то къ чему прилѣпиться?» послѣдними словами Москвичи хотѣли указать на государственное значеніе Москвы, т. е. Москва корень, безъ котораго не можетъ существовать все дерево. Въ концѣ грамоты они прибавляютъ: «а у насъ святѣйшій Гермогенъ Патріархъ прямъ, какъ самъ пастырь, душу свою за вѣру христіанскую полагаетъ неизмѣнно, и ему всѣ христіане православные послѣдуютъ, только не явственно стоятъ.» Послѣдними словами выражается та мысль, что Патріарху слѣдуютъ, думаютъ также, какъ онъ, всѣ православные христіане; хотя они до сей поры еще не заявили открыто и смѣло о своей любви къ вѣрѣ православ-

ной и отечеству. Если Москвичи неаявственно стояли, какъ выражается грамота, то жители другихъ областей стояли явственнѣе. Такъ Нижегородцы послали въ Москву провѣдать, что тамъ дѣлается? Посланные видѣлись съ Патріархомъ, получили отъ него благословеніе на возстаніе, но грамоты отъ него не привезли, потому что у Патріарха писать было некому: дьяки и подъячіе и всякіе дворовые люди взяты, и дворъ его весь разграбленъ.

Мы не разъ имѣли случай замѣтить, что Патріархъ выступаетъ только тогда, когда отечеству или вѣрѣ грозить новая опасность.

Бояре ведутъ переговоры съ Поляками, такъ или иначе дѣйствуютъ на различныхъ служебныхъ поприщахъ, Патріархъ не вмѣшивается, пока бояре не кривятъ совѣстью, не готовятъ новой бѣды царству; но гдѣ явится хотя малѣйшій признакъ бѣды для вѣры и отечества, тамъ выступаетъ Гермогенъ и всѣми силами препятствуетъ совершить зло крамольникамъ и измѣнникамъ.

Убѣдившись, наконецъ, что только всеобщее возстаніе городовъ спасетъ Россію, онъ благословляетъ на возстаніе. Какая неустанная, горячая дѣятельность во имя любви къ вѣрѣ и отчизнѣ!

Сношенія городовъ между собою привели ко всеобщему ополченію, привели къ тому, что явились Мининъ и Князь Пожарскій, руководители возстанія. Со всѣхъ сторонъ тянулись къ Москвѣ ополченія, готовые или спасти Россію, или умереть подъ стѣнами Москвы. Въ это самое время въ Москвѣ бояре — правители государства, ибо всѣмъ царствомъ управляла семибоярщина (отсюда и поговорка — знать великъ

городъ, что семь воеводъ), по предложенію извѣстнаго крамольника Салтыкова, рѣшили послать въ Польшу къ находившимся тамъ посламъ Митрополиту Ростовскому Филарету и Князю Голицыну приказъ, чтобы отдались во всемъ на волю Королевскую, а къ Ляпунову (рязанскій дворянинъ), сбиравшему ополченіе, чтобы не затѣвалъ возстанія и не собиралъ войска. Бояре знали, что въ такомъ великомъ дѣлѣ грамота ничего не значила безъ подписи Патріарха. На этомъ основаніи они и представили ее ему для сѣрѣпленія; но Гермогенъ отвѣчалъ имъ: «стану писать къ Королю грамоты и духовнымъ всѣмъ властямъ велю руки приложить, если Король дастъ сына на московское государство, крестится Королевичъ въ православную христіанскую вѣру и литовскіе люди выйдутъ изъ Москвы. А что положиться на Королевскую волю, то это вѣдомое дѣло, что намъ цѣловать крестъ самому Королю, а не Королевичу, и я такихъ грамотъ не благословляю вамъ писать, и проклиная того, кто писать ихъ будетъ; а къ Прокофью Ляпунову напишу, что если Королевичъ на Московское государство не будетъ, въ православную христіанскую вѣру не крестится и Литвы изъ Московскаго государства не выведетъ, то благословляю всѣхъ, кто Королевичу крестъ цѣловалъ, идти подъ Москву и помереть всѣмъ за православную вѣру.» Лѣтописецъ говоритъ, что Салтыковъ сталъ Гермогена позорить и бранить, и, вынувши ножъ, хотѣлъ его зарѣзать; но Патріархъ, осѣнивъ его крестнымъ знаменіемъ, сказалъ громко: «крестное знаменіе да будетъ противъ твоего окаяннаго ножа, будь ты проклятъ въ семь вѣкѣ и въ будущемъ, а Мстиславскому, бывше-

му тутъ же, сказалъ тихо: «твое дѣло начинать и пострадать за христіанскую православную вѣру; если же прельстишься на такую дьявольскую прелесть, то преселить Богъ корень твой отъ земли живыхъ.» Такимъ образомъ грамоты были отправлены безъ подписи Патріарха. Если вникнуть, внимательно въ вышеприведенный отвѣтъ Гермогена, то невольно будешь пораженъ необыкновенной твердостью, отчетливостью, ясностью этого отвѣта. Вы какъ будто бы слышите, чувствуете, что говоритъ человѣкъ, способный ни на одинъ волосъ измѣнить тому, въ святости чего убѣжденъ. Отвѣчая боярамъ, Патріархъ прекрасно понималъ, что грамота, о подписаніи которой просили бояре, есть дѣло людей, думавшихъ только о томъ, чтобы выслужится предъ Сигизмундомъ и въ послѣдствіи, когда онъ будетъ Царемъ, получить отъ него богатства и земли. Патріархъ прямо даетъ знать боярамъ, что онъ ясно понимаетъ, что значить выраженіе: отдать все дѣло на Королевскую волю и какая это будетъ воля, Народъ русскій присягалъ Королевичу, а не Королю, ибо Королевичъ могъ принять православіе, Король же будучи ярымъ католикомъ, что не могло быть неизвѣстнымъ русскимъ людямъ, никогда не измѣнилъ бы своей вѣры.

Какая твердая вѣра въ Патріархѣ въ силу крестнаго знаменія, которымъ онъ обороняется противъ ножа Салтыкова и какая смѣлость во всемъ отвѣтѣ, обращенномъ къ Салтыкову, уже извѣстному Патріарху по прежнимъ встрѣчамъ! Гермогенъ проклялъ Салтыкова, ибо зналъ, что онъ былъ, есть и останется заводчикомъ смуть и крови; зналъ, что для

Салтыкова нѣтъ исправленія, нѣтъ возврата на путь правды, ибо, какъ извѣстно изъ нашей статьи, Салтыковъ прежде, въ Успенскомъ Соборѣ, во время присяги Владиславу, клялся, что пришелъ принять благословеніе не съ лестью, не съ злымъ умысломъ противъ вѣры и измѣнилъ клятвѣ. Къ Мстиславскому Патріархъ не относится съ проклятіемъ, потому что равнымъ образомъ зналъ, что онъ, какъ и другіе бояре, увлеченъ Салтыковымъ и подобными ему приверженцами Сигизмунда. Мстиславскій принадлежалъ къ самому знатному роду, по этому Патріархъ и грозить ему пресѣченіемъ рода.

До какой степени огромное значеніе имѣлъ Патріархъ Гермогенъ для русскихъ людей не только потому, что онъ былъ Патріархомъ, но главное потому что русскіе знали его твердыя убѣжденія, его безкорыстную любовь къ отечеству, можетъ служить доказательствомъ то обстоятельство, что наши послы Голицынъ и Филаретъ на всѣ требованія польскихъ пановъ послать къ жителямъ Смоленска, осажденнаго въ то время Сигизмундомъ, который непременно хотѣлъ сначала взять этотъ городъ, и затѣмъ уже идти на Москву, на всѣ требованія послать приказъ сдаться Королю, отвѣчали коротко и ясно: «исполнить грамотъ нельзя: отправлены мы отъ Патріарха, всего освященнаго Собора, отъ бояръ, отъ всѣхъ чиновъ и отъ всей земли, а эти грамоты писаны безъ согласія Патріарха и освященнаго Собора; Патріархъ у насъ человекъ начальный, безъ него теперь совѣтовать о такомъ великомъ дѣлѣ непригоже».

Отказъ Патріарха запретить собираться ополче-

ніямъ, отказъ его подписать упомянутыя грамоты къ Посламъ составляетъ дѣло величайшей важности. При огромномъ значеніи вообще духовной власти на Руси, а особенно высшей духовной власти, выразившейся въ лицѣ Патріарха, всякое приказаніе, истекшее изъ этой высшей власти, безъ сомнѣнія, было бы исполнено; было бы исполнено и приказаніе остановить сборъ ополченія; было бы исполнено приказаніе послать въ Смоленскъ распоряженіе о сдачѣ города. Во всякомъ случаѣ, вѣрно то, что какое бы то ни было подобное распоряженіе Гермогена или произвело бы новое смущеніе, породило бы новые вопросы, остановило бы дѣло спасенія отечества, или совсѣмъ измѣнило бы судьбу Россіи.

Такимъ образомъ, великіе историческіе дѣятели, люди твердой воли, твердыхъ убѣжденій,—люди, отданные всѣми силами своему отечеству, его благу; люди, способные забывать о себѣ и своихъ выгодахъ, когда гибнетъ общее благополучіе, такіе люди учатъ насъ, что твердая воля, направленная на добро, не есть одинъ пустой звукъ, одно пустое слово.

Сдѣлавшись главнымъ дѣятелемъ возстанія, безъ котораго невысказано было спасеніе отечества, Гермогенъ разсылаетъ грамоты по городамъ, благословляетъ всѣхъ и каждого спѣшить въ ряды ополченія. По его мановенію вставала и собиралась земля.

Салтыковъ пришелъ къ нему съ боярами и сказалъ: «ты писалъ, чтобы ратные люди шли къ Москвѣ; теперь напиши имъ, чтобы шли назадъ». Напишу, отвѣчалъ Гермогенъ, если ты, измѣнникъ, вмѣстѣ съ литовскими людьми, выйдешь вонъ изъ Москвы; если же вы останетесь, то всѣхъ благословляю поме-

реть за православную вѣру: «вижу ей поруганіе, вижу раззореніе святыхъ церквей, слышу въ Кремлѣ пѣніе латинское и не могу терпѣть».

Патріархъ не могъ терпѣть. Не могли терпѣть болѣе поляки и русскіе измѣнники въ родѣ Салтыкова: Патріарха отдали подѣ стражу, никого не велѣли пускать къ нему. Преданіе говоритъ, что великій архимастырѣ, великій поборникѣ вѣры, великій боецѣ за отечество, былѣ въ тюрьмѣ заморенѣ голодомъ, У лѣтописца сказано: «въ изгнаніи нужно уморина». Гермогенѣ погребенѣ въ Чудовомѣ монастырѣ.

Также сильно, коротко и ясно, какъ и прежде, отвѣчаетъ Гермогенѣ, съ тою только разницею относительно Салтыкова, что приказываетъ ему совсѣмъ оставить русскую землю, имѣ поруганную. «Тогда напишу, говоритъ Патріархъ, чтобы ополченія шли назадѣ, когда ты, измѣнникѣ, вмѣстѣ съ литовскими людьми выйдешь вонѣ изъ Москвы.» Патріархъ становится Салтыкова даже прежде литовскихъ людей и, конечно, потому, что считаетъ его хуже Поляковѣ, какѣ измѣнника. Какѣ всѣ люди твердыхъ убѣжденій, Патріархъ, разѣ убѣдившись въ чемѣ бы то ни было, говоритъ всегда одинаково, безѣ измѣненій. Онѣ настолько настойчиво преслѣдуетъ свои цѣли, что если бы Поляки дѣйствительно вышли изъ Москвы и съ ними не ушелъ бы Салтыковѣ, то не подлежитъ сомнѣнію, что онѣ, Патріархъ, заставилъ бы Салтыкова оставить русскую землю. У людей подобныхъ Гермогену нѣтъ пустыхъ и необдуманныхъ словъ, что они говорятъ, то и исполняютъ.

Есть нѣкоторыя указанія въ исторіи, что Гермогенѣ былѣ суровѣ, даже жестокѣ. Очень можетъ быть, что

его твердость характера иногда переходила въ суровость и жестокость, если встрѣчались на пути, во время преслѣдованія извѣстныхъ, дорогихъ для него цѣлей, тѣ или другія препятствія. Во-первыхъ, и въ солнцѣ есть пятна; во-вторыхъ, трудно было быть мягкимъ человѣкомъ во время смутное, нами описанное, когда всѣ основы государственнаго, семейнаго быта расшатались. Постоянная борьба со зломъ во всѣхъ возможныхъ видахъ дѣйствительно могла наложить на характеръ Патріарха Гермогена черту суровости и жестокости. Бѣдствія, которыя терпѣлъ народъ въ смутное время, могли человѣка съ душой, человѣка, любившаго Россію, ожесточить до извѣстной степени. Современникъ очевидецъ такъ описываетъ эти бѣдствія: «И превратились тогда жилища человѣческія въ звѣриныя: медвѣди, волки и лисенцы бродили по городскимъ площадямъ, хищныя птицы изъ дремучихъ лѣсовъ слетались надъ грудами человѣческихъ труновъ... Люди сырвались по лѣсамъ и въ водѣ между кустовъ, ни днемъ, ни ночью не было имъ покоя и мѣста, гдѣ можно было бы укрыться. вмѣсто луны ночью пожары освѣщали поля и лѣса и никому нельзя было двинуться съ мѣста: людей поджидали, какъ звѣрей, выходящихъ изъ лѣсовъ. Злодѣи перестали гоняться за звѣрями, и завели гонбу за своими братьями, за людьми, преслѣдуя ихъ съ собаками, какъ звѣрей. И настоящіе звѣри пожирали людей, спасавшихся бѣгствомъ, и люди, звѣри, по праву, истребляли ихъ.... И было тогда такое лютое время Божія гнѣва, что люди не чаяли впродѣ спасенія себѣ, чуть не вся русская земля опустѣла. И прозвали старики наши лютое время -- лихолѣтьемъ».

Безъ сомнѣнія, объ этомъ лихольтвѣ зналъ и Патріархъ, близко стоявшій къ народу и знавшій его. Онъ самъ, бесѣдуя съ Салтыковымъ, говоритъ ему: «вижу поруганіе вѣры, оскверненіе церквей, слышу латинское пѣніе въ Кремль и не могу терпѣть». Само собой разумѣется, что онъ и слышалъ и видѣлъ многое другое. Эти слова, «и не могу терпѣть,» вполнѣ объясняютъ намъ сколько страданій, сколько горя накинуло на его бѣдной душѣ, всецѣло отданной отечеству. Во всякомъ случаѣ, если Гермогенъ, что очень вѣроятно, былъ мало снисходителемъ къ слабостямъ другихъ, то потому, что онъ былъ строгъ къ самому себѣ. Соглашаемся и съ тѣмъ, что дѣйствительно въ его природѣ могло лежать зерно суровости, которое возрастили тяжелыя обстоятельства.

Исторія съ гордостью записываетъ рядомъ съ именемъ Митрополита Филиппа и имя Патріарха Гермогена.

III.

Думный дворянинъ Прокопій Ляпуновъ и дворянинъ Ржевскій.

Въ самомъ разгарѣ неурядицы и смуты, послѣ сверженія Шуйскаго, ополченія, стоявшаго подъ Москвой, стали думать и гадать какъ устроить временное правительство, ввести какой-нибудь порядокъ въ управленіи войскомъ и землею. Особенно замѣчательные и влія-

тельные начальники ополченій были: князь Дмитрій Тимофеевичъ Трубецкой, бояринъ Иванъ Мартыновичъ Заруцкій и думный дворянинъ Прокопій Петровичъ Ляпуновъ. Изъ нихъ послѣдній всѣхъ больше выдавался по своимъ нравственнымъ правиламъ, энергій,*) военнымъ способностямъ, дѣятельности.

Фамилія Ляпунова происходитъ изъ дома Св. Владиміра, но утратила княжеское достоинство, захудала, какъ говорилось въ древности.

Въ описанную эпоху Прокопію Ляпунову было лѣтъ 50; онъ былъ высокаго роста, крѣпкаго сложеніе, красивъ собою. Рождался естественный вопросъ: кому изъ трехъ главныхъ начальниковъ отдать въ руки временное правительство, кому вручить безгосударное отечество? 30-го іюня 1611 г. Московскаго государства разныхъ земель Царевичи, бояре, окольнічи и всякіе служивые люди и дворовые, которые стоятъ за домъ Пресвятой Богородицы и за православную христіанскую вѣру, противъ раззорителей вѣры христіанской, польскихъ и латинскихъ людей подъ Москвою, приговорили и выбрали всею землею бояръ и воеводъ князя Дмитрія Тимофеевича Трубецкаго, Ивана Мартыновича Заруцкаго и воеводу Прокопія Петровича Ляпунова на томъ, «что имъ, будучи въ правительствѣ, земскимъ и всякимъ ратнымъ дѣломъ промышлять, расправу всякую между всякими людьми чинить вправду, а ратнымъ и всякимъ земскимъ людямъ ихъ бояръ во всемъ слушать». Далѣе въ этомъ приговорѣ подробно опредѣляются права и обязанности упомянутыхъ выборныхъ, начальныхъ людей.

*) Энергія—душевная сила.

Такимъ образомъ никто изъ предводителей ополченія не былъ обойденъ, хотя двое изъ нихъ князь Трубецкой и бояринъ Заруцкій, по своимъ душевнымъ свойствамъ, не заслуживали такого довѣрія. Трубецкой былъ человѣкъ безъ характера, способный лишь тянуться за другими, каеихъ бы стремленій не держались эти другіе—ему отъ Ляпунова и Заруцкаго, какъ говорить лѣтописецъ, чести никакой не было. Заруцкій, предводитель казаковъ, былъ совершеннымъ олицетвореніемъ всѣхъ казачьихъ воровскихъ наклонностей; онъ какъ нельзя болѣе оправдывалъ до того времени и послѣ названіе вора, предлагавшагося въ то время ко всѣмъ искателямъ приключеній и воровской наживы.

О Прокопѣ Ляпуновѣ лѣтописецъ говоритъ, что онъ не по своей мѣрѣ вознесся и отъ гордости его отеческимъ дѣтямъ много позору и безчестія было, не только дѣтямъ боярскимъ, но и самимъ боярамъ. Приходили къ нему на поклонъ и стояли у его избы долгое время, никакого человѣка къ себѣ прямо не пускалъ и къ казакамъ былъ очень жестокъ, и за то на него была ненависть большая.

Изъ этой характеристики Ляпунова видно, что заносчивость, нетерпимость были отличительными чертами его природы, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ очень замѣчательной.

Но при всѣхъ своихъ недостаткахъ, Ляпуновъ былъ человѣкъ безъ пятна, человѣкъ умный, энергичный и способный военачальникъ, какъ мы сказали выше. Иногда, правда, энергія его переходила въ необузданность: онъ не умѣлъ управлять своими стремленіями и порывами. Часто вмѣсто того, чтобы хладнокровно выжидать, обдумывать ходъ событій онъ весь отдавался завѣтной мысли или желанію. Ляпуновъ не торговалъ своею

честью и своимъ человѣческимъ достоинствомъ; исторія не упрекаетъ его въ такихъ предосудительныхъ дѣйствіяхъ, въ какихъ она обвиняетъ другихъ бояръ и дворянъ. Страшная энергія не давала Ляпунову покоя, заставляла его всегда рваться въ первые ряды; сильно впечатлительная природа заставляла его безъ оглядки отдаваться всему, что казалось ему добрымъ и хорошимъ.

Онъ честно, безъ всякихъ своекорыстныхъ расчетовъ, поднялъ оружіе за самозванца, котораго немедленно оставилъ, какъ скоро убѣдился въ его самозванствѣ. Его горячая привязанность къ прекрасному, благородному, восхваляемому всеми современниками князю Михаилу Скопину Шуйскому служить не малымъ доказательствомъ хорошихъ свойствъ его природы. Для того, чтобы оцѣнить честнаго, хорошаго человѣка, нужно быть и самому честнымъ и хорошимъ. Но Ляпуновъ, какъ выше сказано, отталкивалъ отъ себя всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось дѣйствовать на полѣ общественномъ, своимъ гордымъ обращеніемъ.

Какъ человѣкъ въ высшей степени честолюбивый, онъ хотѣлъ вездѣ первенствовать и начальствовать. Будучи предводителемъ дружинъ, стремившихся возстановить земскій порядокъ въ русской землѣ, желавшихъ покончить съ тяжелымъ безгосударнымъ временемъ, Ляпуновъ естественно долженъ былъ встать въ самыя враждебныя отношенія съ казаками и ихъ предводителями, которые, напротивъ, жили безурядицей, стремились къ тому, чтобы продлить безгосударное время.

Приговоръ, о которомъ мы упомянули выше, прямо говоритъ о необходимости сдержать казацкіе грабежи, казацкое безурядье. Лѣтопись передаетъ, что Ляпуновъ

согласился съ дворянами и дѣтьми боярскими, въ необходимости написать земскій приговоръ, тогда какъ Трубецкому и Заруцкому это дѣло было не любо, ибо приговоръ былъ направленъ прямо противъ казаковъ, грозилъ имъ жестокимъ наказаніемъ за своевольство и грабежи; былъ направленъ прямо противъ Заруцкаго, захватившаго себѣ много городовъ и волостей, которые, по требованію приговора, послѣдній долженъ былъ возвратить. «И съ этихъ поръ,» говоритъ лѣтописецъ, какъ Ляпуновъ велѣлъ написать приговоръ, враги его начали думать, «какъ бы его убить.»

Дѣло началось тѣмъ, что одинъ изъ ополченцевъ Ляпунова Матвѣй Пленцеевъ приказалъ 28 человекъ казаковъ посадить въ воду за грабежи, но товарищи виновныхъ, другіе казаки, вынули ихъ изъ воды, собрали кругъ и порѣшили убить Ляпунова. Ляпуновъ рѣшился бѣжать изъ стана въ Рязанскую землю, откуда онъ былъ родомъ, но земскіе люди, догнавъ его, уговорили остаться, ибо они хорошо понимали, что Ляпуновымъ держался порядокъ, что онъ одинъ способенъ былъ спасти отечество отъ конечной гибели. Ляпуновъ уступилъ и воротился.

Но для однихъ казаковъ былъ Ляпуновъ, какъ говорится, бельмомъ на глазу, желалъ его смерти и Гонсѣвскій, польскій военачальникъ, сидѣвшій въ Москвѣ. Не страшна была Гонсѣвскому казацкая вольница, думавшая лишь о грабежахъ и разбояхъ; но страшнымъ представлялось полякамъ земское войско, особенно подъ начальствомъ такого талантливаго и энергическаго воеводы, какимъ былъ Ляпуновъ; странно казалось полякамъ земское войско идею, которой оно было воодушевлено, идею спасенія отечества.

Убѣдившись наконецъ, какъ и всѣ честные люди того

времени, что отечество можетъ быть спасено только поголовнымъ возстаніемъ русскаго народа, Ляпуновъ, предъ началомъ похода подь Москву, разослалъ слѣдующую грамоту: «Встанемъ крѣпко, писалъ онъ, примемъ оружіе Божіе и щить вѣры, подвигнемся всею землею къ царствующему граду Москвѣ и со всеми православыми христіанами Московскаго Государства учинимъ совѣтъ: кому быть на московскомъ государствѣ Государемъ. Если сдержитъ слово Король и дастъ сына своего на московское государство, крестивши его по греческому закону, выведетъ литовскихъ людей изъ земли и самъ отъ Смоленска отступитъ, то мы ему Владиславу Жигимонтовичу цѣлуемъ крестъ и будемъ ему холопами, а не захочетъ, то намъ всемъ за вѣру православную и за все страны россійскія земли стоять и биться. У насъ одна дума: или вѣру православную очистить или всемъ до одного помереть.»

Съ такими убѣжденіями Ляпуновъ велъ ополченіе подь Москву, гдѣ судьба положила трагическій конецъ его дѣятельности.

На одной изъ стычекъ Поляки взяли въ плѣнъ донскаго казака, побратима атамана Заварзина. Заварзинъ началъ хлопотать о томъ, чтобы освободить своего побратима. Гонсѣвскій позволилъ ему видиться съ плѣннымъ казакомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Гонсѣвскому пришла мысль воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы погубить Ляпунова. Онъ велѣлъ написать грамоту отъ имени Ляпунова, въ которой послѣдній писалъ во все города такъ: «гдѣ поймаютъ казака — бить и топить, а когда дастъ Богъ государство московское уснокоится, то мы весь этотъ злой народъ истребимъ.» Подъ руку Ляпунова ловко было подписано на грамотѣ.

Гонсе́вскій устроилъ дѣло такимъ образомъ, что грамота попала въ руки плѣннаго казака, о которомъ мы упомянули выше. Казакъ, при свиданіи съ Заварзиннымъ, показалъ ему эту грамоту. «Вотъ, братъ, сказалъ онъ смотри, какую измѣну надъ нашею братьею казаками Ляпуновъ дѣлаетъ! вотъ грамота, которую Литва перехватила.» Взявъ грамоту, Заварзинъ отвѣчалъ; «теперь мы его с... сына убьемъ.» Возвратясь въ станъ, Заварзинъ показалъ грамоту казакамъ. Казаки собрали кругъ. Трубецкой и Заруцкій въ кругъ не поѣхали. Ляпуновъ также не явился, не смотря на двукратный зовъ — и пошелъ въ кругъ только тогда, когда пришедшіе къ нему земскіе люди Сильвестръ Толстой и Юрій Потемкинъ поручились, что никакого худа ему не будетъ.

Увидавъ Ляпунова, Атаманъ Карамышевъ сталъ кричать, что онъ измѣнникъ, причемъ показалъ грамоту, подписанную его рукой. Ляпуновъ посмотрѣлъ на грамоту и сказалъ: «рука похожа на мою, только я не писалъ.» Начался споръ, который и кончился тѣмъ, что Ляпуновъ палъ мертвымъ подъ казацкими саблями. Во время спора дворянинъ Иванъ Никитичъ Ржевскій, большой недругъ Ляпунова, кинулся на его защиту, но защита Ржевскаго не только не спасла Ляпунова, но стоила жизни и Ржевскому. Когда Ляпуновъ былъ убитъ, то Ржевскій, падая подъ саблями казаковъ, кричалъ: «на посмѣхъ вы Прокопія убили: Прокопьевой вины нѣтъ».

Прежде всего задаешь вопросъ: искренно-ли Ляпуновъ любилъ отечество, ставилъ-ли онъ отчизну выше всякой другой любви?

На это мы отвѣчаемъ, что онъ любилъ отечество, но не той чистой святой и высокой любовью, кото-

рою любили его Митрополитъ Филиппъ и Патріархъ Гермогенъ, ибо онъ не понималъ, что отечество требуетъ чистыхъ жертвъ, любви безкорыстной, что мелкія, своекорыстныя побужденія и стремленія не мирятся съ чистой любовью къ отчизнѣ. Ляпуновъ, какъ мы сказали, былъ властолюбивъ, не умѣлъ сдерживать своихъ страстей, онъ ниже себя ставилъ людей, съ которыми ему приходилось служить общему дѣлу; не согласовалъ своихъ желаній съ требованіями общественной пользы, отъ которой онъ не отрекался, которую признавалъ, по которую не ставилъ выше своихъ стремленій и желаній.

Ляпуновъ участвовалъ послѣ смерти Грознаго въ московскомъ мятежѣ съ цѣлью отстранить отъ престола слабоумнаго Феодора и возвести Димитрія, за то и подвергся отъ Бориса опалѣ. Одушевленные ненавистью къ Борису, Ляпуновъ и его братъ Захаръ одни изъ первыхъ провозгласили Царемъ самозванца Димитрія, чѣмъ и увлекли рязанское ополченіе. Прокопій Ляпуновъ искренно считалъ самозванца Царевичемъ. Послѣ убійства самозванца, онъ призналъ втораго самозванца, повѣривъ спасенію Димитрія, но убѣдившись въ обманѣ, тотчасъ же отсталъ отъ него и призналъ царемъ Шуйскаго. Разсматривая дальнѣйшую жизнь Ляпунова, мы находимъ, что увлекшись свѣтлою личностью князя Скопина-Шуйскаго, его побѣдами, онъ, человекъ плоти и крови, какъ говоритъ про него профессоръ Соловьевъ, человекъ, неумѣвшій подчинять своихъ личныхъ стремленій благу общему, но сознавшій необходимость средствъ чистыхъ для достиженія цѣли высокой, для прочности дѣла, онъ отправляетъ посланныхъ къ Скопину, которые поздравили князя Михаила Царемъ отъ имени его и Рязанскаго

Княжества и подали грамоту, наполненную укорительными рѣчами противъ Царя Василя: Въ первую минуту Скопинъ разорвалъ грамоту и велѣлъ схватить присланныхъ, но потомъ уступилъ ихъ просьбамъ и отослалъ ихъ въ Рязань, не донося въ Москву.

Этимъ обстоятельствомъ воспользовались, чтобы заподозрить Скопина въ глазахъ дяди; Царю передали, что если бы князю Михаилу не было пріятно предложеніе Ляпунова, то онъ прислалъ бы въ Москву Рязанцевъ, привозившихъ грамоту. «Съ этого времени,» прибавляетъ лѣтописецъ, Царь и его братья начали держать мѣрніе на Ляпунова. «Изъ этого краткаго очерка мы видимъ, что во всѣхъ упомянутыхъ случаяхъ Ляпуновымъ руководили не корыстные расчеты, не стремленіе выиграть, чтобы то ни было лично для себя, но влеченіе страсти, его горячая, порывистая натура, пренятствовавшія ему смотрѣть на дѣло совершенно трезво. Если мы критически и внимательно отнесемъ къ упомянутому факту, т. е. предложенію Ляпунова, сдѣланному князю Скопину, то исполнѣ убѣдимся, что Ляпуновъ свои стремленія и желанія ставилъ выше блага государства.

Если бы благородный князь Скопинъ не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности, т. е. человекомъ исполнѣ благороднымъ, любящимъ отечество, какимъ рисуютъ его современники, то онъ могъ бы искушиться и принять лестное предложеніе, сдѣланное Ляпуновымъ.

Что породило бы тогда увлеченіе Ляпунова? Породило бы новыя смуты, новое кровопролитіе, новыя несчастныя послѣдствія для Россіи, которая и безъ того была раздираема врагами внутренними и внѣшними. Вѣдь, безъ сомнѣнія, и Царь Василій, не ус-

тупилъ бы престола безъ борьбы. — Мы не будемъ говорить противъ того, что Лянуновъ увлекся хорошими свойствами души Скопина и желалъ видѣть на престолѣ достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ похвалы Царя, но, во всякомъ случаѣ, онъ не принялъ въ расчетъ того, на сколько его личное уваженіе къ Скопину и желаніе видѣть его на престолѣ, согласуется съ совершающимися событіями, т. е. иначе сказать, на первомъ планѣ стояла его любовь къ Скопину, а на второмъ любовь къ Государству. Кроме того исторія подтверждаетъ, что Лянуновъ, точно такъ, какъ и братъ его Захаръ, питали личное нерасположеніе къ Царю Василю, слѣдовательно очень возможно, что предложеніе, сдѣланное имъ князю Скопину быть Царемъ, вышло изъ источника не со всѣмъ чистаго.

Наконецъ, мы имѣемъ основаніе повѣрить лѣтописцу, что со времени упомянутаго предложенія Царь Василій и его братья стали держать мнѣніе на князя Скопина. Подобное мнѣніе и могло привести къ преступленію, т. е. насильственной смерти, постигшей князя Михаила Скопина Шуйскаго, причиной которой, по народному голосу, были Царь Василій съ братьями. Такимъ образомъ не обдуманнѣйшій поступокъ Лянунова породилъ для Россіи большое зло, лишивъ ее въ критическіе моменты талантливаго воеводы, честнаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, если только справедливъ народный голосъ относительно Шуйскихъ.

На сколько Лянуновъ выше ставилъ свои личные интересы, чѣмъ интересы общественныя, можетъ служить доказательствомъ то обстоятельство, что вслѣдъ за смертію князя Скопина, онъ первый поднялся про-

тивъ Царя Василя, требовалъ его сверженія, какъ Царя недостойнаго, погубившаго знаменитаго племянника своего, но преемника Шуйскому достойнѣйшаго не называетъ; сносится въ Москвѣ съ княземъ Василюмъ Васильевичемъ Голицынымъ, чтобы ссадить Шуйскаго, по выраженію лѣтописца, и между тѣмъ явно отлагается отъ Москвы, перестаетъ слушаться Царя, посылаетъ возмущать города вѣрные послѣднему. Затѣмъ, онъ признаетъ Владислава, но узнавъ о коварныхъ намѣреніяхъ Сигизмунда, желавшаго захватить московскій престолъ для себя и убѣдившись, что со стороны поляковъ одинъ только обманъ, онъ написалъ въ Москву боярамъ укоризненное письмо и требовалъ, чтобы они объяснили, когда придетъ королевичъ, и почему нарушается договоръ, заключенный съ Жолкѣвскимъ. Опять видимъ горячаго, пылкаго человѣка, способнаго отдаться всей душой любви и ненависти, но не способнаго приносить эту любовь и ненависть въ жертву во имя отечества.

Если же Ляпуновъ въ своихъ дѣйствіяхъ противъ Царя Василя руководился чувствомъ мести къ нему за смерть Скопина, то нѣтъ необходимости много доказывать, что и въ этомъ случаѣ онъ личное чувство, личные интересы ставитъ выше интересовъ отечества. Истинный патріотъ, люди подобные Филиппу и Гермогену, никогда не будутъ руководиться такими своекорыстными расчетами въ дѣлѣ служенія отчизнѣ. Положимъ, Ляпуновъ мстилъ Василю не за себя, а за Скопина, въ которомъ отечество потеряло многое; но мщеніе его не могло воскресить князя Михаила, а между тѣмъ только могло смутное время, въ то время царившее на Руси, сдѣлать еще болѣе смутнымъ,

еще болѣе тяжелымъ, какъ оно и случилось въ самомъ дѣлѣ, ибо велѣдъ за сведеніемъ Василія съ престола настало вполнѣ безгосударное время, настала безурядица, породившая новыя кровопролитія и бѣды, настало настоящее лихолѣтье, по словамъ народа.

На основаніи всего вышеизложеннаго мы не назовемъ Прокопія Ляпунова истиннымъ патріотомъ, истиннымъ сыномъ отечества, но все таки назовемъ его однимъ изъ лучшихъ общественныхъ дѣятелей во время лихолѣтья; человекомъ, носившемъ въ душѣ хорошія, благородныя стремленія, человекомъ любившимъ отечество, былкимъ въ своихъ страстяхъ, въ высокой степени самоувѣреннымъ, въ которомъ сознаніе собственного достоинства переходило въ гордость, нетерпимость; человекомъ плоти и крови, т. е. способнымъ забывать высшія цѣли, благо ближнихъ и благо отечества, если только затрогивали его самолюбіе, его страсти.

Будучи талантливымъ военачальникомъ, онъ хотѣлъ возстановить на Руси истинный порядокъ, на этомъ основаніи ратовалъ противъ казацкаго безурядья, своеволія, противъ казацкаго стремленія длить крамолы и смуты, за что и поплатился жизнью; но въ тоже время, при измѣнившихся обстоятельствахъ, самъ первый заводитъ новыя крамолы и неурядицы, побуждаемый къ этимъ крамоламъ въ извѣстной степени, какъ личнымъ нерасположеніемъ къ Царю Василію, такъ и мщеніемъ за смерть князя Скопина-Шуйскаго. Въ заключеніе скажемъ, что если бы Ляпуновъ не былъ личною замѣчательною, если бы Гонимскій не сознавалъ, что на немъ, Ляпуновѣ, покоятся надежды Россіи, то, безъ сомнѣнія, не старался бы путемъ коварной интриги погубить его.

Гонимскій понималъ, что Ляпуновъ самый опасный врагъ Поляковъ, самый талантливый воевода и самый честный человекъ изъ всѣхъ, съ которыми полякамъ приходилось имѣть дѣло.

Другими красками рисуется предъ нами личность Ржевскаго; мы не знаемъ гдѣ и какъ прошла его жизнь, но для насъ достаточно знать его смерть, что бы сказать: Ржевскій имѣетъ святое право на названіе честнаго русскаго человека и истиннаго патріота. Великая правда заключается въ словахъ, *что иная смерть стоитъ цѣлой жизни; иная смерть опредѣляетъ ясно и отчетливо всего человека.* Ржевскій, какъ говоритъ исторія, былъ врагомъ Ляпунова, очень вѣроятно, вслѣдствіе какихъ бы то ни было оскорбленій, которыя послѣдній могъ нанести ему, какъ человекъ гордый, заносчивый и страстный. Натуры, подобныя Ляпунову, очень тяжелыя натуры: они тяжелы для всѣхъ, обязанныхъ сталкиваться съ ними на жизненномъ пути. Онѣ давятъ другія личности, оскорбляютъ ихъ самолюбіе при всякомъ удобномъ случаѣ, безпрестанно даютъ чувствовать свое преимущество. Очень возможно, что и Ржевскому приводилось не разъ на самомъ себѣ испытывать всю тяжесть упомянутыхъ душевныхъ свойствъ Ляпунова, что наконецъ, и могло сдѣлать его недругомъ знаменитаго Рязанскаго воеводы. Но, не смотря на свои враждебныя чувства къ Ляпунову, Ржевскій смѣло бросается на его защиту и падаетъ подъ ударами казацкихъ сабель. Вотъ истинный сынъ отечества! Вотъ истинный герой, о которомъ должна сохраниться память въ потомствѣ! Ржевскій былъ недругомъ Ляпунова, но, бросаясь на его защиту, онъ сознавалъ, что смерть послѣдняго принесетъ новыя бѣды родной землѣ, ибо изъ всѣхъ

трехъ военачальниковъ только Ляпуновъ, хотя по своему, но любилъ свое отечество и желалъ ему блага; наконецъ, Ржевскій сознавалъ, что Ляпуновъ былъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ военачальниковъ и честныхъ людей. Личности, подобныя Ржевскому, потому и велики, какъ люди и какъ граждане, что для нихъ собственное я дѣлается вполнѣ ничтожнымъ въ тѣ моменты, когда это я необходимо принести въ жертву отечеству. Для нихъ нѣтъ блага выше блага общаго. Ляпуновъ изъ личной мести сводить съ престола Василія, изъ личной мести, послѣ смерти Грознаго, поднимаетъ знамя мятежа, провозглашая Царевича Дмитрія вмѣсто слабоумнаго Феодора Ивановича; Ржевскій личное чувство озлобленія и вражды къ Ляпунову приносить въ жертву отечеству и, сознавая значеніе своего недруга для Россіи, умираетъ за него.

Память о Ляпуновѣ перешла въ народъ, доказательствомъ чего служить ниже-приводимая народная пѣсня о немъ; о Ржевскомъ народъ не помнитъ. Чѣмъ объяснить подобное обстоятельство, ибо у народа есть великое чутье правды; народъ оцѣниваетъ душевныя свойства общественныхъ дѣятелей необыкновенно вѣрно? Оно объясняется тѣмъ, что самый фактъ смерти Ржевскаго среди множества убійствъ, совершавшихся въ смутное время, могъ пройти незамѣченнымъ. Ржевскій ничѣмъ не выдавался для народа, который съ другой стороны хорошо зналъ Ляпунова, понималъ его значеніе для дѣла, въ слѣдствіе чего и обратилъ вниманіе только на него. Ляпуновъ, такъ сказать, затемнилъ собою Ржевскаго. Пѣсня о Ляпуновѣ передается народомъ слѣдующимъ образомъ:

Какъ было-то у насъ на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Было время военное, времячко мятежное,
Заполонила-то Москву погана Литва,
Погана Литва, проклята Польска сторона.
Какъ ужъ жилъ тутъ поживаль нечестивый Гджмундъ;
Жилъ онъ во святыхъ мѣстахъ,
Во святыхъ мѣстахъ, въ царскихъ Русскихъ теремахъ.
Не долго продолжалась его Московска веселая жизнь,
Недолго продолжалась, только много горя намъ началось.
Многи Руссiе бояре нечестивцу отдались,
Нечестивцу отдались, отъ Христовой вѣры отреклись;
Ужъ одинъ-то бояринъ, думный воеводушко, крѣпко вѣру за-
щищаль,
Крѣпко вѣру защищаль, измѣнниковъ отгоняль:
Ужъ какъ думный воевода былъ Прокопій Ляпуновъ.
Какъ Прокопій-то Петровичъ разослалъ своихъ гонцовъ,
Какъ Прокопій Ляпуновъ роздалъ письма гонцамъ,
Роздалъ письма гонцамъ, и приказъ имъ приказаль:
«Поѣзжайте вы, гонцы, на всѣ Русскіе концы,
На всѣ Русскіе концы, во большіе города!
Вы просите воеводъ идти съ войскомъ сюда,
Свободить городъ Москву, защищать вѣру Христа.»
Какъ узналъ-то Гджмундъ отъ своихъ измѣнниковъ бояръ,
Что разослалъ-то Ляпуновъ гонцовъ въ города;
Гонцовъ въ города, просить воеводъ съ войскомъ сюда,
Разсердился, распалился нечестивый Гджмундъ;
Распалившись велѣлъ воеводушку убить,
Того-ли воеводу Прокопья Ляпунова.
И убили злы измѣнники воеводушку.
Какъ и двинулись думны воеводы со большихъ городовъ:
Всѣ большіе города Казань, Нижній—пришли съ войскомъ сюда,
Какъ и начали Русаки погану Литву колоть-рубить,
Погану Литву рубить, нечестиваго Гджмунда веревкой душить;
Удушили, все нечестивое племя изъ Москвы повыгнали.

Козьма Захарычъ Мининъ Сухорукъ и Князь Пожарскій.

Убийство, совершенное казаками надъ Ляпуновымъ, и соединенное съ этимъ убійствомъ разогнаніе лучшихъ земскихъ людей, естественно должно было остановить ходъ земскаго дѣла подъ Москвой, ибо въ подобныя минуты народная масса, составляющая ополченіе, сдерживается только душевной силой или одного или нѣсколькихъ лучшихъ людей. Сходятъ они со сцены—погибаетъ и самое дѣло.— Къ счастью Россіи, ея спасеніе зависело не отъ одного московскаго ополченія: движеніе, поднятое Гермогеномъ и Ляпуновымъ, движеніе пробудившее въ цѣломъ народѣ любовь къ отечеству, не могло умереть вмѣстѣ съ этими энергичными, честными патриотами. Города продолжали переписываться съ городами, призывая другъ друга къ спасенію отечества.

Безурядица и смуты съ одной стороны породили воровъ грабителей, людей, для которыхъ существовала одна цѣль: въ мутной водѣ рыбу ловить. Подобныя лица дѣйствовали отдѣльными отрядами, нападая, безъ разбора—свой или чужой, на всѣхъ, кто только могъ быть предметомъ наживы; съ другой стороны тоже смутное время, породило, такъ называемыхъ, Шишей, т. е. отдѣльные отряды, нападавшіе на воровъ и грабителей, на всѣхъ тѣхъ, которые мучили русскую землю. Такимъ образомъ сама безурядица вызвала хорошіе, честные элементы для противодѣйствія общественному злу. Духовныя лица, монастыри равнымъ образомъ поддерживали въ народѣ надежду на спасеніе, укрѣпляя народъ въ стремленіи

освободить отечество отъ враговъ своихъ и чужихъ. Во многихъ мѣстахъ жители налагали на себя постъ, обѣтъ воздержанія, какъ будто бы сознавая, что для великаго дѣла спасенія Россіи, необходимо было очиститься отъ грѣховъ, порожденныхъ смутнымъ временемъ. — Троицкія волости продолжали неустанно разсылать грамоты по всеѣмъ концамъ государства. Со временемъ убійства Ляпунова совпадаетъ взятіе Шведами Новгорода, что, безъ сомнѣнія, не могло не подѣйствовать на духъ народа, что должно было много повліять на энергію истинно преданныхъ отечеству, хотя въ то же время нѣкоторые отдѣльные случаи, совершившіеся, какъ въ Новгородѣ, такъ и другихъ мѣстахъ Россіи, должны были оказать другое, болѣе благотворное вліяніе, на защитниковъ отечества: такъ, стрѣлецкій голова Василій Глотинъ, дьяки Анфиногенъ Голенищевъ, Василій Орловъ, да казачій атаманъ Тимофей Шаровъ съ 40 казаками рѣшились защищаться до послѣдней крайности. Много уговаривали ихъ Шведы къ сдачѣ: они не сдались и умерли все вмѣстѣ за отечество и вѣру. — Софійскій протопопъ Аммосъ заперся на своемъ дворѣ съ нѣсколькими Новгородцами, долго бился противъ Шведовъ и много перебилъ ихъ; Аммосъ былъ въ это время подъ запрещеніемъ у Митрополита Исидора. Митрополитъ служилъ молебенъ на городской стѣнѣ, видѣлъ подвигъ, Аммоса, заочно простилъ и благословилъ его. Шведы, озлобленные сопротивленіемъ, зажгли наконецъ дворъ протопопа, и онъ погибъ въ пламени со всеѣми товарищами: ни одинъ не отдался живой въ руки Шведовъ. Какая чудесная картина: Митрополитъ, служащій молебенъ на городскихъ стѣнахъ въ виду битвы и благослов-

ляющій, снимающій запрещеніе съ священника, сражающагося и умирающаго за отечество!

Имена подобныхъ патриотовъ достойно красуются на страницахъ исторіи; имена ихъ не могли пройти безслѣдно и для современниковъ: имена эти звучали подвигами, которые укрѣпляли слабыхъ духомъ, прибавляли энергіи крѣпкимъ духомъ. Лихолѣтье, какъ взволнованное море, выбрасываетъ на берегъ вмѣстѣ съ различными нечистотами и жемчужины.

Къ числу нечистотъ, выброшенныхъ смутными временами, мы можемъ отнести и Ивана Шваля, холопа Лутохина, имя котораго записала исторія. Шваль измѣнилъ отечеству, проведя Шведовъ въ Новгородъ путемъ, на которомъ новгородцы менѣе всего ждали враговъ. Если бы не эта измѣна, то можетъ быть Новгородъ и не былъ бы взятъ Шведами. Сознаніе объ опасности, грозившей самостоятельности государства, въ описываемое нами время пробудилось настолько, что народъ, какъ мы уже сказали, признавъ необходимымъ очищеніе отъ грѣховъ, безъ чего Богъ не оказалъ бы помощи русской землѣ, толковалъ о различныхъ видѣніяхъ различнымъ лицамъ, такъ въ Нижнемъ-Новгородѣ будто бы было откровеніе какому то благочестивому мужу Григорію, которому повелѣно Богомъ проповѣдывать Божіе Слово во всемъ государствѣ; говорили, что этотъ Григорій сподобился страшнаго видѣнія въ полночи: видѣлъ онъ какъ снялась съ его дома крыша, и свѣтъ великій облисталъ комнату, куда явились два мужа съ проповѣдью о покаяніи, очищеніи всего государства. Въ слѣдствіе этого, по совѣту всей земли московскаго государства, во всѣхъ городахъ, всѣмъ православнымъ народомъ

приговорили поститься, отъ пищи и питія воздерживаться три дня, даже и съ грудными младенцами: и по приговору, по своей волѣ, православные христіане постились три дня, — въ понедѣльникъ, вторникъ и среду ничего ни ѣли, ни пили; въ четвергъ и пятницу сухо ѣли.

Такимъ образомъ народъ глубоко сознавалъ необходимость очищенія отъ оскверненнаго всяческими преступленіями времени. Но тотъ же народъ, при всемъ своемъ глубокомъ убѣжденіи въ необходимости очищенія предъ великимъ дѣломъ освобожденія отечества, при всемъ пламенномъ желаніи или спасти Россію или умереть за нее, не въ силахъ былъ сплотиться въ одно цѣлое; не въ силахъ былъ согласить множество условій, безъ которыхъ дѣло освобожденія государства было не мыслимо. Масса заявила готовность собраться во едино для спасенія государства, она, такъ сказать, свое дѣло сдѣлала; оставалось только явиться энергичному человѣку, который взялъ бы всѣ концы дѣла въ свои сильныя руки, который всталъ бы во главѣ движенія, указалъ бы путь и способы для того, чтобы разрѣшить благополучно великую задачу. Такимъ человѣкомъ явился Земскій Староста Козьма Минычъ Сухорукъ, мясной торговецъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Въ это время въ Нижнемъ-Новгородѣ начальными людьми были: Воеводы князь Звенигородскій и Андрей Семеновичъ Алябьевъ, стряпчій Иванъ Ивановичъ Биркинъ, дьякъ Василій Семеновъ. Къ числу начальныхъ людей, какъ земскій староста, принадлежалъ и Козьма Захарычъ Мининъ. Послѣдній на общественной лѣстницѣ стоялъ ниже всѣхъ другихъ

начальныхъ людей; казалось бы, что починъ дѣла и всѣ пити его, руководство дѣломъ должны были принадлежать Воеводамъ, изъ которыхъ одинъ былъ родовитымъ княземъ; но и починъ дѣла и руководство ими принадлежатъ мясному торговцу, человѣку не родовитому. Ясно значить, что въ критическія минуты жизни государства играютъ роль не родовитые люди, а всѣ тѣ, которые надѣлены искреннимъ чувствомъ любви къ отечеству, силой воли, умомъ, терпѣніемъ, готовностью не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ отдать самую жизнь во имя спасенія отечества, если послѣднее потребуетъ этой жертвы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ смутное время и различные проходимцы могутъ пробиваться въ люди и составлять себѣ почетное положеніе, чему можетъ служить доказательствомъ то, что въ числѣ начальныхъ нижегородскихъ лицъ мы видимъ стряпчаго Биркина, который сперва служилъ Шуйскому, потомъ Тушинскому вору; потомъ опять Шуйскому, опять измѣнилъ ему вмѣстѣ съ Лянуновыми. Мининъ прямо называлъ его сосудомъ сатаны.

Когда въ Октябрѣ 1611 г. въ Нижнемъ была получена троицкая грамота, то нижегородцы на другой день составили большой сходъ у соборной церкви, гдѣ протопопъ Савва увѣщевалъ согражданъ стать за вѣру и потомъ прочелъ троицкую грамоту. Послѣ протопопа началъ говорить Мининъ: «захотимъ помочь Московскому государству, такъ не жалѣть намъ имѣнія своего, не жалѣть ничего, дворы продавать, женъ и дѣтей закладывать и бить челомъ кто-бы вступился за истинную православную вѣру и былъ у насъ начальнымъ человѣкомъ.» Послѣ этого большого схода, начались частыя сходки. Мининъ продолжалъ увѣще-

вать. Граждане спрашивали его: «чтоже намъ дѣлать»? «Ополчаться, отвѣчалъ Мининъ, сами мы не искусны въ ратномъ дѣлѣ, такъ станемъ кличь бликать по вольныхъ служилыхъ людей.» «А казны намъ откуда взять служилымъ людямъ?» спрашивали Минина. Мининъ отвѣчалъ: «я убогій съ товарищами своими, всѣхъ насъ 2,500 человекъ (вѣроятно, торговыхъ людей), и денегъ у насъ въ сборѣ 1,700 рублей и я 100 руб. въ сборныя деньги принесъ: то же и вы всѣ сдѣлайте.» «Будь такъ, будь такъ!» закричали всѣ. Начали собирать. Пришла одна вдова и сказала: «осталась я послѣ мужа бездѣтна и есть у меня 12,000 рублей, 10,000 отдаю въ сборъ, 2,000 оставляю себѣ.»

Къ сожалѣнію, исторія не сохранила имени этой вдовы, которая отдала отечеству почти все состояніе. Справедливо мы выразились на первыхъ страницахъ, что смутное время, какъ взволнованное море, выбрасываетъ на берегъ вмѣстѣ съ соромъ и хламомъ настоящія, дорогія жемчужины.

Были, конечно, и такіе, для которыхъ дороже денегъ ничего не существовало. У такихъ брали силой, что было какъ нельзя болѣе законно и справедливо, ибо частные интересы должны быть всегда приносимы въ жертву общему благу. Неимущихъ отдавали въ кабалу тѣмъ кто за нихъ платилъ. Такъ какъ брать въ кабалу могли только богатые, то подобнымъ образомъ вытягивали отъ богатыхъ спрятанныя деньги. Въ исторіи имѣются прямыя указанія на то, что всѣ упомянутыя крутыя мѣры шли непосредственно отъ Минина. Но можно ли винить его за эти мѣры, даже суровыя? Винить нельзя, ибо ни время, ни обстоятельства не терпѣли, на ставку шла будущность

Россіи. Нужно было владѣть огромной силой воли, огромной настойчивостью, большимъ запасомъ чувства любви къ отечеству, чтобы рѣшиться пустить въ ходъ упомянутыя крутыя мѣры, чтобы рѣшиться бороться противъ богатыхъ, таившихъ деньги и противъ бѣдняковъ, платившихъ своей свободой только потому, что они были бѣдняки. Безъ означенныхъ душевныхъ свойствъ Мининъ не былъ бы Мининымъ, т. е. честнымъ и замѣчательнымъ человѣкомъ.

Стали нижегородцы думать о предводителѣ. Кого избрать? Избрать было не легко, ибо нуженъ былъ не только искусный военачальникъ, но и вѣрный сынъ отечества. Послѣднее обстоятельство представляло не мало затрудненій, ибо истинные сыны отечества и честные люди въ смутное время не составляли обычнаго явленія. Къ счастью не вдалекѣ отъ Нижняго, по указанію Минина, нашелся человѣкъ безъ пятна на совѣсти и знакомый съ ратнымъ дѣломъ, именно князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, изъ Стародубскихъ Князей Суздальской земли, потомковъ Всеволода Юрьевича. Не отличаясь особенными воинскими способностями, онъ, какъ мы уже сказали, былъ человѣкомъ честнымъ: не приставалъ къ Тушинскому вору, не выпрашивалъ волостей у Польскаго Короля. Служа вѣрно Шуйскому, князь Пожарскій разбивалъ воровскія шайки, въ 1610 г. удерживалъ въ повиновеніи Царю Василию городъ Зарайскъ, и не поддавался на убѣжденія Ляпунова провозгласить Царемъ князя Михаила Скопина. Возмущшіеся посадскіе люди города Зарайска хотѣли убить Пожарскаго за то, что онъ не поддался Калужскому вору, и онъ долженъ былъ отсиживаться отъ

нихъ въ кремлѣ Зарайска. По сведеніи съ престола Шуйскаго, Пожарскій объявилъ, что поцѣлуеть крестъ тому, кто будетъ избранъ Царемъ на Москвѣ, и такъ какъ выборъ палъ на Владислава, то онъ и присягнулъ ему.— Но, убѣдившись, что Поляки играютъ въ другую игру и хотятъ московскій престолъ предоставить Королю Сигизмунду, Пожарскій сошелся съ Ляпуновымъ и вмѣстѣ съ нимъ двинулся на Москву, гдѣ во время битвы съ поляками былъ раненъ. Унавши на землю, онъ воскликнулъ: «Охъ! хоть бы мнѣ умереть, только бы не видать того, что довелось увидѣть!» Ратные люди увезли его изъ пылающей Москвы по троицкой дорогѣ.

Во время нижегородскаго соединенія князь Дмитрій Михайловичъ жилъ въ своей вотчинѣ Линдехѣ, за 120 верстъ отъ Нижняго и едва оправлялся отъ ранъ, полученныхъ подъ Москвой. Нижегородцы нарядили къ нему посольство, состоявшее: изъ Архимандрита Печерскаго монастыря Θεодосія, дворянина Ждана Болтина съ посадскими людьми. Посламъ было поручено просить князя встать во главѣ ополченія. Князь отвѣчалъ: «радъ за православную вѣру страдать до смерти, а вы изъ посадскихъ людей изберите такого человѣка, который могъ бы быть со мной у великаго дѣла: вѣдалъ бы казну на жалованье ратнымъ людямъ, у васъ есть въ городѣ человѣкъ бывалый: Козьма Мининъ Сухорукъ; ему такое дѣло за обычай». Послы, прибывъ домой, передали нижегородцамъ указаніе князя Пожарскаго на Козьму Минина. Нижегородцы стали просить послѣдняго принять дѣло составленія ополченія въ свои руки. Мининъ долго отказывался и уступилъ только ихъ на-

стоятельнымъ просьбамъ. Отказывался онъ, какъ человекъ умный, съ тою цѣлью, чтобы крѣпче былъ его выборъ.

Онъ согласился встать во главѣ дѣла освобожденія отечества, съ тѣмъ, чтобы нижегородцы выборъ свой закрѣпили общественнымъ письменнымъ приговоромъ, который и былъ составленъ въ слѣдующемъ смыслѣ: «будутъ, они, нижегородцы, во всемъ покорны и послушны и будутъ ратнымъ людямъ давать деньги.» Мининъ помѣстилъ въ приговорѣ свои прежнія слова, «что Нижегородцы будутъ не только продавать имѣнія, но готовы продавать женъ и дѣтей.» Опасаясь того, чтобы нижегородцы не передумали и не вздумали бы взять приговоръ назадъ, онъ отправилъ этотъ приговоръ къ князю Пожарскому.

По этому мірскому приговору земскій староста Мининъ обложилъ всѣхъ пятою деньгою, т. е. отбиралъ пятую часть достоянія на земское дѣло, для чего и были назначены особенныя оцѣнщики имуществъ. Мы уже упомянули выше, что неимущіе шли въ кабалу къ богатымъ, которые платили за бѣдныхъ.

Нижегородцы просили князя Пожарскаго поспѣшить прибытіемъ въ Нижній. Пожарскій исполнилъ ихъ желаніе, прибылъ въ Нижній, гдѣ и былъ принятъ съ великою честью. Немедленно, по прибытіи, онъ занялся раздачею жалованья ратнымъ людямъ. Но такъ какъ вскорѣ оказалось, что нижегородскихъ денегъ не хватило на содержаніе ополченія, то и рѣшено было писать по городамъ, просить ихъ содѣйствія. Грамоты эти были отправлены отъ имени князя Дмитрія Михайловича, Ивана Биркина, Василья Юдина и всякихъ ратныхъ

людей и земскихъ людей Нижняго-Новгорода. Въ грамотахъ значится, что по Христову слову, встали многіе нехристи, и въ ихъ прелести смялась вся земля наша, встала междоусобная брань въ Россійскомъ государствѣ и длится не малое время. Обратимъ вниманіе нашихъ читателей на прекрасное выраженіе «смялась.» Въ этомъ словѣ очень хорошо и вѣрно выражено то, что именно совершалось на русской землѣ, въ которой все какъ будто свалилось вмѣстѣ, въ кучу и перемѣшалось, смялось, такъ, что ничего нельзя было разобрать. Выраженіе какъ нельзя болѣе образное.

Далѣе грамоты продолжаютъ: Усмотря между ними такую рознь, хищники нашего спасенія, польскіе и литовскіе люди, умыслили московское государство раззорить и Богъ ихъ злокозненному замыслу попустилъ совершиться. Видя такую ихъ неправду, всѣ города московскаго государства, сославшись другъ съ другомъ, утвердились крестнымъ дѣлованіемъ — «быть намъ всѣмъ православнымъ Христіанамъ въ любви и соединеніи, прежняго междоусобія не начинать.» Далѣе, объяснивъ въ краткихъ словахъ плачевное положеніе московскаго государства, грамота успокоиваетъ другіе города, что имъ нечего бояться ни казаковъ, ни какихъ бы то ни было воровскихъ людей, ибо какъ будемъ всѣ низовые и верховые города въ сходу, то мы всею землею о томъ совѣтъ учинимъ и дурна никакого вора мѣлать не дадимъ.» Вся грамота проникнута тою главною мыслью, что въ совѣтѣ и единеніи городовъ заключается спасеніе Россіи. Въ заключеніи говорится, что Маринки и сына ея и того вора, который стоитъ подъ Исковомъ, до

смерти своей въ Государи на московское государство не хотимъ, точно также и литовскаго короля.

Нижегородскія грамоты нашли откликъ во всей Россіи, ибо вся Россія давно ждала единенія, не было лишь почина, не было человѣка, который направилъ бы общее желаніе къ одной цѣли. Отсюду являлись въ Нижній выборные на совѣтъ, присылали казну, шли ратные люди. Первые пришли Коломничичи, за ними Рязанцы, служилые люди украинскихъ городовъ, пришли добрые казаки, т. е. не тѣ, для которыхъ всякое знамя хорошо, только можно было бы, приерываясь имъ, воровать и грабить. Всѣ ратники были немедленно удовлетворяемы жалованьемъ. Къ удивленію, изъ всѣхъ городовъ Казань, которая прежде горячо стояла за общее возстаніе, отнеслась очень не сочувственно къ дѣлу нижегородцевъ, ибо, во первыхъ, казанцы обидѣлись, что руководство дѣломъ возстанія взяли нижегородцы, а не они, городъ которыхъ былъ главнымъ городомъ всего Понизовья; во вторыхъ, вся власть въ Казани въ то время сосредоточивалась въ рукахъ дьяка Никанора Шульгина, который досадовалъ, что всѣмъ дѣломъ управляетъ какой нибудь земскій староста Козьма Мининъ. Къ Шульгину же въ Казань перешелъ Иванъ Биркинъ, также недовольный первенствомъ Пожарскаго и Минина въ Нижнемъ.

До нижегородцевъ дошла вѣсть, что Заруцкій прислалъ много казаковъ въ Ярославль и что Просовецкій уже идетъ съ войскомъ, хотятъ захватить Ярославль, и всѣ поволжскіе города. Пожарскій немедленно послалъ двоюроднаго брата своего, князя Дмитрія Петровича Пожарскаго-Лопату и дьяка Семена

Семеновича занять Ярославль до прихода Просовецкаго, что и было исполнено. Въ слѣдъ за этимъ двинулся и самъ Пожарскій съ главною ратью. Балахна, Юрьевецъ, Рѣшма, Кинешма помогли Минину своей казной и присоединили свои ополченія къ нижегородцамъ. Такимъ образомъ великій шагъ былъ сдѣланъ, великій потому, что это было второе ополченіе, ибо первое, какъ извѣстно, послѣ смерти Ляпунова, разбрелось, не успѣвъ совершить ничего, что послужило бы къ спасенію отечества. Во главѣ втораго ополченія шли два честные человѣка, на которыхъ не лежало ни одного пятна, что составляло дѣло величайшей важности, потому что *не замаранная ни однимъ безчестнымъ повтупкомъ жизнь всякаго общественнаго дѣятеля есть великая нравственная сила.* И князь Пожарскій и Мининъ дѣйствовали безкорыстно; впереди для нихъ существовала только одна цѣль: спасти погибающее государство.

Лучшимъ доказательствомъ хорошихъ душевныхъ свойствъ Минаина служить то, что онъ указалъ нижегородцамъ на человѣка, который, не краснѣя, могъ отдать на судъ общественный всю свою прошедшую жизнь. Припомнимъ слова, произнесенныя княземъ Пожарскимъ въ битвѣ, происходившей въ стѣнахъ Москвы, когда онъ падалъ съ коня: «Охъ, хоть бы мнѣ умереть, только бы не видать того, что довелось увидѣть». Искренность этихъ словъ нельзя заподозрить, ибо въ минуты, когда человѣкъ падаетъ отъ тяжелой раны, можетъ быть смертельной, нельзя говорить фразы и вообще играть какую бы то ни было шутку. Въ такія минуты не до фразъ и не до комедій. Въ этихъ словахъ вылились всѣ задушевныя думы По-

жарскаго о Россіи, всё его страданія за страданія Россіи. Хоть бы мнѣ умереть, только бы не видать того, что довелось увидѣть, т. е. онъ увидѣлъ господство Поляковъ въ Москвѣ, совершенное разложеніе русскаго общества, увидѣлъ бояръ, стоявшихъ во главѣ управленія и стремившихся на счетъ страданій родной земли устроить свое матеріальное благополучіе, увидѣлъ отсутствіе всякаго единодушія въ средѣ русскихъ, грабежи казаковъ и русскихъ воровъ.

Въ слѣдствіе всего этого Пожарскій и воскликнулъ отъ глубины души свои историческія слова. Князь Пожарскій не отличался военными способностями, т. е. способности его, какъ военачальника, не выходили изъ ряда, что мы имѣли случай замѣтить на первыхъ страницахъ, не отличался силою воли, большими умственными способностями, но можно сказать, что честная жизнь его и честныя убѣжденія составляли не малую силу, въ извѣстномъ отношеніи замѣнявшую воинскій даръ. Вмѣстѣ съ другимъ честнымъ человѣкомъ и истиннымъ патриотомъ, обладавшимъ энергическою волею, замѣчательными умственными способностями, искреннею любовью къ отечеству, онъ велъ дружины на спасеніе родины, — находя поддержку въ его энергіи, въ его крѣпкой волѣ. — Вездѣ принимали ополченія съ честью и торжествомъ. На Рѣшнѣ явился къ Пожарскому Кирилла Чоглоковъ и подалъ грамоту отъ Трубецкаго, Заруцкаго, въ которой предводители казацкихъ дружинъ писали, что они, преступя всемірное крестное цѣлованіе, не выбирать государя безъ совѣта всей земли, цѣловали крестъ вору, который во Псковѣ; но теперь они сыскали, что во Псковѣ прямой воръ, а не тотъ, что былъ въ Тушинѣ и Калугѣ,

отстали отъ него и цѣловали крестъ, что впередъ имъ никакого вора не затѣвать, а быть съ нижегородскимъ ополченіемъ въ совѣтъ и единеніи, противъ враговъ стоять и московское государство защищать.)»

Пожарскій и Мининъ твердо положили не соединяться съ казаками, обо они путемъ горькаго опыта убѣдились, что казацкая любовь къ Россіи не крѣпка, что казаки привыкли жить и гулять на счетъ войны, но не желая прежде времени раздражать ихъ, они отпустили Чоглокова съ честью и велѣли сказать казакамъ, «что нисколько ихъ не опасаются и спѣшать къ нимъ на помощь подь Москву.»

Въ первыхъ числахъ Апрѣля ополченіе достигло Ярославля, гдѣ были получены троицкія грамоты, въ которыхъ троицкія власти увѣдомляли, что 2 Марта злодѣй и богоотступникъ Иванъ Плещеевъ съ товарищами, по злему воровскому казачью заводу, затѣяли подь Москвою въ полкахъ крестное цѣлованіе, цѣловали крестъ вору, который во Псковѣ называется Царемъ Дмитріемъ. Боярина князя Дмитрія Тимофеевича Трубецкаго, дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и московскихъ жилецкихъ людей привели къ кресту неволею, тѣ цѣловали крестъ, боясь отъ казакъ смертнаго убійства; теперь князь Дмитрій у этихъ воровскихъ заводцевъ живетъ въ великомъ утѣсненіи и радѣеть соединиться съ вами. Далѣе слѣдуетъ воззваніе быть въ соединеніи и промыслять надъ польскими и литовскими людьми. Въ этой грамотѣ впервые говорится о страдальческой кончинѣ Патріарха Гермогена (въ изгнаніи нужне умориша.)

Въ Яровлавлѣ жители поднесли, въ знакъ почета, подарки Князю Пожарскому и Минину, но они отка-

зались отъ нихъ. Подобный отказъ доказываетъ большой политическій тактъ начальныхъ людей ополченія. Дѣло не въ томъ, чтобы они, взявъ подарки, нажили чрезъ это большіе деньги, ибо такихъ подарковъ жители Ярославля имъ, конечно, не подносили, но ни Пожарскому, ни Минину не слѣдовало налагать на свое чистое и прекрасное дѣло ни малѣйшей тѣни, которая непременно была бы выброшена на ихъ дѣло, если бы они приняли хотя самые незначительные подарки, выброшена именно потому, что не за что было брать подарковъ. Они встали на защиту отечества. Развѣ за подобныя дѣйствія можно награждать? Развѣ не всякій обязанъ принести отечеству въ критическія минуты его жизни все, что онъ можетъ принести? За что награждать людей, которые были честными людьми и остались такими. Всегда должно помнить, что всякое честное, хорошее дѣло есть само по себѣ величайшая награда для честнаго человѣка.

Въ Ярославлѣ ополченіе оставалось нѣсколько мѣсяцевъ, пополняясь ново-прибывшими силами. Мининъ считался выборнымъ человѣкомъ всей русской земли, и за его безграмотностью подписывался князь Пожарскій, Послѣдній не только управлялъ войскомъ, но и всей землей. Назывался онъ: по избранію всѣхъ чиновъ и людей московскаго государства многочисленнаго войска у ратныхъ и земскихъ дѣлъ, давалъ именованіе своимъ судъ всей землѣ русской, назначалъ награды и наказанія, раздавалъ помѣстья, распоряжался постройкою городовъ и требовалъ денежныхъ пособій.

Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на титулъ

Козьмы Мипина. Онъ зовется выборнымъ человѣкомъ всей земли русской. Какой простой и вмѣстѣ съ тѣмъ многознаменательный титулъ! Въ немъ такъ ясно и громко звучитъ то, что Мининъ былъ выбранъ всей землей, а вся земля могла выбрать только лучшаго изъ числа своихъ гражданъ. Такимъ образомъ въ самомъ титулѣ звучитъ громкая похвала, высказывается великая честь, сдѣланная Минину всей землей, Слово «выборный» напоминаетъ намъ другое слово, не рѣдко встрѣчающееся въ нашихъ древнихъ историческихъ актахъ, не менѣе звучное и глубокое по содержанію, а именно: *излюбленные люди*, означающее также выборныхъ людей. Излюбленные значатъ такіе люди, которыхъ граждане *излюбили* изъ числа всѣхъ другихъ и вслѣдствіе этого выбрали представителями своихъ интересовъ.

Пожарскаго торопили троицкія власти походомъ къ Москвѣ. Дѣйствительно, слѣдовало спѣшить, ибо силы Поляковъ въ данное время были разрознены: въ Москвѣ вмѣсто Гонсеѣвскаго сидѣлъ Струсь; Литовскій же Гетманъ Ходкевичъ ходилъ съ своимъ войскомъ по Московской землѣ собирать запасы; польскій гарнизонъ въ кремлѣ былъ не многочисленъ: часть жолнеровъ (солдатъ) польскихъ ушла въ Польшу грабить королевскія имѣнія. Такимъ образомъ время для освобожденія Москвы было самое благоприятное. Всѣ упомянутыя благоприятныя условія могли измѣниться, если разрозненные силы Поляковъ соединятся и если Польскій Король, о чемъ носились слухи, придетъ въ Москву съ сильнымъ войскомъ. Но, къ сожалѣнію, князю Пожарскому было трудно исполнить желаніе троицкихъ властей, ибо въ его ополченіи была безладница,

его мало слушались. Самъ Пожарскій, такъ сказать, сознавался, что бремя, взятое имъ на себя, превышало его силы, а именно, онъ, между прочимъ, говоря съ новгородскими послами, явившимися къ нему съ предложеніемъ призвать на русскій престолъ шведскаго Королевича, если онъ приметъ православную вѣру, выразился «а былъ бы у насъ такой столикъ, какъ Василій Васильевичъ Голицынъ, все бы его держались и слушались, а я къ такому великому дѣлу мимо его ни принялся. Меня къ тому дѣлу насильно приневолили бояре и вся земля.»

Сознаніе дѣйствительно грустное, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляющее ручательство, что великая задача человѣкомъ, произнесшимъ подобное созданіе, будетъ исполнена настолько, насколько хватить его душевныхъ силъ. *Надобно имѣть много добрыхъ душевныхъ качествъ, чтобы побѣдить себя, заставить себя сломить свое самолюбіе и сознаться въ своей немощи.*

Мининъ, по своему общественному положенію, какъ земскій староста, не могъ вторгаться въ область военачальника, тѣмъ болѣе, что онъ весь былъ отданъ хлопотамъ и заботамъ о хозяйственной части, т. е. по отношенію къ сбору денегъ, уплатѣ жалованья ратникамъ и проч. Но не можетъ быть сомнѣнія, что Мининъ своей твердой волей, при своихъ умственныхъ способностяхъ, много сдерживалъ порядокъ и ладъ въ ополченіи.

Задерживали Пожарскаго подъ Ярославлемъ и переговоры съ новгородскими послами объ избраніи на русскій престолъ Шведскаго Королевича Филиппа-Карла. Пожарскій въ своихъ отвѣтахъ посламъ проводить ту мысль, что доказано опытомъ, какъ из-

мѣнчиво и не прочно избраніе иностранныхъ принцевъ и хотя не отказываетъ прямо новгородцамъ въ избраніи Шведскаго Королевича, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не высказываетъ прямого согласія. Изъ всѣхъ отвѣтовъ Пожарскаго видно, что онъ, не желая порывать всѣ связи съ новгородцами, стремится къ тому, чтобы до поры до времени держаться, по отношенію къ вопросу объ избраніи Царя, политики уклончивой, осторожной. Надобно признать, что въ этомъ случаѣ путь, избранный Пожарскимъ, былъ самый благоразумный.

Казаки, русскіе измѣнники и поляки сознавали, что князь Пожарскій и Мининъ—единственные люди, которые въ силахъ будутъ довести великую задачу до конца, разрѣшить ее самымъ блистательнымъ образомъ, съ чѣмъ прекратится возможность для воровъ, бездомныхъ бродягъ, голодной польской шляхты, для искателей наживы казаковъ жить и гулять на счетъ безурядицы и лихолѣтья, жить веселою и широкою жизнью. Въ слѣдствіе то этого смутнаго сознанія силы и значенія ополченія, собравшагося подъ начальствомъ князя Пожарскаго и выборнаго челоуѣка всей земли русской Минина и созрѣлъ казацкій заговоръ на жизнь перваго изъ нихъ. Враги порядка, прибѣгли къ тому же средству, которое помогло полякамъ по отношенію къ Ляпунову, т. е. къ убійству, съ тою только разницею, что Ляпуновъ погибъ въ слѣдствіе тонкой и ловкой интриги, съ Пожарскимъ же хотѣли покончить посредствомъ прямого убійства, безъ всякихъ излишнихъ проволочекъ.

Изъ подмосковнаго стана, отъ Заруцкаго, пріѣхали въ Ярославль двое казаковъ — Обреска и Степанъ;

у нихъ уже были въ Ярославлѣ соумышленники. Одинъ изъ нихъ жилъ во дворѣ князя Пожарскаго, который его кормилъ и одѣвалъ. Злодѣи придумывали разные способы: хотѣли зарѣзать князя соннаго; наконецъ рѣшили умертвить его гдѣ-нибудь на дорогѣ, въ тѣсотѣ. Разъ какъ-то князь смотрѣлъ пушки, назначенныя подъ Москву, отъ тѣсоты ему пришлось остановиться у дверей разрядныхъ. Казакъ Романъ взялъ его за руку, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы вывести изъ тѣсоты; въ это время кинулся между ними казакъ Степанъ, который хотѣлъ ударить ножомъ въ животъ князя, но попалъ казаку Роману въ ногу; послѣдній упалъ и застоналъ. Князь и не думалъ, что ударъ былъ назначенъ ему, предполагая, что паденіе и стонъ казака произошли отъ какой-нибудь случайности, столь возможной въ тѣсотѣ. Но народъ кинулся къ князю и объяснилъ, что ударъ назначался именно ему. Нашли ножъ, открыли преступника, который на пыткѣ сознался въ своемъ намѣреніи, выдалъ всѣхъ заговорщиковъ, которые тоже повинились во всемъ. Но приговору всей земли преступниковъ разослали въ города по тюрьмамъ, нѣкоторыхъ же взяли въ Москву на обличеніе; тамъ повинились они вторично предъ всею ратью и были прощены, потому что Пожарскій просилъ за нихъ.

Главнымъ крамольникомъ, заводчикомъ смуты явился въ данное время извѣстный намъ казачій атаманъ Заруцкій, который, безъ всякаго сомнѣнія, принималъ участіе и въ покушеніи на жизнь Пожарскаго.

Пожарскій, побуждаемый общимъ голосомъ спѣшить съ ополченіемъ подъ Москву, отправилъ пере-

довые отряды, первый подъ начальствомъ Воеводъ: Михаила Самсоновича Дмитріева и Федора Левашова; имъ было наказано не становиться станомъ съ Заруцкимъ и Трубецкимъ, но поставить себѣ особый острожекъ у Петровскихъ воротъ; второй отрядъ былъ отпращенъ подъ начальствомъ князя Дмитрія Петровича Лопаты-Пожарскаго и дьяка Семена Самсонова, которымъ было велѣно встать у тверскихъ воротъ. Заруцкій разогналъ ратниковъ, пришедшихъ изъ украинскихъ городовъ. Разогнавъ украинцевъ, Заруцкій хотѣлъ остановить и движеніе главнаго ополченія: онъ отпращилъ многочисленный отрядъ казаковъ, съ тѣмъ, чтобы онъ остановилъ ополченіе, идущее съ Княземъ Лопатой-Пожарскимъ, т. е. разбилъ бы его и умертвилъ-бы самаго Воеводу; по исполнить этого казакамъ не удалось: они сами были разбиты Лопатой.

Наконецъ и главное ополченіе выступило изъ Ярославля, отслуживъ предварительно молебень въ Спасскомъ монастырѣ, у гроба ярославскихъ чудотворцевъ — Князя Федора Ростиславича Чернаго и сыновей его Давида и Константина и взявъ благословіе у Митрополита Кирилла и у всѣхъ властей духовныхъ.

Отошедши 7 верстъ отъ города, войско остановилось на ночлегъ. Пожарскій, сдавъ рать Князю Ивану Андреевичу Хованскому и Кузьмѣ Минину и приказавъ имъ идти въ Ростовъ, самъ отправился въ Суздаль, въ Спасо-Евфиміевъ монастырь поклониться гробамъ родительскимъ, съ тѣмъ, чтобы нагнать рать въ Ростовъ. Заруцкій, узнавъ о выступленіи ярославскаго ополченія, ушелъ изъ подъ Москвы съ сво-

ими казаками въ Коломну, гдѣ захвативъ Марину съ сыномъ и разгромивъ городъ, ушелъ въ Рязанскую землю и остановился въ Михайловѣ.

Второй станъ Пожарскій имѣлъ у св. Троицы. Можетъ быть онъ и здѣсь промедлилъ бы не малое время, ибо вообще его походъ не отличался быстротой. что отчасти объясняется страхомъ нравственной отвѣтственности, которую онъ взялъ на себя предъ Россією, но къ нему пришла вѣсть, что Ходкевича ожидаютъ подъ Москву съ часу на часъ. На этомъ основаніи Пожарскій, отпѣвши молебенъ у гроба чудотворца и испросивъ благословеніе у Архимандрита, 18 Августа выступилъ къ Москвѣ.

Когда ополченіе двинулось, то въ лицо ему поднялся, со стороны Москвы, сильный вѣтеръ, что было принято за дурной знакъ; затѣмъ, вдругъ вѣтеръ перемѣнился и подулъ въ тылъ войску и да такой степени сильно, что всадники едва держались на коняхъ. Тотчасъ все лица просіяли и слышались обѣщанія: «помереть за домъ Пресвятой Богородицы, за православную христіанскую вѣру». Суевѣріе всегда находитъ отзывъ въ душѣ человѣка, ибо въ основаніи его лежитъ страхъ за свое благосостояніе, за свою жизнь, тѣмъ болѣе, если тѣ или другія явленія, случаи встрѣчаются человѣку въ критическія минуты жизни.

20 Августа, вечеромъ, ополченіе подошло къ Москвѣ. На первыхъ порахъ Пожарскій остановился тамъ, гдѣ засталъ его вечеръ. На другой день утромъ князь Трубецкой встрѣтилъ Пожарскаго съ своими казаками и предлагалъ вѣтать вмѣстѣ въ одномъ острогѣ, но воеводы и вся рать отвѣчали: «отнюдь не бывать

тому, чтобы намъ стать вмѣстѣ съ казаками». На вторичное предложеніе казаковъ встать вмѣстѣ, ополченіе отвѣчало тѣмъ же отказомъ, сказавъ: «отнюдь намъ вмѣстѣ съ казаками не становать.»

Подобный фактъ лучше всего доказываетъ, до какой степени выработалось въ головахъ ратниковъ твердое убѣжденіе, что съ казаками нѣтъ возможности дѣлать общаго дѣла, убѣжденіе въ готовности казаковъ замутить порядокъ, создать столкновеніе и непріятности.

Трубецкой и казаки разсердились за упомянутый отказъ земскихъ ратниковъ. Князь Пожарскій устроился въ особомъ острогѣ, у Арбатскихъ воротъ.

Два лагеря казацкій и ополченія представляли многознаменательное явленіе: въ отказѣ Пожарскаго стоять вмѣстѣ съ казаками выразился протестъ свѣжей здоровой части населенія противъ большой, не годной части общества, выразились совершенно другія стремленія, чѣмъ тѣ, которыя проводили въ жизнь казаки и бездомные гуляющіе русскіе люди. Въ отказѣ стоять вмѣстѣ съ казаками выразилось, если можно такъ сказать, внутреннее очищеніе московскаго государства: чистое отдѣлилось отъ нечистаго, здоровое отъ больнаго. Вопросъ исторіи опредѣлился прямо, встала круто: торжествовать чистому элементу московскаго государства или нечистому, быть или не быть Россіи?

Въ стѣнахъ Москвы между Поляками шли ссоры, кончившіяся тѣмъ, что 7,000 войска отправилось въ Польшу требовать заслуженнаго жалованья. Поляки дѣйствовали настолько враждебно другъ противъ друга, настолько расходились ихъ интересы, что Струсъ,

сидѣвшій въ Москвѣ, старался всеми силами мѣшать Ходкевичу. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, при подобномъ положеніи дѣла, Ходкевичъ не могъ спѣшно двигаться къ Москвѣ и думалъ только о томъ, чтобы снабжать осажденныхъ въ Москвѣ земляковъ съѣстными припасами. Наконецъ 21 Августа Ходкевичъ приблизился къ Москвѣ и сталъ на поклонной горѣ.

Вопросъ былъ въ томъ, чтобы загородить Гетману дорогу въ Москву.

На разсвѣтъ 22 числа Гетманъ Хоткевичъ перешелъ Москву рѣку у Новодѣвичьяго монастыря и напалъ на Пожарскаго. — Битва могла бы окончиться плачевно для русскихъ, если бы не явились на выручку пять конныхъ сотенъ, отдѣленныхъ Пожарскимъ въ самомъ началѣ битвы Трубецкому, который просилъ ихъ у Пожарскаго. Эти пять сотенъ, видя, что Поляки тѣнятъ ополченіе, не выдержали и кинулись черезъ рѣку на поддержку своихъ, не смотря на то, что Трубецкой не хотѣлъ было отпускать ихъ, а казаки спокойно смотрѣли на битву и издѣвались надъ ополченіемъ: «богаты пришли изъ Ярославля, отстоятся и сами отъ Гетмана.» Въ слѣдъ за упомянутыми сотнями бросились и нѣкоторые казаки, а именно атаманы: Филатъ Межаковъ, Аѳонасій Коломна, Дружина Романовъ и Маркъ Козловъ. Атаманы, присоединяясь къ пяти сотнямъ, кричали Трубецкому: «отъ вашей ссоры Московскому государству и ратнымъ людямъ пагуба становится!»

Пятисотенный отрядъ помогъ дѣлу т. е. воспрепятствовалъ Гетману пробиться въ Москву и заставилъ его отступить къ Поклонной горѣ. Ночью, четырехста воевъ съ съѣстными припасами, подъ прикры-

тѣмъ войска, пробрались въ городу, куда показывалъ дорогу русскій измѣнникъ Григорій Орловъ, но русскіе замѣтили во время движеніе воевъ и отбили ихъ.

Вся задача Пожарскаго состояла въ томъ, чтобы не дать возможности Ходкевичу провести въ Кремль Полякамъ войска и припасы. Ходкевичъ же, съ своей стороны, стремился исполнить то и другое. Каждый день возобновлялись битвы. Особенно горячій бой кишѣлъ 24 числа, когда Хонкевичъ успѣлъ уже пробиться до Пятницеой улицы. Съ Ходкевичемъ здѣсь дрались казаки, которые сначала дрались охотно, но потомъ, увидавъ, что имъ приходится однимъ выносить битву на плечахъ, ибо дворяне Пожарскаго имъ не помогали, вышли изъ Клементьевскаго острога, который только что предъ тѣмъ храбро отбили у поляковъ, съ бранью и крикомъ: «они богаты и ничего не хотятъ дѣлать, мы наги и голодны и одни бьемся; такъ не выйдемъ же теперь на бой никогда.» Очень, возможно что дружины Пожарскаго въ извѣстной степени эгоистично отнеслись къ дѣлу т. е. оставляли казаковъ выносить битву настолько, насколько хватить у нихъ силъ, рассчитывая поддержать своихъ союзниковъ въ критическія минуты; наконецъ, не малую роль играло и враждебное чувство, которае дружины земскія питали къ казакамъ, надѣлавшимъ не мало зла русской землѣ. Вотъ что говорить лѣтописецъ о казакахъ, бывшихъ въ войскѣ Князя Трубецкаго: «многое разореніе христіаномъ творяху, и грабежи и убійства вездѣ содѣваху, и кто можетъ изрѣщи злое то насиліе ихъ, и сія бѣда послѣдняя бысть горше первыя (т. е. нашествія Поляковъ) а смирить и унять ихъ невозможно, собралося

бо казаковъ сихъ множество, и бысть мятежь сей и насиліе по всей земли.»

Но когда Пожарскій увидалъ, что безъ помощи казаковъ дѣло можетъ быть окончательно проиграно, ибо Поляки сильно потѣнили русскихъ, то упробилъ Келаря Троицкой Лавры Авраамія, служившаго въ это время молебень въ обозѣ, у церкви Ильи Обыденнаго, отправитья въ станъ къ казакамъ и уговорить ихъ, чтобы шли противъ Поляковъ и постарались не пропустить запасовъ въ Китай и Кремль.

Авраамій отправился къ казакамъ, стоявшимъ у Клементьевскаго острога и сказалъ имъ: «отъ васъ началось дѣло доброе, вы стали крѣпко за православную вѣру и прославились во многихъ дальнихъ государствахъ своею храбростію, а теперь, братья, хотите такое доброе начало однимъ разомъ погубить.» Эти слова подѣйствовали на казаковъ и они отвѣчали, что готовы идти на враговъ и умереть и безъ побѣды не возвратиться; только пусть князь ѣдетъ въ таборы къ другимъ казакамъ и уговорить ихъ также вступить въ дѣло. Авраамій поѣхалъ. Онъ засталъ многихъ казаковъ въ то самое время, когда они собирались переправляться на другой берегъ, въ таборы. Палицынъ убѣдилъ ихъ возвратиться и они дѣйствительно начали возвращаться, что подѣйствовало и на тѣхъ казаковъ, которые уже были на другомъ берегу. Увидѣвъ, что ихъ братья возвращаются назадъ, они также кинулись въ рѣку, съ тѣмъ, чтобы присоединиться къ своимъ. Палицынъ рѣшился ѣхать на другой берегъ, въ самые таборы, гдѣ казаки шли, играли въ зериъ. Горячая рѣчь Палицына подѣйствовала и на нихъ. Съ крикомъ: Сергіевъ! Сер-

гивъ! всё эти оборванцы, голые, босые, ибо все награбленное немедленно пропивалось, кинулись въ рѣку.

Движеніе, происшедшее между казаками не ушло отъ вниманія Пожарскаго: онъ дружно двинулъ свое ополченіе, послѣдствіемъ чего и было обратное взятіе отъ поляковъ Клементьевскаго острога. Но дѣло еще нельзя было считать рѣшительнымъ, ибо Ходкевичъ попрежнему былъ близко. Сдѣлать окончательный шагъ къ побѣдѣ выпало на долю Минина. Онъ просилъ у Пожарскаго людей, чтобы промыслить надъ Гетманомъ. «Бери, кого хочешь,» отвѣчала ему Князь Пожарскій. Мининъ взялъ три сотни дворянъ, перешелъ рѣку и смѣло бросился на двѣ польскія роты, которыя побѣждали, въ попыхахъ, смяли одна другую; русская нѣхота, засѣвшая по ямамъ, выскочила изъ ямъ и равнымъ образомъ пошла на поляковъ; за нѣхотой двинулась и вся конная рать. Поляки смѣшались, не выдержали дружнаго натиска, потеряли 500 человекъ. Гетманъ отступилъ на Воробьевы горы. Разгоряченные русскіе воины рвались преслѣдовать враговъ, но воеводы остановили ихъ, доказывая, что небываетъ на одинъ день по двѣ радости.

На другой день русскіе съ радостью увидѣли, что Гетманъ отступилъ по дорогѣ къ Можайску.

Въ описанныхъ событіяхъ слѣдуетъ обратить вниманіе на Авраамія Палицына. Въ приведенныхъ нами словахъ, обращенныхъ къ казакамъ, онъ очень ловко умѣлъ польстить самолюбію ихъ, упомянувъ о славныхъ дѣлахъ, совершенныхъ ими во имя защиты вѣры и о томъ, что храбрость казаковъ извѣстна во многихъ государствахъ. Если бы мы поближе познакомились съ Палицынымъ, то увидали бы, что едва ли

кто нибудь могъ лучше выполнить упомянутое порученіе, чѣмъ онъ. Это былъ человѣкъ очень умный, въ высшей степени практической, человѣкъ, какъ говорится, себѣ на умѣ. Недаромъ троицкій монастырь выбралъ его ходякомъ по своимъ спорнымъ дѣламъ въ Москвѣ, гдѣ онъ по преимуществу и жилъ. Бойкій, расторопный, способный приладиться ко всемъ людямъ и ко всемъ обстоятельствамъ, онъ былъ необходимый, дорогой человѣкъ для монастыря, ибо для ходатайства по монастырскимъ дѣламъ въ Москвѣ приводилось и кланяться и дѣйствовать другими различными практическими способами, что совершенно понятно, если принять въ соображеніе древнюю московскую волокиту, т. е. судейскую неправду.—По своему времени Авраамій отличался образованіемъ. Онъ оставилъ намъ лѣтописи о мятежахъ, къ которой историческая критика давно отнеслась надлежащимъ образомъ. Такіе люди, потому что они очень практичны и ловки въ житейскихъ дѣлахъ, конечно, не составляютъ, съ нравственной точки зрѣнія, желаннаго явленія, но, во всякомъ случаѣ, при извѣстныхъ условіяхъ общественныхъ, они составляютъ необходимое или, вѣрнѣе сказать, неизбежное явленіе.

Такимъ образомъ, съ уходомъ Гетмана, для поляковъ, сидѣвшихъ въ Москвѣ, пропала послѣдняя надежда спасти себя отъ голода. Оставалось только Пожарскому употреблять все усилія, чтобы стѣснять заключенныхъ въ Кремлѣ враговъ какъ можно для нихъ чувствительнѣе. Къ сожалѣнію, возникшая опять рознь между казаками и дворянами явилась не малой помѣхой въ борьбѣ съ поляками. Трубецкой требовалъ, чтобы Пожарскій и выборный человѣкъ Мининъ ѣздили къ нему

въ таборъ на совѣтъ, ибо онъ считалъ себя выше ихъ, по Пожарскій и Мининъ ни подъ какимъ видомъ не соглашались на это, не потому, объясняетъ лѣтопись, чтобы они считали подобную уступку для себя унижительной, по потому что боялись убійства отъ казаковъ. Въ это же время въ таборѣ казакомъ появились Иванъ и Василій Шереметьевы, съ старыми заводчиками зла съ княземъ Григорьемъ Шаховскимъ, съ Иваномъ Плещеевымъ и княземъ Иваномъ Засѣкинымъ, которые стали всеми средствами разжигать вражду между казаками и ополченіемъ, съ тою цѣлью, чтобы среди новыхъ смуть жить по своей широкой волѣ, не знавшей границъ и удержку. — Если бы Пожарскій и Мининъ не были на сторожѣ и вполнѣ сблизились бы съ казаками, то, по всей вѣроятности, люди подобные Шаховскому и другимъ заводчикамъ зла, успѣли бы путемъ убійства избавиться и отъ Пожарскаго и Минина. Упомянутая осторожность дѣлаетъ большую честь предводителямъ земскаго ополченія. Казаки стали кричать, что уйдутъ изъ подъ Москвы, потому что они босые и голодные: пусть стоятъ подъ ней богатые дворяне. Между тѣмъ все защитники порядка, все истинные патріоты понимали, что съ уходомъ казаковъ, во первыхъ убавится значительная часть войска; во вторыхъ казаки могутъ завладѣть беззащитными сѣверными городами, откуда ихъ, какъ поляковъ изъ Москвы, приведется выбивать.

Въ это тяжелое время въ Троицкой Лаврѣ былъ Архимандритомъ человекъ высокой нравственности, человекъ честный въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, горячій и истинный патріотъ-Діонисій.

Діонисій созываетъ братію на совѣтъ: что дѣлать? денегъ въ монастырѣ нѣтъ. Чѣмъ улажить казаковъ

чтобы они не уходили отъ Москвы и стояли бы противъ враговъ? Думали, думали и приговорили послать казакамъ ризы, стихари, эпитрахили, саженныя въ закладъ въ тысячѣ рубляхъ, на короткое время. Написали имъ и грамоту.

Но въ казакахъ, при видѣ упомянутыхъ церковныхъ сокровищъ, пробудилась совѣсть: не рѣшились они взять собственность Св. Сергія и дали обѣщаніе, изложенное въ особой отъ нихъ грамотѣ, все претерпѣть и отъ Москвы не уходить. Радѣтели о благѣ отечества старались устроить и другое дѣло, примирить Воеводъ ополченія и казаковъ: было положено, что Пожарскій и Мининъ не будутъ ѣздить въ таборы къ Трубецкому, но всѣ Воеводы стануть сѣзжаться на среднемъ мѣстѣ, на Неглинной и промыслять земскимъ дѣломъ. Въ слѣдъ за послѣдовавшимъ примиреніемъ была разслана по городамъ слѣдующая грамота: «Были у насъ до сихъ поръ разряды разные, а теперь, по милости Божіей, мы Дмитрій Трубецкой и Дмитрій Пожарскій по челобитью и приговору всѣхъ чиновъ людей стали за одно и укрѣпились, что намъ, да Выборному человѣку Козьмѣ Минину Москвы доступать и Россійскому Государству во всемъ добра хотѣть безъ всякой хитрости, а разрядъ и всякіе приказы поставили мы на Неглинной на Трубѣ, снесли въ одно мѣсто и всякія дѣла дѣлаемъ за одно и надъ московскими сидѣльцами промышаемъ, у пушечнаго двора и въ Егорьевскомъ монастырѣ, да у Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ поставили туры, и за нихъ по городу бьемъ изъ пушекъ безпрестанно и всякими промыслами промышляемъ. Выходятъ изъ города къ намъ выходцы, русскіе, литовскіе, нѣмецкіе люди и сказываютъ, что въ городѣ изъ нашихъ

пушекъ побивается много людей, да много помирать отъ тѣсноты и голоду, ѣдятъ литовскіе люди человѣчину, и хлѣба и никакихъ другихъ запасовъ у нихъ не осталось, а мы надѣемся овладѣть Москвою скоро. И вамъ бы, господа, во всякихъ дѣлахъ слушать нашихъ грамотъ Дмитрія Трубецкаго и Дмитрія Пожарскаго и писать объ всякихъ дѣлахъ къ намъ обоимъ и которыя грамоты станутъ приходить къ намъ отъ кого нибудь одного изъ насъ, то вы бы этимъ грамотамъ не вѣрили».

Стали доходить слухи до Воеводъ, что Ходкевичъ будто бы снова собирается быть подъ Москвою, съ тѣмъ, чтобы доставить осажденнымъ запасы. На этомъ основаніи Воеводы велѣли всей рати плести плетенницы и копать большой ровъ на замоскворѣцкомъ полуостровѣ отъ одного берега рѣки до другаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ они отправили въ Кремль къ полякамъ грамоту, въ которой убѣждали ихъ въ необходимости покориться и сдаться, доказывая, что неоткуда ждать имъ помощи.

Осажденные отвѣчали грубо, а между тѣмъ они умирали отъ страшнаго голода: отцы ѣли дѣтей своихъ, одинъ гайдукъ съѣлъ сына своего, другой — мать. Ротмистръ, назначенный судить виновныхъ, убѣжалъ изъ суда, боясь, чтобы подсудимые не съѣли его.

22-го октября казаки пошли на приступъ и взяли Китай городъ. Оставалось только взять Кремль, гдѣ еще сидѣли поляки. Желая избавиться отъ лишнихъ людей, поляки выслали изъ Кремля всѣхъ русскихъ женщинъ. Бояре, мужья этихъ женщинъ, сильно загоревали и послали просить Пожарскаго и всѣхъ ратныхъ людей, чтобы пожаловали, приняли ихъ женъ честно. Пожарскій велѣлъ отвѣчать, что онѣ будутъ

приняты безъ позору и самъ пошелъ принимать ихъ. Принявъ, разослалъ женщинъ по своимъ пріателямъ, съ просьбой всёмъ ихъ довольствоваться. Казаки, по обычаю, подняли крикъ: «надо убить князя Дмитрія за то, что онъ не далъ ограбить боярынь».

Наконецъ, голодъ взялъ свое: поляки рѣшились вступить въ переговоры. Главнымъ условіемъ они ставили сохраненіе жизни и, равнымъ образомъ, то, чтобы, начальствующія лица не были отданы казакамъ, свирѣлость которыхъ хорошо имъ была известна. Русскіе воеводы дали обѣщаніе, что ни одинъ плѣнникъ не погибнетъ отъ меча.

Сперва вышли бояре — князь Федоръ Ивановичъ Мстиславскій, князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій, Иванъ Никитичъ Романовъ съ племянникомъ Михаиломъ Федоровичемъ и мать послѣдняго Марфа Ивановна и всё другіе русскіе, сидѣвшіе въ Кремлѣ. Въ числѣ ихъ былъ и Андроновъ, торговый человекъ, мутившій русскую землю вмѣстѣ съ Салтыковымъ и успѣвшій, не смотря на свое не важное происхожденіе, приобрести такое вліяніе между поляками, что въ теченіи нѣкотораго времени онъ распоряжался въ Москвѣ и во многихъ частяхъ государства вполне самостоятельно. Другой заводчикъ крови Михаилъ Салтыковъ успѣлъ за добра ума обратиться изъ Москвы, вмѣстѣ съ Гонсеѣвскимъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Андроновъ былъ человекъ большаго ума и крѣпкой воли, обо иначе нельзя было взять верхъ надъ боярами и князьями, которыми онъ повелѣвалъ и которымъ раздавалъ деньги и земли.

Казаки хотѣли было кинуться на плѣнныхъ и перебить ихъ, но земскіе ратники защитили, не давъ въ

обиду ни одного. Струсъ, вопреки условію, достался съ своимъ полкомъ казакамъ Трубецкаго, которые многихъ плѣнныхъ ограбили и побили. Струсъ допросили. Андропова пытали: сколько сокровищъ царскихъ утрачено, сколько осталось? 27-го ноября Архимандритъ Діонисій служилъ молебенъ на лобномъ мѣстѣ, гдѣ собрался весь народъ и все войско. Послѣ молебна все двинулись въ Кремль. Но здѣсь радость побѣды и торжества уступила мѣсто горю, ибо глазамъ всехъ представились церкви, оставленныя иновѣрцами въ ужаснѣйшемъ видѣ: вездѣ нечистота, образа, престолы ободраны, въ чанахъ оказалась ужасная пища — человѣческое мясо.

Трубецкой занялъ въ Кремлѣ дворъ Годунова. Пожарскій поселился на Арбатѣ, въ Воздвиженскомъ монастырѣ. Казаки остались и послѣ побѣды вѣрны себѣ: они требовали жалованья и разъ намѣревались перебить всехъ начальныхъ людей, что и исполнили бы, если бы не встрѣтили прогнудѣйствія въ земскомъ ополченіи.

Только тогда Поляки сознали, что медленность ихъ погубила польское дѣло, когда до Польши дошли вѣсти о московскихъ событіяхъ. Но и въ этомъ случаѣ они винили не себя за свои вѣчные раздоры, за отсутствіе единодушія, за неумѣнье пользоваться благоприятными обстоятельствами, а винили Короля, доказывая, что по его милости проиграно дѣло. Король, конечно, былъ виноватъ, но не менѣе его были виноваты и сами Поляки, съ которыми трудно управиться и которыхъ трудно соединить воедино какому угодно Королю.

Поляки требовали отъ Короля, чтобы онъ немедленно

шелъ къ Москвѣ, но ни войска, ни денегъ не давали, и дги съ нимъ никто не хотѣлъ; такъ, что Король, исполняя настоятельное требованіе своихъ неугомонныхъ подданныхъ, выступилъ въ походъ съ 3.000 нѣмецкихъ ратниковъ, которыхъ онъ кое-какъ набралъ. Только около Вязьмы нагнали его 1.200 всадниковъ, устыдившихся, что ихъ Король отправился съ такимъ ничтожнымъ войскомъ.

Осадивъ Волоко-Ламскій, Сигизмундъ отправилъ къ Москвѣ съ отрядомъ молодого Адама Жолкѣвскаго. Съ нимъ же были отпущены находившіеся въ Польшѣ въ посольствѣ, вмѣстѣ съ Филаретомъ и Голицынымъ, Князь Данило Мезецкій и дьякъ Грамотинъ уговаривать жителей Москвы въ признаніи Царемъ Владислава. Москвичи, узнавъ о приближеніи Короля, пришли въ страхъ, ибо ополченіе все разбрелось; сидѣть въ осадѣ не представлялось возможнымъ по недостатку съѣстныхъ припасовъ. Но рѣшились или отбить Поляковъ, или умереть. Когда Жолкѣвскій подошелъ къ Москвѣ, то былъ встрѣченъ смѣлымъ отпоромъ, а затѣмъ окончательно прогнанъ. Къ счастью Москвичей, въ этой схваткѣ были взяты поляками въ плѣнъ Смоленскій Иванъ Философовъ, который на распросы Поляковъ о количествѣ войска и съѣстныхъ припасовъ въ Москвѣ, отвѣчалъ очень находчиво, что Москва и хлѣбна и людна и что всѣ порѣшили помереть за православную вѣру и королевича на царство брать не хотягъ. Если слова Философова были несправедливы по отношенію къ тому, что Москва и людна и хлѣбна, то они были совершенно справедливы по отношенію къ тому, что русскіе рѣшительно побѣдили со всѣми смутами и крамолами и положили крѣпко стоять за

православную вѣру, т. е., иначе сказать, за все, что имъ было дорого. Въ этомъ смыслѣ Философовъ быть правъ, ибо ни одинъ городъ не сдавался Королю, ни одинъ русскій человѣкъ не прїѣзжалъ въ станъ бить челомъ королевичу и Королю. По естественному ходу вещей взволнованное море улеглось, вода входила въ берега. По естественному ходу вещей усталые люди требовали отдыха, страсти перегорали и затихали, хотя далекіе города, особенно на сѣверѣ, долго еще оставались подъ ужасомъ казацкой лютой. Въ 1614 году изъ Поморскихъ городовъ Воеводы писали въ Москву; пришли туда воровъ казаки во множествѣ, и въ уѣздахъ по селамъ, по деревнямъ и по дорогамъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей, всякихъ торговыхъ людей и крестьянъ грабятъ и до смерти побиваютъ, пытаются, жгутъ и мучатъ разными муками изъ-за денегъ и пожитковъ; села и деревни жгутъ; къ городамъ приступаютъ, и къ Москвѣ ни съ чѣмъ не пропускаютъ; тѣсноту московскому государству учиняютъ великую.»

Король волей неволей обратился назадъ; но какъ бы въ отмщеніе хотѣлъ непременно взять Волоко-Ламскій; однако и здѣсь потерпѣлъ неудачу. Атаманы Немабо Марковъ и Иванъ Епанчинъ мужественно отбили всѣ приступы и на трехъ приступахъ побили много нѣмецкихъ и литовскихъ людей.—Королю такъ не посчастливилось, что даже Князь Данила Мезецкій убѣждалъ съ дороги въ Москву, гдѣ и передалъ радостную вѣсть объ уходѣ Короля.—прямо въ Польшу.—Пришла и другая радостная вѣсть, что великій врагъ порядка Атаманъ Заруцкій, разбитый на голову Бутурлинымъ, равнымъ образомъ бѣжалъ изъ Рязанской земли.

Обстоятельства ясно говорили, что умиротвореніе русской земли стало дѣломъ возможнымъ. Мысль о временномъ умиротвореніи естественно порождала мысль о постоянномъ порядкѣ и мирѣ.—Постоянный же порядокъ былъ тѣсно связанъ съ вопросами: будетъ ли Царь, и кто именно?

Началась разсылка грамотъ по городамъ. Въ грамотахъ писали: что русская земля очистилась отъ враговъ, церкви Божія въ прежнюю лѣноту облеклись и имя Божіе славится въ нихъ по прежнему; но безъ Государя московскому государству стоять нельзя, печется о немъ и людьми Божьими промышлять некому, безъ Государя вдостоль Московское Государство разорять все; безъ Государя государство ничѣмъ не строится и воровскими заводами на многія части раздѣляется и воровство многое множится и потому бояре и воеводы приглашали, чтобы всѣ духовныя власти были къ нимъ въ Москву, и изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей, торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей выбравъ лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ людей, по скольку человѣкъ пригоже, для земскаго совѣта и государскаго избранія, всѣ города прислали бы въ Москву жъ и чтобы эти власти и выборные лучшіе люди договорились въ своихъ городахъ накрѣпко и взяли у всякихъ людей о государскомъ избраніи полные договоры».

Когда всѣ выборные съѣхались, то назначенъ былъ трехдневный постъ, затѣмъ начались совѣщанія, соборы. Прежде всего былъ рѣшенъ вопросъ о томъ, что никого изъ иностранныхъ принцевъ не выбирать, Маринки и ея сына на государство не хотѣть. По этимъ пунктамъ все было покончено единодушно. Но не такъ

единодушно пошло дѣло, когда на сцену выступилъ вопросъ объ избраніи на престолъ изъ своихъ. Начались неизбѣжныя козни, смуты, волненія; начались подкуны, подговоры, были мнѣнія въ пользу Воротынскаго, Трубецкаго и даже, какъ говорили послѣ, въ пользу Пожарскаго, иные упоминали и о Шуйскомъ.— Какой то дворянинъ изъ Галича привезъ на соборъ письменное мнѣніе, въ которомъ высказывалась мысль, что болѣе всѣхъ на престолъ имѣеть право по своему ближайшему родству съ послѣдними царями, Михаилъ Федоровичъ Романовъ. Многіе изъ бывшихъ на соборѣ закричали: кто принесъ такую грамоту, кто, откуда она?

Въ это время всталъ одинъ донской атаманъ и также подалъ письменное заявленіе, что природный Царь есть Михаилъ Федоровичъ Романовъ. Эти два мнѣнія, дворянина и казака, встрѣтили общее сочувствіе: Михаилъ Федоровичъ Романовъ былъ провозглашенъ Царемъ (21 февраля 1613). Немедленно въ Успенскомъ Соборѣ прочли молебенъ съ колокольнымъ звономъ, съ многолѣтіемъ новонарѣченному Царю, а потомъ начали всѣ присягать новому Царю, начиная отъ бояръ до казаковъ и стрѣльцовъ. Во всѣ города были посланы извѣстительныя грамоты; отправилось посольство отъ всего земскаго собора и въ Кострому, гдѣ жилъ Михаилъ Федоровичъ съ своею матерью, съ приглашеніемъ на царство.

Въ сношеніяхъ съ посольствомъ замѣчательно особенно возраженіе, которое высказывала Марѳа, мать Михаила Федоровича. На убѣжденіе пословъ, чтобы ея сынъ принялъ царство, она отвѣчала: московскіе люди *измалодушествовались*, при чемъ припомнила всѣ

измѣны Царямъ.—Кому хорошо извѣстенъ ходъ историческихъ событій въ теченіи смутнаго времени, тотъ пойметъ, что упомянутое выраженіе Мароы превосходно характеризуетъ эпоху и людей этой эпохи.

Убѣжденная доводами посольства, Мароа дала свое благословеніе сыну, который 11 іюля 1613 года вѣнчался на царство, положивъ начало новой нынѣ царствующей династіи Романовыхъ.

Князь Пожарскій и выборный человекъ Кузьма Захарычъ Мининъ Сухорукъ разрѣшили великую задачу: Россія умиротворилась, лихолѣтье сдѣлалось достояніемъ исторіи. Любопытно прослѣдить дальнѣйшую судьбу этихъ истинно честныхъ русскихъ людей.

Въ день вѣнчанія на царство Михаила Федоровича пожаловали Князя Пожарскаго бояриномъ, а Минина званіемъ думнаго дворянина. Въ 1616 г. Мининъ скончался, оставивши послѣ себя сына Нефеда, умершаго бездѣтнымъ около 1632 г.

Князь Пожарскій жилъ долго, но въ іерархіи чиновной онъ не выдавался, хотя по своимъ заслугамъ и имѣлъ полное право на почетъ и вниманіе Царя.— Нѣтъ необходимости выписывать весь послужной списокъ Князя Пожарскаго, списокъ, доказывающій, что онъ стоялъ далеко не на виду Царя, что его заслугамъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, Михаилъ Федоровичъ не отдавалъ должной благодарности. Не было ли причиною невиднаго положенія въ общественной службѣ этого честнаго человека его душевное состояніе, ибо современное извѣстіе говоритъ, что Князь Пожарскій страдалъ чернымъ недугомъ (меланхоліей). Совершенно вѣрно замѣчаетъ глубоко уважае-

мый нами историкъ нашъ Николай Ивановичъ Костомаровъ, что люди съ подобнымъ настроеніемъ духа не бываютъ искательны и стараются держаться въ тѣни. Самый подвигъ освобожденія Москвы былъ принятъ Пожарскимъ противъ собственнаго желанія, по настоянію земства. Дѣйствительно, если только справедливо современное извѣстіе, меланхолическое настроеніе духа, признаваемое въ настоящее время первую степенью къ душевнымъ болѣзнямъ, дѣлаетъ человека совершенно равнодушнымъ ко всемъ мірскимъ благамъ и прелестямъ. Такіе люди вполне довольствуются тѣмъ, что имѣютъ и несравненно способіе утратить приобрѣтенное, чѣмъ чтобы то ни было приобрѣсть.

Такія личности нерѣдко отличаются замѣчательными умственными способностями и глубокою чувствительностью. Нѣтъ прямыхъ указаній, чтобы князь Пожарскій во время своей самостоятельной дѣятельности, какъ военачальникъ всего земскаго ополченія, доказалъ, что онъ обладаетъ замѣчательными умственными способностями, но мы имѣемъ указанія въ двухъ фактахъ выше нами приведенныхъ, что онъ обладалъ чувствительнымъ сердцемъ: такъ первый фактъ его слова, произнесенныя послѣ раны, полученной подъ Москвой, слова, доказывающія, что несчастія Россіи глубоко пали въ его сердце; второй фактъ — прощенье, дарованное тѣмъ казакамъ, которые посягнули на его жизнь. Мы тѣмъ болѣе цѣнимъ его подвигъ освобожденія Россіи отъ враговъ, что онъ, какъ и Мининъ, множество разъ рисковалъ пасть подъ ножомъ наемнаго убійцы. Злая интрига не останавливается ни предъ пожемъ, ни предъ ядомъ.

Подвигъ великій, исполненный со славой; подвигъ безъ малѣйшей тѣни, какъ и честь Пожарскаго осталась безъ малѣйшей тѣни: за все свои заслуги онъ получилъ боярство и нѣсколько незначительныхъ вотчинъ, слѣдовательно не искалъ у престола, не воспользовался своимъ положеніемъ такимъ образомъ, чтобы сдѣлаться по крайней мѣрѣ богатымъ человекомъ. Другого закала былъ князь Дмитрій Трубецкой, служившій ворами, тормозившій дѣло Пожарскаго, онъ владѣлъ богатѣйшею областью Вагою, нѣкогда принадлежавшею Борису, которую получилъ по грамотѣ отъ Собора еще до избранія Михаила. Мало того: вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, Царь повелѣлъ выдать Пожарскаго головой Салтыкову за то, что онъ не хотѣлъ сказывать (объявлять) Салтыкову боярство, считая себя по роду выше Салтыкова. Царь настаивалъ, Пожарскій сказался больнымъ. Тогда Царь велѣлъ сказывать боярство одному думному дяку, а въ разрядъ записать, что будто бы сказывалъ боярство Пожарскій. Салтыковъ почелъ себя обесчещеннымъ Пожарскимъ и билъ объ этомъ Царю челомъ. Царь и приказалъ выдать Пожарскаго Салтыкову головой. Пожарскій во время царствованія Михаила Федоровича былъ и воеводой въ Калугѣ, Новгородѣ, Переяславлѣ Рязанскомъ, управлялъ нѣсколько времени разбойнымъ, суднымъ приказами, участвовалъ въ войнѣ съ поляками. Вѣроятно, онъ скончался около 1641 г. ибо съ этого времени имя его нигдѣ не встрѣчается. Онъ погребенъ въ Суздальскомъ Спасо-евфимьевскомъ монастырѣ, гдѣ покоятся и его предки.

Монастырь этотъ въ настоящее время замѣчательнѣе тѣмъ, что въ немъ содержатся важные сектаторы.

Подвиги Пожарскаго и Минина не прошли да и не могли пройти безъ слѣда для народной памяти. Вотъ народная пѣсня, взятая нами изъ собранія пѣсень Кирѣевскаго, изданныхъ Обществомъ любителей Россійской Словесности. Въ ней поется о князѣ Пожарскомъ, Козьмѣ Мининѣ, объ освобожденіи Москвы и избраніи Михаила Федоровича:

Какъ въ старомъ-то было городѣ,
Во славномъ и богатомъ Нижніемъ,
Какъ ужъ жилъ тутъ поживалъ богатый мѣщанинъ,
Богатый мѣщанинъ Кузьма Сухорукій сынъ.
Онъ собралъ-то себѣ войско изъ удалыхъ молодцовъ,
Изъ удалыхъ молодцовъ Нижегородскихъ купцовъ,
Собравши ихъ, онъ рѣчь имъ взговорилъ:
«Охъ, вы гой еси товарищи, Нижегородскіе купцы!
«Оставляйте вы свои дома,
«Покидайте вашихъ женъ, дѣтей,
«Вы продайте все ваше злато-серебро,
«Накупите себѣ вострыхъ копіевъ,
«Вострыхъ копіевъ, булатныхъ ножей,
«Выбирайте себѣ изъ князей и бояръ удалова молодца,
«Удалова молодца воеводушку,
«Пойдемъ-ко мы сражатся
«За матушку за родную землю,
«За родну землю, за славный городъ Москву:
«Ужъ заполонили-то Москву проклятые народы Поляки злы!
«Разобьемъ ихъ, много перевѣшаемъ,
«Самаго-то Сузmunда короля ихъ въ полонъ возьмемъ,
«Освободимъ мы матушку Москву отъ нечестивыхъ Жидовъ,
«Нечестивыхъ Жидовъ, Поляковъ злыхъ!»
Ужъ какъ выбрали себѣ солдатушки, молодые ратнички,
Молодые ратнички Нижегородскіе купцы,
Выбрали себѣ удалова молодца,
Удалова молодца воеводушку,
Изъ славнаго княжескаго роду —

Князя Дмитрія по прозванію Пожарскаго.

Ужь повель ихъ славный князь Пожарскій.

За славный Москву-городъ сражаться.

Съ нечестивыми Жидами-Поляками войной бранитися.

Ужь привель-то славный князь Пожарскій своихъ храб-
рыхъ воиновъ,

Привель ко Московскимъ стѣнамъ;

Становиль-то славный князь Пожарскій своихъ храбрыхъ
воиновъ,

У Московскихъ у крѣпкихъ стѣнъ;

Выходилъ-то славный князь Пожарскій передъ войско свое,

Какъ ужь взговорилъ онъ своимъ храбрымъ воинамъ:

«Охъ, вы гой еси храбрые солдатушки,

«Храбрые солдатушки, Нижегородскіе гунцы!

«Помолимся мы на святя на врата на Спасскія

«На пречистый образъ Спасителя!»

Помолившись, дѣло начали.

Какъ разбили-проломили святя врата,

Ужь вошли-то храбрые солдатушки въ бѣлокаменный
Кремль,

Какъ и начали солдатушки Поляковъ колоть, рубить,

Колоть, рубить, въ большія кучи валить;

Самого-то Сузмунда въ полонъ взяли,

Руки—ноги вязали, буйну голову рубили.

Собралися все князя, бояре Московскіе,

Собралися думу думали.

Какъ и взговорятъ старшіе бояре, воеводы Московскіе.

«Вы скажите, вы бояре, кому Царемъ у насъ быть?»

Какъ и всговорятъ бояре, воеводы Московскіе:

«Выбираемъ мы себѣ въ Цари

«Изъ бояръ боярина славнаго.

«Князя Дмитрія Пожарскаго сына.»

Какъ и всговорить къ боярамъ Пожарскій князь:

«Охъ, вы гой еси бояре, воеводы Московскіе!

«Недостойнъ я такой почести отъ васъ,
«Не могу принять я отъ васъ царства Московскаго.
«Ужъ мы выберемъ себѣ въ православныя Цари
«Изъ славнаго, изъ богатаго дому Романова—
«Михаила сына Ѳеодоровича.»

И выбрали себѣ бояре въ Цари Михаила сына Ѳеодоровича.

Единственный не вѣрный фактъ, встрѣчающійся въ этой пѣснѣ—плѣнъ Сигизмунда и казнь его, ибо известно, что Сигизмундъ въ Москвѣ не былъ. Остальное представляетъ совершенно вѣрное изложеніе историческихъ фактовъ, исключая торжественнаго предложенія престола князю Пожарскому.

Троицкій Архимандритъ Діонисій.

Великая сила заключается въ ученіи Христіанскомъ. Всего осязательнѣе эта великая сила сказывается на людяхъ, природа которыхъ обладаетъ замѣчательными свойствами, достоинствами, выходящими изъ ряда, какъ по развитію сердечныхъ склонностей, такъ и по способности воспринимать скоро и крѣпко все доброе и прекрасное. Короче сказать: религія христіанская охватываетъ подобныя натуры все-цѣло и дѣлаетъ ихъ своими горячими подвижниками до смерти.

Религія христіанская добрымъ началомъ, лежащимъ на днѣ души людей, крѣпкихъ духомъ, даетъ выходъ, показываетъ имъ великую цѣль, которая и дѣлается конечной цѣлью ихъ жизни. Безъ этой высокой цѣли для нихъ нѣтъ жизни, нѣтъ радости, нѣтъ счастья. Припомнимъ Владиміра Равноапостольнаго. Исторія говоритъ, что будучи язычникомъ, онъ приносилъ

бровавыя жертвы богамъ, былъ жестокъ, женолюбивъ, словомъ былъ челоѡкомъ, для котораго не существовало другихъ законовъ, кромѣ законовъ животной природы. Но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнiю, что на днѣ души его лежали задатки совершенно противоположныя животнымъ стремленiямъ. Задатки эти могли бы замереть безслѣдно, если бы души его не коснулись слова ученiя Христа Спасителя. Съ принятiемъ христіанства онъ перерождается: изъ жестокаго дѣлается мягкосердечнымъ, не рѣшается даже казнить смертію разбойниковъ, рассылаеть слугъ по праздничнымъ днямъ съ возами хлѣба, мяса, рыбы, съ тѣмъ, чтобы они надѣляли этими припасами бѣдныхъ, не имущихъ, строятъ храмы, молится благоговѣнно, веѡмъ сердцемъ, строго исполняетъ обряды церковныя, глубоко проникается внутреннимъ смысломъ ученiя христіанскаго. Таковымъ онъ остается до конца своей жизни. Только божественное ученiе Христа Спасителя могло пропзвести такой великій психическій переворотъ въ Равноапостольномъ князѣ Владимірѣ и только впечатлительная къ добру природа, только сильная душевная крѣпость могутъ отозваться такъ горячо на призывъ христіанства. Тоже горячее увлеченiе новымъ божественнымъ ученiемъ мы видимъ въ Святой Ольгѣ. Наконецъ, дальнѣйшая наша исторiя также представляетъ не мало примѣровъ высокой способности любить людей и глубоко проникаться Христіанскимъ ученiемъ, результатомъ чего являлась вполнѣ христіанская жизнь, вполнѣ сознательное проникновенiе духомъ безконечной любви къ людямъ, потребность отдать себя въ жертву во имя этой любви къ братьямъ по крови, по челоѡчеству и

заповѣдямъ Христа. Феодосій Петерскій, Соловецкіе угодники, Св. Сергій, Св. митрополитъ Филиппъ и другіе — всѣ они потому до конца и сослужили службу обществу, что прониклись до глубины души идеями христіанства, потому нѣкоторые изъ нихъ и положили, а иные, если не положили, то всегда готовы были положить, если бы привели къ тому обстоятельства, души свои за овецъ своихъ, потому именно, что вполнѣ сознательно прониклись божественными истинами ученія Христова. Что они дали обществу? Они дали безконечный трудъ, трудъ, безъ разбора легокъ онъ или тяжелъ, чистъ или грязенъ; дали живой примѣръ истинной, высоко христіанской жизни; доказали, что человѣкъ свое я долженъ принести въ жертву обществу, благо котораго для нихъ конечная цѣль. Они прямо содѣйствовали не только, какъ мы уже сказали, духовному преуспѣванію общества, но и матеріальному его благосостоянію: проводили въ мѣстахъ безлюдныхъ, гдѣ обитали только дикіе звѣри, пути, заводили строано-пріемные дома, больницы, разводили различныя растенія, овецъ; они же первые писали книги, свѣтъ науки впервые загорѣлся въ стѣнахъ монастырскихъ, зажженный подвижниками вѣры христіанской; впервые же въ стѣнахъ монастырскихъ вполнѣ было признано и доказано людямъ, что трудъ есть потребность природы человѣка, потребность, безъ которой невозможно его всестороннее самоусовершенствованіе.

Такими высоко-христіанскими стремленіями, т. е. всецѣло отдать себя на служеніе обществу, такимъ достойнымъ человѣка стремленіемъ поставить свои личныя, своекорыстныя побужденія ниже блага другихъ людей

отличался и Діонисій, о которомъ мы намѣрепы говорить въ настоящей статьѣ. Вся задача всесторонняго развитія человѣка только въ томъ и заключается, чтобы благо другихъ людей не было для человѣка однимъ пустымъ звукомъ. Есть люди не забывающіе того, что они, живя для себя, вмѣстѣ съ тѣмъ должны жить и для другихъ; но есть и такіе, въ нравственномъ отношеніи стоящіе выше первыхъ, которые забываютъ о себѣ и исключительно живутъ для другихъ. Таковы, повторяемъ, все христіанскіе подвижники, проникшіеся до глубины души великими христіанскими стремленіями.

Діонисій (въ мірѣ — Давидъ) былъ сыномъ ямскаго старосты въ городѣ Старицѣ. Безъ особеннаго труда научившись грамотѣ у монаховъ, бывшихъ въ то время обычными и единственными наставниками, Давидъ, когда пришелъ въ возрастъ, принялъ священнической санъ; онъ былъ посвященъ въ попы въ одномъ изъ сель Богородицкаго монастыря. Черезъ шесть лѣтъ, лишившись жены, постригся въ монахи въ томъ же Богородицкомъ монастырѣ, съ именемъ Діонисія.

Діонисій посвятилъ себя на служеніе Богу въ года еще молодые, въ года полнаго развитія силъ физическихъ. Про него пишутъ, что онъ въ это время былъ чрезвычайно красивъ, русая, окладистая борода его опускалась до пояса. При своихъ замѣчательныхъ физическихъ свойствахъ, онъ обладалъ не менѣе замѣчательными и талантами: прекрасно и съ чувствомъ пѣлъ, читалъ на богослуженіи, увлекательно говорилъ. Сохранился рассказъ о томъ, что какъ то Діонисію привелось быть въ Москвѣ и покупать книги въ книжномъ ряду. Одинъ изъ торгов-

цевъ, увидавъ красивое лице монаха, его замѣтный по стройности станъ, началъ трунить надъ нимъ и намебать, что такому красавцу монаху, вѣроятно, не легко воздерживаться отъ соблазновъ плоти.

Присутствовавшіе при этомъ другія лица высказали свое негодованіе на шутника торговца, но Діонисій очень привѣтливо обратился къ нему и сказалъ: «ты правъ, братъ, если бы я былъ дѣйствительно вполнѣ хорошии монахъ, то не шатался бы по торжищамъ, а сидѣлъ бы въ своей келіи. Прости меня грѣшнаго, Бога ради, въ моемъ безуміи.» Торговецъ-шутникъ, пристыженный словами Діонисія, началъ просить у него прощенія.

Поставленный въ томъ же самомъ монастырѣ Архимандритомъ, Діонисій неоднократно бывалъ въ Москвѣ, гдѣ вступилъ въ близкія отношенія съ Патриархомъ Гермогеномъ. Въ теченіи всей осады Москвы тушинцами онъ пробылъ въ ней безвыѣздно и вмѣстѣ съ съ Гермогеномъ увѣщевалъ народъ, требовавшій сведенія съ престола Царя Василія. Въ 1610 г. Діонисій былъ назначенъ троицкимъ Архимандритомъ, послѣ умершаго Архимандрита Юсафа. На этомъ то поприщѣ онъ и заявилъ себя какъ человѣкъ высокихъ христіанскихъ чувствъ и высокой гражданской доблести.

Троицкая лавра, во время принятія Діонисіемъ сана Архимандрита, представляла почти единственный оплотъ противъ безурядицы, созданной лихолѣтьемъ, единственный оплотъ противъ разнуздавшихся страстей, такъ рѣзко проявлявшихся въ дѣйствіяхъ поляковъ, казаковъ и русскихъ измѣнниковъ. Архимандритъ троицкой лавры этого времени долженъ

былъ, такъ сказать, руководить всѣми тѣми, которые еще не отреклись отъ отечества, хотѣли служить ему по мѣрѣ силъ и возможности. Онъ же обязанъ былъ заставить монастырскую братію служить народу, страдавшему отъ всѣхъ возможныхъ бѣдствій: города и села горѣли, жители были убиваемы, мучимы; грабители не щадили ни стараго, ни малаго, истребляли запасы, если были не въ силахъ захватывать съ собой всего награбленнаго имущества, то сжигали, бросали его въ воду, топтали въ грязь. Народъ изувѣченный, больной огромными толпами бѣжалъ къ Троицкой Лаврѣ, въ стѣнахъ которой надѣялся найти защиту отъ страшныхъ бѣдствій. Нѣкоторые изъ этихъ бѣглецовъ, говоритъ очевидецъ, были всѣ испечены огнемъ; у иныхъ вырваны на головѣ волосы; множество калѣкъ валялось по дорогамъ, у иныхъ были вырваны полосы на спинѣ, у другихъ отсѣчены руки и ноги, у кого были слѣды ожоговъ на тѣлѣ отъ раскаленныхъ камней.

Отъ множества мертвыхъ тѣлъ, валявшихся по дорогамъ, развелось въ огромномъ количествѣ дикіе звѣри: медвѣди, волки, лисицы, зайцы свободно бѣгали по городскимъ площадямъ, терзая трупы убитыхъ, а птицы вили гнѣзда въ человѣческихъ черенахъ.

Спасавшійся отъ разбойниковъ народъ прятался въ лѣсахъ, пещерахъ, болотахъ, выходя только ночью, чтобы добыть себѣ пищи или воды. Но и ночь не спасала отъ враговъ, разсыпавшихся по всѣмъ мѣстамъ, особенно близъ Москвы; зарево пожаровъ въ городахъ, селахъ и деревняхъ лишило возможности укрыться такъ, чтобы быть безопаснымъ отъ преслѣдованій.

Высоко-христіанская любовь Діонисія къ ближнимъ проявилась въ томъ, въ чемъ ей слѣдовало проявиться прежде всего: въ помощи всѣмъ упомянутымъ жертвамъ безурядицы. Архимандритъ посылалъ собирать ихъ по дорогамъ, привозить въ монастырь, гдѣ оказывали имъ помощь, какую только было возможно. Для приѣма страдальцевъ Діонисій приказалъ построить больницы, странноприемные дома, какъ въ самомъ монастырѣ, такъ и въ монастырскихъ селахъ (въ Служней и въ селѣ Клементьевѣ). Мужская половина монастырскаго населенія, монахи, всѣ здоровые жители монастырскіе исполняли тяжелыя работы; женщины мыли и шили бѣлье. Затѣмъ въ Лавру привозили огромное количество мертвыхъ, которыхъ и предавали христіанскому погребенію. «Я помню, говоритъ одинъ изъ участниковъ осады, Иванъ Ключарь, какъ въ одинъ день похоронили 860 чело-вѣкъ въ Клементьевѣ селѣ, кромѣ другихъ мѣсть, а по смѣтѣ, въ теченіи 30 недѣль погребли болѣе 3,000; случалось по 10 и 15 труповъ зарывали въ одну могилу.» Діонисій отдалъ на помощь и спасеніе страдальцевъ-согражданъ всю казну монастырскую. «Отъ осады большой Богъ избавилъ насъ, говорилъ онъ, а за лѣность и скупость можетъ хуже еще смирить. Видимъ всѣ, что Москва въ осадѣ, а литовскіе люди разыскались по землѣ; что у насъ ни есть хлѣба ржаного и пшеницы и квасовъ въ потребѣ,—все отдадимъ раненымъ людямъ, а сами будемъ ѣсть хлѣбъ овсяной; и безъ кваса, съ одной водой, не умремъ.»

Громкія слова и остались бы одними громкими словами, если бы Діонисій не оправдывалъ ихъ самыми дѣлами. Людей убѣждаетъ одно дѣло, одинъ примѣръ,

особенно многознаменательные въ тѣхъ случаяхъ, когда начальнику приходится вліять на подчиненныхъ, энергія которыхъ поддерживается исключительно дѣломъ и примѣромъ начальника. Діонисій стойко переносилъ всѣ лишения, сопряженные съ осадой; онъ былъ первымъ на работѣ, послѣднимъ на отдыхѣ; осматривалъ больныхъ, давалъ лѣкарства, причащалъ умирающихъ.

Въ это же время ему приходилось умиротворять жителей монастырскихъ, братію, среди которыхъ гнѣздились раздоры, строились козни. Но трудности и различныя бѣды только болѣе и болѣе укрѣпляли духъ Діонисія, отдавашаго всего себя служенію на благо ближняго, служенію отечеству.

Въ то самое время, когда вся его дѣятельность была отдана внутреннимъ монастырскимъ дѣламъ и помощи жертвамъ смуть, терзавшихъ Россію, въ это же самое время онъ, набравъ писцовъ, наблюдалъ за ними, чтобы они переписывали списки съ грамотъ, которыя онъ сочинялъ вмѣстѣ съ Келаремъ Аврааміемъ Палицынымъ и которыя неустанно разсылалъ съ гонцами по всѣмъ городамъ. Въ грамотахъ этихъ Діонисій возбуждалъ духъ ратныхъ людей, какъ равнымъ образомъ возбуждалъ духъ всѣхъ согражданъ, способныхъ ратовать за отечество, уговаривая ихъ, постоять за благочестіе и отечество крѣпко и мужественно и дружнымъ отпоромъ изгнать врага.

Одна изъ этихъ грамотъ подняла Ляпунова, который, какъ извѣстно, по кознямъ Поляковъ, кончилъ жизнь подъ казацкими саблями, не успѣвъ совершить ничего важнаго съ своимъ ополченіемъ. Послѣ смерти Ляпунова Діонисій, вмѣстѣ съ Келаремъ Аврааміемъ,

отъ 6 Октября 1511 года, отправилъ по разнымъ городамъ новую грамоту. Въ видахъ умиротворенія страстей, волновавшихъ ополченія, Діонисій въ этой грамотѣ не упоминаетъ ни однимъ словомъ объ убійствѣ Ляпунова и даже хвалитъ Князя Трубецкаго и Заруцкаго за то, что они стояли подъ Москвой противъ Поляковъ и русскихъ измѣнниковъ.

Видите, писали троицкія власти въ этой грамотѣ, что приходитъ намъ конечная погибель. Все раззорено, поругано, безчисленное множество народа въ городахъ и селахъ кончило жизнь подъ лютыми, горькими муками. Нѣтъ пощады ни сѣдинамъ многолѣтнихъ, ни сосущимъ молоко младенцамъ. Сжальтесь надъ нашею погибелью, чтобы и васъ самихъ не постигла лютая смерть. Бога ради, пусть весь народъ положить подвиги страданья, чтобы всѣмъ православнымъ людямъ быть въ соединеніи, а вы, служилые люди, поспѣшайте безъ малѣйшаго замедленія къ Москвѣ въ сходъ, къ боярамъ и воеводамъ и ко всему множеству христіанскаго народа. Сами знаете, что всякому дѣлу есть свое время, а безвременное начинаніе бываетъ суетно и бездѣльно. Если между вами есть и будетъ что нибудь неладное, Бога ради, отложите это до времени, чтобы намъ всѣмъ за одно положить свой подвигъ и пострадать для избавленія христіанской православной вѣры. Если мы прибѣгнемъ ко Прещедрому Богу и Пречистой Богородицѣ и ко всѣмъ святымъ и общаемся сообща сотворить нашъ подвигъ, то милостивый Владыко, Человѣколюбецъ отвратитъ праведный свой гнѣвъ и избавитъ насъ отъ лютой смерти и латинскаго порабощенія.—Изъ этой выписки читате-

ли могутъ заключить до какой степени просто и убѣдительно писали Діонисій и Авраамій Палицынъ. Безъ громкихъ фразъ, они прямо обращаются къ сердцамъ гражданъ, рѣзко и осязательно характеризуютъ плачевное положеніе отечества. Само собой разумѣется, что подобныя возванія должны были производить сильное впечатлѣніе на народъ. Ополченію Князя Пожарскаго Діонисій послалъ порохъ, свинець и снаряды. Видя медленность движенія Князя Пожарскаго къ Москвѣ, Діонисій безпрестанно посылаетъ къ нему гонцевъ—иноковъ умолять его спѣшить движеніемъ къ стольному городу. Наконецъ, когда до Діонисія дошли слухи, что въ Ярославлѣ, въ ополченіи происходятъ раздоры и безпорядки, то онъ послалъ туда Келаря Авраамія Палицына, своего сотрудника по составленію грамотъ, монаха очень умнаго, ловкаго, вполне способнаго вліять умиротворяющимъ образомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда расходятся страсти человѣческія. Авраамій въ своей лѣтописи о мятежахъ негодуетъ на Пожарскаго за его медленность и неспособность водворить въ войскѣ порядокъ.

Только 14 Августа ополченіе Пожарскаго подошло къ Троицѣ, гдѣ Діонисій служилъ молебень, окропилъ войско святою водою. Авраамій вмѣстѣ съ ополченіемъ отправился къ Москвѣ.

Въ послѣдствіи, подъ стѣнами самой Москвы, когда казаки отказывались драться съ Поляками, на томъ основаніи, что они давно не получали жалованья, Авраамій отправился къ Троицѣ и Архимандритъ Діонисій съ братіею, не имѣя денегъ, послали казакамъ, въ видѣ залога, драгоцѣнные сосуды церковные и ризы. Казаки устыдились взять то, что

принадлежало алтарю и дали блятву не полагать оружія, пока Москва не будетъ освобождена отъ враговъ. —

Съ окончаніемъ смуть кончилось и служеніе Діонисія отечеству, на поприщѣ, о которомъ мы говорили выше.

Началась другая его дѣятельность, не менѣе достохвальная и полезная для общества, хотя и принесшая ему одни лишь страданія вмѣсто благодарности согражданъ. Прежде всего новое правительство Михаила Феодоровича хотѣло возстановить все то, что существовало до смутнаго времени, но перестало существовать въ слѣдствіе терзавшихъ Россію смуть. Къ числу такихъ учрежденій принадлежалъ печатный Дворъ (типографія). Дѣло возстановленія печатнаго Двора и печатаніе требника было поручено Діонисію, въ помощь которому Царь повелѣлъ дать двухъ монаховъ Троицкаго монастыря Арсенія и Антонія и попа Ивана. Лица эти были избраны Царемъ потому, что имъ извѣстно было книжное ученіе, грамматика и риторика. — Діонисій, разсмотрѣвъ внимательно напечатанный прежде Потребникъ (требникъ) и старыя рукописи, пришелъ къ убѣжденію, что въ нихъ вкралось много ошибокъ, искажавшихъ смыслъ и даже имѣвшихъ смыслъ смѣшенія лицъ Св. Троицы Савеліанской ереси. Въ молитвѣ, читаемой при водосвятии «Пріиди, Господи, и освяти воду сію Духомъ Твоимъ Святымъ» прибавлено «и огнемъ». Прибавка «и огнемъ» до сей поры признается нѣкоторыми толками раскольниковъ, какъ и многія другія безсмысленныя прибавки.

Діонисій выбросилъ эту прибавку изъ новопеча-

тамаго требника. Затѣмъ, будучи человѣкомъ не одной виѣшной религіи, составлявшей для большинства вѣрующихъ того времени рѣшительно—все, а и человѣкомъ религіи внутренней, онъ ввелъ чтеніе бесѣдъ евангельскихъ и апостольскихъ, нѣкогда переведенныхъ Максимомъ Грекомъ. Діонисій приказалъ ихъ списывать и разсылать по различнымъ городамъ. Всѣ эти новшества подняли цѣлую бурю противъ него, ибо невѣжество нивакъ не могло помириться съ мыслию, что не только позволительно, но и должно внутренней смелости религіи давать перевѣсъ предъ обрядностью и виѣшностью. Въ этомъ случаѣ враги Діонисія выступили противъ него не потому, что онъ былъ личный врагъ ихъ, а потому только, что онъ являлся преобразователемъ въ преданіяхъ и вѣрованіяхъ, на которыхъ выросла и воспиталась вся древняя Русь.

Первыми застрѣльщиками въ этой войнѣ съ Діонисіемъ явились и монахи Троицкаго монастыря голосовщикъ (регентъ) Логинъ и уставщикъ Филаретъ. Они подняли братію противъ нововведеній Діонисія и говорили съ дерзостью послѣдному: «не твое это дѣло читать и пѣть; стоялъ бы ты, Архимандритъ, съ твоимъ мотовиломъ на клиросѣ, какъ болванъ нѣмой». Подобная дерзость совершенно понятна въ людяхъ невѣжественныхъ, которые тѣмъ болѣе дѣлаются дерзкими, чѣмъ съ болѣе кроткими и благородными людьми имѣютъ дѣло, а Діонисій именно принадлежалъ къ людямъ въ высшей степени нѣжнымъ, деликатнымъ по природѣ; христіанская кротость составляла отличительное душевное свойство его, Безъ всякаго сомнѣнія, подобный отпоръ нахальству только раздра-

жасть нахаловъ, которые гораздо менѣ раздражаются, если на свою грубость встрѣчаютъ и отпоръ грубый. Для Логина и Филарета хитрость грамматическая и философія было еретичествомъ; они, опираясь на слово Писанія, что человекъ созданъ по образу и подобію Божию, утверждали, что Богъ имѣетъ члены человѣческаго тѣла.

Діонисій кратко обличалъ ихъ невѣжество и говорилъ: что толку, что ты поешь и читаешь самъ, не разумѣя того, что произносишь? Видишь ли Апостоль Павелъ говоритъ: воспою языкомъ, восхваляю же умомъ. Апостоль же Павелъ говоритъ: если не знаю силы слова, то какая изъ того польза? Быхъ яко кимваль, т. е. бубень, колоколь. «Наглость враговъ Діонисія дошла до такой степени, что однажды Логинъ вырвалъ у него въ церкви книгу изъ рукъ и изломалъ его жезлъ. Безъ всякаго сомнѣнія, вся эта вражда безумныхъ монаховъ къ Архимандриту должна была кончиться тѣмъ, чѣмъ обыкновенно въ то время кончались всѣ столкновения между людьми различныхъ мнѣній, т. е. доносомъ, который Логинъ и Филаретъ и подали въ Москву на Діонисія. Въ этомъ доносѣ они обвиняли послѣдняго въ ереси за то, что онъ выбросилъ изъ Требника слово «и огнемъ». Къ большому несчастію Діонисія, въ описываемое время главнымъ духовнымъ сановникомъ въ Москвѣ, за не избраніемъ Патріарха, былъ Крутицкій Митрополитъ Іона, человекъ грубый и корыстолюбивый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, настолько же невѣжественный, какъ монахи Логинъ и Филаретъ.

Не долго размышляя, Іона рѣшилъ, что Діонисій

еретикъ, въ чемъ успѣлъ убѣдить и мать Царя, инокиню Марю Ивановну.

Призванный въ Москву къ отвѣту, Діонисій стойко защищалъ свои взгляды, но все было напрасно: онъ былъ признанъ еретикомъ и приговоренъ къ пени 500 рублей. Но у него не было денегъ, которыя онъ все истратилъ на дѣло спасенія отечества. Тогда прибѣгли къ провежу, который совершился на патриаршемъ дворѣ. Его заковали, всячески глумились надъ нимъ: плевали на него, били, словами изливали всю злобу, какая только возможна у людей мелкихъ и ничтожныхъ. Діонисій на все глумленія и оскорбленія отвѣчалъ очень кротко, даже смѣясь: «Денегъ нѣтъ, — да и давать не за что. Эка бѣда, что разстричь хотятъ! Это значитъ не разстричь, а достричь. Грозятъ мнѣ Сибирью, Соловками. Я не боюсь этого. Я тому и радъ. Это мнѣ и жизнь».

Пошелъ по Москвѣ слухъ, что явились такіе еретики, которые хотятъ огонь извести изъ міра, въ слѣдствіе чего на Діонисія по преимуществу озлобились все тѣ мастеровые люди, промыселъ которыхъ основанъ на огнѣ, какъ то: кузнецы, повара и проч. Они бросали въ него камнями, грязью, когда вели его на провежъ. Безъ сомнѣнія, находились и такіе, которые невольно преклонялись предъ нравственной силой невиннаго страдальца предъ той нравственной силой, которая безъ спроса покоряетъ сердца честныхъ людей! Они, видя страданія Діонисія, говорили ему: ахъ, какая надъ тобою бѣда, отче Діонисій! Это не бѣда, отвѣчалъ имъ Діонисій, это притча надъ бѣдою. Это милость ко мнѣ явилась: госпо-

динь мой первосвященный Митрополитъ Іона паче всѣхъ человѣкъ творить мнѣ добро».

Такъ какъ провежемъ не добились отъ Діонисія уплаты пени, то его положили отправить въ заточеніе въ Корилло-Бѣлозерскій монастырь, по велѣдствіе того, что въ это время Москва была окружена непріателемъ, т. е. Поляками и русскими измѣнниками, принадлежавшими къ сторонникамъ Владислава, Діонисій былъ заключенъ на покаяніе въ Москвѣ, въ Новоспасскій монастырь.

Къ счастью Діонисія, вскорѣ измѣнились обстоятельства и событія приняли другой, благопріятный для него ходъ: послѣ заключенія перемирія въ Деулинѣ, возвратился изъ плѣна Митрополитъ Филаретъ, отецъ Царя. Будучи посвященъ Іерусалимскимъ Патріархомъ Теофаномъ въ санъ Патріарха Московскаго, онъ немедленно приступилъ вмѣстѣ съ Теофаномъ къ разсмотрѣнію дѣла Діонисія, котораго хорошо зналъ прежде. Патріархъ Теофанъ объявилъ, что Діонисій страдалъ невинно, что въ греческихъ книгахъ дѣйствительно слова «и огнемъ» нѣтъ. Для православныхъ того времени мнѣніе греческаго Патріарха было неприложно истиннымъ.

Вслѣдствіи такого рѣшенія Діонисій былъ возвращенъ въ Троицкій монастырь съ честью.

Человѣкъ, твердыхъ убѣжденій тѣмъ и познается, что никакія лишенія, бѣды не могутъ заставить его отказаться отъ высокаго нравственнаго наслажденія поступать согласно убѣжденіямъ. Таковъ былъ и Діонисій. Видя не согласную съ ученіемъ христіанскимъ жизнь монаховъ, ихъ корыстолюбіе, грубость нравовъ; онъ хотя кротко, ибо кротость составляла

существенный признакъ его природы, но обличалъ и увѣщевалъ тѣхъ изъ братій, которые были далеки отъ идеала монаха, идеала созданнаго подвижниками подобными Діонисію. Но дѣло въ томъ, что грубость монаховъ, примѣръ которой мы видѣли въ лицѣ Филарета и Логина, нельзя было прошибать кротостью, ибо послѣдняя только возвышала на нѣсколько градусовъ ихъ наглость и злобу. Діонисій обыкновенно обращался къ братіи въ такихъ выраженіяхъ: «Сдѣлай это, если хочешь, братъ!» Монахъ, выслушавъ приказаніе, выраженное въ подобной формѣ, обыкновенно говорилъ: «Архимандритъ отдадь на мою волю: хочу дѣлаю, хочу не дѣлаю».

Возникла у Діонисія непріятность и съ самимъ Филаретомъ по интригамъ какого то эконома, который желалъ промѣнять свою лѣсную пустопорожную землю на монастырскую вотчину. Вотчину эту онъ назвалъ въ своей просьбѣ не заселенной, между тѣмъ, какъ она была заселена. Діонисій, зная, что экономъ обманулъ Филарета, выдавъ вотчину за незаселенную, хотѣлъ открыть обманъ, не желая, чтобы экономъ вмѣстѣ съ вотчиной, пріобрѣлъ власть и надъ крестьянами, жившими на монастырской землѣ. Экономъ, испугавшись открытія обмана, умолялъ Діонисія не начинать дѣла; но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ отомщеніе Діонисію окольными путями успѣлъ довести до Филарета будто бы ходящій въ народѣ слухъ, что Діонисій помышляетъ о патриаршемъ санѣ. Филаретъ призвалъ послѣдняго въ Москву, держалъ 3 дня въ тюрьмѣ и потомъ отпустилъ.

Христіанское смиреніе Діонисія, его кротость, достойная лучшихъ людей и лучшаго времени, чѣмъ

были люди и время, среди которыхъ онъ жилъ, только разжигали страсти и злобу противъ него низкихъ душевными качествами его враговъ: такъ, тотъ же экономъ однажды ударилъ Діонисія по щекамъ при всей братіи. Слухъ о подобныхъ оскорбленіяхъ, безъ всякой жалобы со стороны Діонисія, встаетъ, наконецъ, дошелъ до Царя, который повелѣлъ сдѣлать обыскъ, т. е. произвести слѣдствіе о грубомъ поступкѣ упомянутаго эконома, но, великодушный, исполненный снисхожденія къ своимъ врагамъ, Діонисій, не желая, чтобы изъ-за него кто либо страдалъ, самъ покрылъ виновнаго.

Діонисій скончался въ 1633 г. Тѣло его, по приказанію Патріарха, было доставлено въ Москву, гдѣ Филаретъ самъ совершилъ обрядъ отпѣванія и затѣмъ приказалъ похоронить прахъ Діонисія въ Троицкой Лаврѣ, что было совершено Мая 10.

Вотъ въ братскихъ чертахъ жизнь этого замѣчательнаго христіанскаго подвижника и доблестнаго гражданина. Вся жизнь его была отдана служенію общественному, служенію самому безкорыстному. Многіе ли изъ людей могутъ похвалиться подобною жизнію? Забыть себя, свои интересы, отвергнуть житейскія блага, столь соблазнительныя и столь много цѣнимыя на землѣ, повѣрьте, друзья мои, не легко, повѣрьте, что на такой подвигъ способны лишь высокоправственныя и чистыя души.

Побѣда надъ своими животными стремленіями, страстями, безъ сомнѣнія, есть конечная цѣль нашего духовнаго самоусовершенствованія, величайшая побѣда, предъ которой, остается лишь склонить голову. Силу для подобной побѣды надъ самимъ собою можетъ дать лишь одно глубокое проникновеніе духомъ христіанскаго

ученія, столь осязательно проявлявшася во многихъ нашихъ подвижникахъ, посвящавшихъ себя на служеніе Богу и человѣчеству. Діонисій, такъ кротко относившійся къ грубымъ проявленіямъ невѣжества своихъ враговъ, своею кротостью по отношенію къ нимъ, выражалъ лишь то своеубѣжденіе, что въ его глазахъ отдѣльныя личности не виновны, ибо они не болѣе не менѣе, какъ дѣти своего вѣка, какъ порожденіе невѣжественнаго времени, что было бы недостойно христіанина съ просвѣщеннымъ умомъ противъ грубости и невѣжества ратовать грубостью и невѣжествомъ. Повторяемъ: можетъ быть многіе въ силахъ понять такую истину, но дѣло въ томъ, что многіе ли изъ людей способны упомянутое убѣжденіе на самомъ дѣлѣ, при столкновеніяхъ съ людьми, поставить выше оскорбляемаго самолюбія и всяческихъ униженій?

Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.

Немного въ нашей исторіи такихъ свѣтлыхъ личностей, безукоризненно чистыхъ, какъ Князь Скопинъ-Шуйскій. Онъ оставилъ міръ въ года юношескіе, слѣдовательно въ то время, когда житейскій опытъ, не рѣдко заставляющій человѣка соприкоснуться со многими нечистымъ, нравственно растлевающимъ не коснулся его души, оставилъ міръ въ тѣ года, когда человѣкъ даже не надѣленный отъ природы какими бы то ни было особенными доблестями, все-таки бываетъ самымъ честнымъ, самымъ хорошимъ человѣкомъ, за весьма рѣдкими исключеніями, и если дѣлается безнравственнымъ, то послѣ, въ года зрѣлые, когда, повторяемъ, всяческая земная грязь успѣла ока-

затѣ на немъ свое губительное вліяніе. Трудно, конечно, произносить судъ надъ душой человѣческой и мы не въ силахъ сказать безусловно положительно, что жизнь со всеѣми своимн тревоженіями, соблазнами, со всеѣмъ зломъ, которое идетъ въ ней перѣдко рука объ руку съ добромъ, не наложили бы пятна на личность Князя Скопина, но такъ какъ мы имѣемъ въ виду его короткую, ничѣмъ не запятнанную жизнь, такъ какъ исторія можетъ произносить судъ о томъ, что было, а не о томъ, что могло бы быть, то мы и говоримъ, что личность Князя Скопина есть одна изъ самыхъ свѣтлыхъ въ нашей исторіи, на которой историкъ останавливается съ особенной любовью.

На Руси въ старину перѣдко бывало, что кто-нибудь изъ членовъ рода получалъ прозвище, которое и прибавлялось къ родовой фамиліи, въ слѣдствіи чего и являлась новая отрасль одного и того же рода, но съ особымъ прозвищемъ. Въ числѣ подобныхъ двойныхъ фамилій встрѣчаются: князя Оболенскіе Стриги, Лыки, Овчины, князя Горбатые Шуйскіе и многія другія. Въ народѣ подобныя прозванія извѣстны подѣ именемъ уличныхъ. Иногда уличное названіе совершенно вытѣсняетъ первоначальную фамилію, т. е. сохраняется одно уличное; иногда же уличное присоединяется къ родовой фамиліи и составляетъ двойную фамилію. Всѣ такія прозванія даются или по какимъ бы то ни было душевнымъ свойствамъ извѣстнаго члена рода, свойствомъ особенно выдающимся въ его природѣ или по какимъ бы то ни было другимъ причинамъ. Такимъ же образомъ въ потомствѣ Князей Суздальскихъ одинъ изъ внязей Шуйскихъ получилъ прозваніе Скопы,*)

*) Скопа хищная птица изъ рода орловъ.

откуда и пошли Князя Скопины-Шуйскіе, о потомкѣ которыхъ Михаилъ Васильевичъ мы и намѣрены бесѣдовать съ нашими читателями въ настоящей статьѣ.

Въ статьѣ о рожденіи Князя Михаила Васильевича, помѣщенной въ хронографѣ, принадлежавшемъ древле хранилищу Погодина, замѣчено: «родился убо сей великій воинъ и воевода Князь Михаилъ Васильевичъ Шуйскій въ лѣта 7095, т. е. 1595 г. и наречено бысть имя его на память Собора Св. Архангела Михаила мѣсяца ноября въ 8 день.» Михаилъ Васильевичъ Скопинъ рано, а именно на 8 году, лишился отца, но мать позаботилась о его воспитаніи. Послѣ 7 лѣтъ, по обычаю того времени, его начали учить грамотѣ. Біографъ Скопина хвалить быстроту его разума, благодаря чему, ученіе далось ему легко. Вскорѣ послѣ того онъ былъ зачисленъ въ царскіе жильцы. Жильцами назывались отборные изъ дѣтей боярскихъ. Съ Царевичемъ Дмитріемъ въ Угличѣ забавлялись маленькіе ребята жильцы.» Замѣтка біографа Скопина объ его обученіи имѣетъ нѣкоторое значеніе, такъ какъ въ то время было не мало князей и бояръ, которые, по неграмотности, не могли подписать своихъ именъ. Біографъ Скопина хвалитъ его за то, что онъ на службѣ не гордился предъ низшими, отличался многолѣтнимъ разумомъ, не хвалился своимъ происхожденіемъ, не клеветалъ на своихъ товарищей, но былъ тихъ и скромнъ.—Подобныя душевныя свойства Скопина заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія, что онъ отличался ими во время Годуновскаго правленія, когда посредствомъ клеветы и интригъ можно было легко выслужиться, т. е. когда на несчастіи другихъ можно было основать свое счастье.

Во время царствованія Дмитрія Самозванца Князю Скопину-Шуйскому было не болѣе 20 лѣтъ отъ роду.

Самозванецъ на столько полюбилъ юношу Скопина, что, далъ ему важный чинъ своего царскаго Мечника и вмѣстѣ съ тѣмъ оказалъ и другое большое довѣріе, поручивъ ему привезти въ Москву Царицу Марфу. Расположеніе Самозванца къ Князю Михаилу Васильевичу Скопину ни малѣйшимъ образомъ не повредило ему въ глазахъ Василія Шуйскаго, когда послѣдній сдѣлался Царемъ. Нѣтъ никакихъ историческихъ указаній на то, принималъ ли Князь Скопинъ участіе въ заговорѣ Шуйскаго, и если принималъ, то какъ великое было это участіе, по извѣстному только, что Дмитрій во время нападенія заговорщиковъ не нашелъ своего меча, который хранился у Князя Михаила.

Когда холопъ Болотниковъ, вставшій во главѣ холопей и различныхъ бездомныхъ бродягъ, ратовавшихъ противъ знатныхъ и состоятельныхъ людей, когда Болотниковъ, провозгласившій истребленіе бояръ, ихъ семействъ, грабежъ боярскаго имущества, грозилъ съ своими шайками Москвѣ, то Царь Василій послалъ уговаривать его отстать отъ Тушинскаго вора, за что и обѣщаль ему знатный чинъ. Болотниковъ не прельстился знатнымъ чиномъ и отвѣчалъ: «Я далъ душу свою Дмитрію и сдержу клятву, буду въ Москвѣ не измѣнникомъ, а по бѣдителемъ.» Тогда Василій поручилъ Скопину идти на Болотникова.

Князь Михаилъ свелъ полки у Данилова монастыря, а 2 декабря ударилъ на Коломенское село и разбилъ Болотникова, который бѣжалъ къ Серпухову.

Царь Василій, какъ человѣкъ въ высшей степени подозрительный, такъ сказать, вскормленный на интригахъ и

обманахъ, никогда не знавшій праваго пути, долго не рѣшался поручить войско своему юному племяннику, хотя послѣдній и успѣлъ заявить свои воинскія способности, но поручилъ главное начальство надъ войскомъ бездарному брату Дмитрію, который постыдно бѣжалъ и своею трусостью сдѣлалъ то, что Самозванецъ подступилъ къ самой Москвѣ. Царь Василій только тогда рѣшился вручить судьбу свою и царства Князю Михаилу, когда гибель царства и его казались неизбѣжной, когда онъ убѣдился, что необходимо принять помощь Шведовъ, давно предлагавшихъ ему свои услуги. Для переговоровъ объ этой помощи Василій отправилъ въ Новгородъ Князя Михаила, который долженъ былъ разстаться съ молодой женой, Александрой Васильевной, урожденной Головиной, вступившей въ бракъ со Скопнымъ не болѣе 3-хъ мѣсяцевъ до отправки послѣдняго для переговоровъ со Шведами. Въ Новгородѣ, откуда надобно было начать упомянутые переговоры, приняли Скопина съ честію, ибо Новгородцы всегда питали расположеніе къ роду князей Шуйскихъ. На Скопина была возложена въ высшей степени важная обязанность: надобно было добиться помощи Шведовъ, но, разумѣется, при этомъ слѣдовало повести дѣло такимъ образомъ, чтобы сохранить, на сколько возможно, интересы Россіи, т. е. чтобы не купить шведскую помощь слишкомъ дорогою цѣной. Мы увидимъ, что Скопинъ исполнилъ это дѣло очень умно. Дай Богъ, чтобы такъ могъ исполнить не 20-ти лѣтній юноша, а человѣкъ пожившій на свѣтѣ и знающій людей, и свойства человеческой природы. Заключение условій съ Швеціею служить лучшимъ доказательствомъ того, что юноша Князь выдавался не одними воински-

ми способностями, но и зрѣлымъ не по лѣтамъ умомъ, опытностью, которую трудно было бы предполагать въ 20-ти лѣтнемъ юношѣ.

Скопинъ отправилъ изъ Новгорода въ Швецію своего шурина Семена Васильевича Головина, давъ ему надлежащія наставленія. Пробывъ въ Новгородѣ непродолжительное время и убѣдившись, что начавшееся волненіе въ народѣ, можетъ кончиться провозглашеніемъ Царемъ Самозванца, Князь Скопинъ рѣшился оставить Новгородъ съ своимъ не большимъ войскомъ. Но и въ окрестностяхъ Новгорода дѣла были не въ лучшемъ положеніи: пограничные города Иванъ-городъ и Орѣшекъ стояли за Дмитрія. Скопинъ началъ подумывать о томъ, чтобы уйти въ Швецію, гдѣ надѣялся сбересть послѣднія ввѣренныя ему войска; но вдругъ изъ Новгорода явились къ нему старосты и просили воротиться въ городъ, обѣщая вѣрность Царю Василию. На Новгородцевъ повліялъ въ этомъ случаѣ ихъ Митрополитъ Исидоръ. Скопинъ исполнилъ желаніе старостъ и вернулся въ Новгородъ, гдѣ, между прочимъ, получилъ извѣстіе, что на Новгородъ идетъ изъ Тушина Полковникъ Кернозицкій съ поляками и русскими ворами. Противъ него вызвался идти новгородскій воевода Михаилъ Игнатьевичъ Татищевъ, человѣкъ имѣвшій много враговъ, которые, явившись къ Скопину, сказали, что Татищевъ пожелалъ выступить противъ Литвы съ цѣлью измѣнить Василию. По какимъ побужденіямъ Князь Михаилъ не произвелъ вполнѣ безпристрастнаго слѣдствія, сказать не возможно; но онъ, выслушавъ обвиненіе, отдалъ все дѣло на судъ новгородцевъ, сказавъ: «вотъ что мнѣ говорили противъ Михаила Татищева, разсудите сами.»

Враги послѣдняго подняли страшный крикъ. Крикъ этотъ увлекъ другихъ и толпа, разсвирѣпѣвъ, бросилась на Татищева, не выслушавъ его оправданій и умертвила несчастнаго. Имѣнне Татищева Скопинъ велѣлъ, согласно старинному новгородскому обычаю, продать съ публичнаго торга. Повторяемъ: остается не разгаданнымъ подобный поступокъ Князя Михаила. Можно только предположить, что онъ не хотѣлъ раздражать страстей, зная о плохой вѣрности новгородцевъ Царю Василію; хотѣлъ, такъ сказать, сдѣлать угодное новгородцамъ, отдавъ, по старымъ ихъ обычаямъ, все дѣло на народный судъ.

Безъ сомнѣнія, Скопинъ не думалъ, не гадалъ о подобномъ плачевномъ исходѣ; не могъ предполагать, что дѣло порѣшится безъ суда; не могъ, такъ сказать, завѣдомо отдать Татищева на убійство. Подобная низость никакъ не согласуется съ благородною личностью Князя Скопина Шуйскаго, тѣмъ болѣе, что трудно заподозрить въ измѣнѣ Татищева, который былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ убійства Самозванца, который неоднократно крупно разговаривалъ съ Поляками во время различныхъ переговоровъ о мирѣ, который бранился съ Самозванцемъ за телятину, убилъ Басманова во время возстанія противъ названнаго Царя. Повторяемъ трудно предполагать, чтобы такой человекъ рѣшился передаться Тушинскому вору. Всего вѣроятнѣе, что Татищевъ нажилъ себѣ не мало враговъ своимъ рѣшительнымъ, крутымъ характеромъ, каковой характеръ всего лучше выясняется изъ перебранокъ съ Поляками, въ спорахъ съ которыми онъ велъ себя рѣзко. Въ противномъ случаѣ выдачу Татищева на судъ толпы можно только объяснить тѣмъ,

что Скопинъ не сомнѣвался въ его измѣнѣ, хотя исторія и не сохранила никакихъ ясныхъ доказательствъ этой измѣны.— Въ Новомъ Лѣт. сказано прямо, но голословно, что Скопину сообщили, что Михайло Татищевъ просится у него не для послуги, но хочетъ измѣнить и Новгородъ сдати.

Кернозицкій, о которомъ мы упомянули выше, подступилъ къ Хутынскому монастырю. Противъ него выступили собравшіеся крестьяне. Нѣкоторые изъ нихъ подъ пытками показали, что въ Новгородъ идетъ сильное войско. Кернозицкій испугался и отступилъ въ Старую Руссу (нынѣ уѣздный городъ Новгородской губерніи).

Между тѣмъ, Головинъ заключилъ съ Швеціею договоръ, по которому послѣдняя обязывалась доставить Московскому государству 5.000 войска, за что Московское государство должно было уплатить 32.000 руб. кромѣ того должно было выдать Швеціи 5.000 руб. не въ зачетъ. Затѣмъ, уступало Швеціи Корелу, со всѣмъ ея уѣздомъ.

Изъ числа многихъ подробностей, входившихъ въ этотъ договоръ, обратимъ вниманіе на слѣдующее условіе: Шведы, будучи въ Московскомъ государствѣ, не жгли и не раззоряли, надъ иконами не ругались бы, крестьянъ не били и въ плѣнъ не брали. Если Шведы возьмутъ въ плѣнъ русскихъ измѣнниковъ, то не должны убивать ихъ, а давать на окупъ. Литовскихъ же людей вольны бить и вести въ свою землю.

Изъ этихъ условій видно, что русскіе по горькому опыту узнали, до какой степени были велики

убійства, грабежи, сопровождавшіе походы Поляковъ и Русскихъ измѣнниковъ.

Шведское войско, хотя и не совсѣмъ въ полномъ составѣ, прибыло, согласно условію, къ Скопину, подъ начальствомъ Якова Пантуса Делагарди, сына французскаго выходца, реформата. Делагарди было только 27 лѣтъ. Молодость всегда привлекательна, слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, что народъ любовался обоими военачальниками. Иноземцы, описывая Скопина, говорятъ, что онъ былъ необыкновенно красивъ, статенъ, отличался умомъ и тѣми душевными свойствами, которыя влекли къ нему сердца всѣхъ. Подъ этими душевными свойствами, конечно, и должно понимать особенную душевную мягкость, всегда симпатичную людямъ, немислимую безъ многихъ другихъ душевныхъ доблестей.

Равнымъ образомъ совершенно понятной является для насъ и дружба, завязавшаяся между двумя юными предводителями, ибо юность скоро подается на дружескія чувства, ищетъ симпатіи и привѣта.

Скопинъ благодарилъ Шведскаго короля за помощь, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ скрыть отъ Делагарди плачевное положеніе дѣлъ Царя Василя. Онъ говорилъ Шведскому предводителю: «Нашъ Великій Государь находится въ благополучіи и всѣ подданные ему прямятъ: есть какихъ нибудь тысячъ восемь Русскихъ бездѣльниковъ, которые пристали къ Полякамъ и Казакамъ.» Уплативъ Шведамъ деньги, слѣдовавшія имъ не въ зачетъ, онъ изъ суммы, назначенной на жалованье войску, уплатилъ только 3.000 рублей, да и то соболями, ибо звонкой монеты не было. Плохія денежныя обстоятельства побудили его разослать гра-

моты въ сѣверо-восточные города, менѣе другихъ разоренные, въ которыхъ умолялъ доставлять ему деньги ратныхъ людей.

Между тѣмъ, Царь Василій писалъ къ племяннику: «И тебѣ бы, боярину нашему, никакъ своимъ походомъ не мѣшкати, намъ и всему нашему государству помощь на воровъ подать вскорѣ. — И только Божіею милостью и твоимъ промысломъ и радѣньемъ, государство отъ воровъ и отъ литовскихъ людей освободится. Литовскіе люди твоего прихода ужаснутся и изъ нашей земли выйдутъ или, по Божіей милости, побѣду надъ собою увидятъ: то ты великой милости отъ Бога, чести и похвалы отъ насъ и отъ всѣхъ людей нашего государства сподобишься; всѣхъ людей великою радостью исполнишь и слава дородства твоего въ нашемъ и окрестныхъ государствахъ будетъ памятна и мы на тебя надежны, какъ на свою душу.»

Первое столкновение соединеннаго русскаго войска, въ лицѣ отдѣльнаго отряда, съ врагами произошло подъ селомъ Кашенкою, гдѣ Кернозицкій былъ разбитъ на голову Горномъ и Чулковымъ. Побѣдители взяли у него пушки, лошадей, захватили также множество плѣнниковъ.

Молва объ этой первой побѣдѣ сдѣлала то, что города Торонецъ (нынѣ Псковской губерніи), Невель (Витебской губерніи), Холмъ, Великіе Луки (Псковской губерніи) и другіе отступили отъ вора. Многіе города присылали повинную и заявляли, что признаютъ Царемъ Василія. Псковъ держался за вора, ибо здѣсь происходила исконная вражда вѣчевыхъ городовъ между большими и меньшими людьми: большіе стояли

за Василю, меньшіе за вора. Въ данное время взяла перевѣсъ партія меньшихъ.

Скопинъ и Делагарди, выступивъ вмѣстѣ изъ Новгорода, пошли отдѣльно. Къ досадѣ перваго, Делагарди шель очень медленно.

Противъ нихъ воръ отправилъ Зборовскаго съ Поляками и князя Шаховскаго съ русскими измѣнниками, которые, разоривъ Старицу, заперлись въ Твери. Скопинъ и Делагарди напали на Тверь. Сначала дѣло было неудачно для соединеннаго войска, но потомъ оно успѣло таки выгнать непріятеля изъ Твери, погналось за нимъ и разбило на голову.

Послѣ этой побѣды Скопинъ направился было прямо къ Москвѣ, но иноземное войско заявило, что не хочетъ идти далѣе, на томъ основаніи, что вмѣсто платы за 4 мѣсяца, уплатили только за два, что Русскіе не очищаютъ Корелы, хотя время очищенія Корелы давно уже прошло.

Скопинъ, пославъ уговаривать Делагарди не оставлять русскаго войска, самъ перешель Волгу подъ Городнею, чтобы вступить въ связь съ ополченіями сѣверныхъ городовъ и дошелъ до Калязина, (нынѣ Тверской губерніи), гдѣ и остановился. — Соединившись съ сѣвернымъ ополченіемъ, Скопинъ выпросилъ у Делагарди около тысячи челоуѣкъ иностранцевъ, бывшихъ подъ начальствомъ Христіерна Сомме. Сапѣга и Зборовскій выступили противъ Скопина, но послѣдній предупредилъ ихъ на рѣкѣ Жабнѣ, впадающей въ Волгу, поразилъ непріятеля и обратилъ въ бѣгство.

Изъ Калязина Скопинъ опять разослалъ грамоты съ просьбою присылать денегъ, ратныхъ людей. —

Монастыри Соловецкій, Спасо-Прилуцкій и другіе доставили ему деньги. Соловецкій монастырь въ два раза переслалъ въ Москву болѣе 17.000 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей и даже ложку серебряную. Получивъ деньги, Скопинъ прежде всего поспѣшилъ заплатить Шведамъ часть условленной платы и въ то же время отправилъ Чулкова сдать Шведамъ Корелу отъ имени Царя Василія. Вслѣдъ за уплатой денегъ къ русскому войску прибылъ и Делагарди съ своимъ войскомъ.

Не мало пожертвованій на дѣло спасенія Россіи вмѣстѣ съ упомянутыми монастырями принесъ и Петръ Семеновичъ Строгоновъ. Въ жалованной ему отъ Царя Василія грамотѣ говорится: «Строгоновъ противъ воровъ стоялъ крѣпко безъ всякаго позыбанья, ратныхъ многихъ людей на царскую службу противъ воровъ посылалъ, города отъ шатости укрѣплялъ, да у него же брались на Царя въ Москвѣ и по другимъ городамъ во сеуду большія деньги для раздачи служилымъ людемъ на жалованье. За такія его службы и радѣнье Царь его пожаловалъ, велѣлъ писать во всехъ грамотахъ съ вичемъ; онъ самъ, дѣти его, племянники, люди и крестьяне вездѣ освобождались отъ суда бояръ, воеводъ, дьяковъ и всякихъ приказныхъ людей, судить ихъ самъ Царь или кому прикажетъ и проч.»

Стоя въ Калязинѣ, Скопинъ занимался, при содѣйствіи шведскихъ начальниковъ, обученіемъ своего войска, незнакомаго съ дѣломъ ратнымъ.

Покончивъ это дѣло и вставъ опять въ дружескія отношенія съ Шведами, Князь Скопинъ двинулся отъ Калязина къ Александровской слободѣ. Здѣсь произо-

шла битва, въ которой военачальникъ Тушинскаго вора Рожинскій понесъ чувствительное поражение. Скопинъ порывался къ Москвѣ, но Делагарди удерживалъ его, доказывая, что не должно оставлять въ тылу непріятели, а нужно очистить сосѣднюю страну отъ воровъ. Скопинъ согласился съ этими представленіями и рѣшился прозимовать въ Александровской слободѣ.

Между тѣмъ Москва ждала его съ нетерпѣніемъ, особенно Царь, ибо Москва терпѣла голодь: покупали $\frac{1}{4}$ по 7 рублей. Волненіе въ народѣ было настолько сильно, что стали толковать о необходимости пристать къ вору. Всякое извѣстіе, доходившее до Москвы о томъ, что Скопинъ скоро прибудеть, производило необыкновенное волненіе въ народѣ: звонили въ колокола, пѣли молебны. Но озлобленіе народа не знало предѣловъ, когда слухъ оказывался ложнымъ.

Тушинцы старались всѣми силами помѣшать подвозу съѣстныхъ припасовъ въ Москву. Крестьянинъ Сильковъ, начальствуя надъ русскими ворами, перехватилъ коломенскую дорогу, по которой шли въ Москву запасы изъ земли Рязанской, свободной отъ Тушинцевъ.

Царь посылалъ противъ него воеводъ, но бесполезно: одного онъ разбилъ, а другой ничего не сдѣлалъ ворами. Тогда Василій отправилъ противъ Силькова Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, который и разбилъ воровъ на голову на Владимірской дорогѣ. Изъ большой шайки Силькова остались только 30 человекъ.

Изъ всего нами сказаннаго видно, что самыя событія, такъ сказать, выдвигали Скопина впередъ. Го-

лодь заставлялъ ждаты его прибытія съ нетерпѣніемъ тѣмъ болѣе, что до Москвы доходили вѣсти объ его удачныхъ дѣйствіяхъ противъ Поляковъ и воровъ. Къ Скопину, кромѣ всего означеннаго, влекла народъ его молодость, молва, дававшая ему имя храбраго воина и честнаго человѣка. Волей неволей думалось, что въ будущемъ, если бы Князь Михаилъ былъ Царемъ, для русской земли настали бы свѣтлые и покойные дни. Если не говорили объ этомъ вслухъ, то могли думать и, безъ сомнѣнія, думали. Въ противоположность свѣтлomu и прекрасному образу Скопина рисовался непривлекательный образъ сидѣвшаго на престолѣ старика, знаменитаго интригами, обманами, невзрачнаго (виѣшность въ подобныхъ обстоятельствахъ играетъ не малую роль), не успѣвшаго и не умѣвшаго приобрести искренняго расположенія даже всѣхъ тѣхъ, которые признавали его Царемъ. Къ одному народъ относился съ эпитетами яснаго сокола, къ другому съ эпитетами шубника. Народъ въ подобныя минуты не могъ соображать, что Скопинъ въ своей дѣятельности опирался на искусныхъ иноземныхъ ратниковъ; не могъ соображать, что молва о всякомъ человѣкѣ, находящемся на далекомъ отъ насъ разстояніи, должна подлежать большой критикѣ, ибо чѣмъ изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ приходитъ она, тѣмъ болѣе выростаеь, будетъ ли это молва добрая или худая—все равно. Дѣйствительно, не много найдется въ исторіи такихъ примѣровъ, когда обстоятельства сложились бы настолько выгодно для честолюбца, для искателя престола, какъ сложились эти обстоятельства по отношенію къ Князю Скопину-Шуйскому.

Ему оставалось только сдѣлать, такъ сказать, одинъ

нѣмой знакъ о желаніи занять престолъ и, конечно, онъ съ торжествомъ вошелъ бы въ Москву. Люди покойные, не привыкшіе отдаваться тѣмъ или другимъ порывамъ, могли въ глубинѣ своихъ душъ таить желаніе, чтобы Скопинъ былъ Царемъ, хотя по смерти бездѣтнаго Василя; но не все способны удерживать свои порывы, не все способны жертвовать въ данное время лучшими своими мечтами ради блага общественнаго, ибо, безъ сомнѣнія, возведеніе на престолъ Скопина, при царствованіи Василя, породили бы новыя смуты и кровопролитія, встрѣчаются и такія личности, которыя съ разу поддаются вліянію извѣстныхъ впечатлѣній, которыя не хотятъ ждать и слушать голоса разсудка, а хотятъ привести свои думы въ немедленное исполненіе. Къ числу такихъ личностей, способныхъ увлекаться всемъ добрымъ, честнымъ, но не способныхъ управлять собой и согласовать свои желанія и стремленія съ ходомъ событій, принадлежитъ и Ляпуновъ, о которомъ мы говорили уже въ нашей книгѣ. Скопинъ увлекъ его своею личностью, и Ляпуновъ, безъ дальнѣйшихъ размышленій о послѣдствіяхъ своего поступка, отправилъ къ нему посольство въ Александровскую слободу отъ всей Рязанской земли и писалъ, что вся русская земля хочетъ его избрать въ Цари, ибо кромѣ Михаила Васильевича нѣго не достоинъ сидѣть на русскомъ престолѣ. Скопинъ въ первую минуту разодралъ грамоту и велѣлъ схватить присланныхъ, но потомъ простилъ ихъ и отправилъ назадъ въ Рязань, оставя дѣло безъ дальнѣйшихъ послѣдствій и не донеся объ этомъ событіи въ Москву. Мы уже имѣли случай замѣтить, что враги Скопина ловко

воспользовались этимъ обстоятельствомъ и представили Василию, что если бы Скопинъ не имѣлъ намѣренія быть рано или поздно Царемъ, то, безъ сомнѣнiя, донесъ бы Царю о предложенiи Ляпунова, да и посланныхъ отъ него не отпустилъ бы безъ наказанiя и розыска, т. е. слѣдствiя. Съ этихъ поръ, прибавляетъ лѣтописецъ, Царь и его братiя начали держать миѣнiе на князя Скопина.

Всякiй, знакомый съ исторiею мiра, хорошо знаетъ сколько страницъ посвящаетъ она описанiю кровавыхъ усобицъ, порождавшихся различными честолюбцами. Иногда кровавыя распри, возникшiя изъ стремленiя какого-нибудь честолюбца завладѣть престоломъ, длятся цѣлые десятки, сотни лѣтъ. Вспомнимъ борьбу, совершающуюся въ настоящее время въ Испанiи, гдѣ льется кровь изъ-за претендентовъ на престоль, съ извѣстными промежутками съ 1830 годовъ.

Подобныхъ примѣровъ безъ конца. Престоль всегда былъ и, вѣроятно, будетъ предметомъ горячихъ думъ и стремленiй; власть всегда была есть и будетъ привлекательной. Власть прiятна даже въ небольшихъ размѣрахъ и она, безъ сомнѣнiя, составляетъ самую привлекательную сторону для всѣхъ тѣхъ, которые подвизаются на общественномъ поприщѣ.

Такимъ образомъ, для насъ вполне ясно обрисовывается значенiе отказа князя Скопина отъ предложенiя Ляпунова; обрисовывается это значенiе отказа особенно при томъ условiи, что Скопину стоило только сказать «да» и онъ безъ малѣйшихъ препятствiй дошелъ бы до Москвы, куда, разумѣется, могъ предварительно отправить своихъ приверженцевъ, которымъ рѣшительно не стоило бы ни малѣйшихъ усилiй

взволновать народъ, и безъ того озлобленный противъ Царя Василія и, какъ говорится, покончить съ послѣднимъ точно также, какъ Молчановъ и другіе покончили съ Ѳедоромъ Годуновымъ. Кто устоялъ предъ такимъ соблазномъ, предъ какимъ устоялъ Скопинъ, тотъ посылъ въ душѣ ерѣнкія, честныя убѣжденія, тотъ заслуживаетъ имени истиннаго сына отечества.

На князя Скопина какъ будто накидываетъ тѣнь то обстоятельство, что онъ не велѣлъ пытать, по принятому въ то время обычаю, пословъ и не донесъ объ ихъ предложеніи въ Москву, что онъ обязанъ былъ исполнить, какъ вѣрный подданный Царя. Но если мы внимательно разберемъ упомянутый поступокъ Князя Михаила, то убѣдимся, что онъ можетъ быть совершенно оправданъ съ точки зрѣнія нравственнаго чувства.

Само собой понятно, что какъ бы Скопинъ не смотрѣлъ на свои отношенія къ Царю Василію, но все таки прежде всего онъ былъ человѣкъ, и слѣдовательно все человѣческое было ему не чуждо. — Какъ подданный онъ долженъ былъ донести въ Москву о предложеніи Ляпунова и долженъ былъ захватить пословъ, но какъ человѣкъ, онъ сознавалъ, что тяжело подвергнуть всѣмъ печальнымъ послѣдствіямъ тѣхъ людей, которые питали такое горячее расположеніе къ нему. Для доброй и мягкой души Скопина было не легко выдать на казнь людей, торжественно заявившихъ, что онъ, т. е. Скопинъ, одинъ во всей Россіи достоинъ сидѣть на престолѣ.

Кромѣ того, Скопинъ понималъ; что ни доносъ въ Москву на Ляпунова, ни самая казнь пословъ ни ма-

лѣйшимъ образомъ, ни на крупицу не принесутъ пользы дѣлу Василю, а скорѣе повредятъ; ибо всеобщая не любовь къ Василю была ясна и не подлежала спору. Доносами и казнями Скопинъ только далъ бы еще большій толчекъ къ молвѣ о томъ, что Царемъ долженъ быть онъ, Скопинъ, а не Василій.

Нѣтъ, всякая малѣйшая тѣнь подозрѣнія относительно чистой и честной души Князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго должна быть снята съ него исторіею. — Душа человѣческая потемки, какъ говорить нашъ народъ, но мы судимъ по дѣламъ, которыя стоятъ на стражѣ чести Скопина. — Исторія не должна забывать и никогда не забудетъ его подвиговъ, какъ военачальника и его подвиговъ, какъ человѣка.

Скопинъ двинулся къ Москвѣ, Тушинскій станъ въ это время совершенно распался. Окрестныя мѣста Москвы очистились отъ воровъ, когда Скопинъ, 12 марта 1610 года, торжественно вступилъ въ Москву вмѣстѣ съ Деллагарди.

По приказу Царя знатные вельможи встрѣтили Князя Михаила у городскихъ воротъ, съ хлѣбомъ и солью. Но неофициальная встрѣча народа была гораздо торжественнѣе: народъ падалъ предъ Скопинымъ ницъ и благодарилъ со слезами, что очистилъ государство отъ воровъ и измѣнниковъ. Начались въ Москвѣ пиры. Всѣ наперевывъ угощали не только своихъ соотечественниковъ, пришедшихъ со Скопинымъ, но и Шведовъ. Скопинъ хотѣлъ остаться въ Москвѣ до просухи, чтобы потомъ двинуться къ Смоленску, противъ Сигизмуда.

Безъ сомнѣнія, искреннее сочувствіе, выказанное пародомъ Князю Михаилу, радость, порожденная его побѣдами надъ врагами, всё достоинства Скопина, столь сильно бросавшіяся въ глаза, все это не могло пройти не замѣченнымъ для Царя Василія. Трудно сказать положительно и рѣшительно, но по всемъ соображеніямъ, если взглянуть на дѣло съ простой практической точки зрѣнія, для Царя Василія Князь Скопинъ не могъ представлять какой бы то ни было опасности, ибо у Василія не было дѣтей, слѣдовательно для него являлось совершенно безразличнымъ наследуетъ ли послѣ него престолъ братъ или племянникъ. Напротивъ, какъ хитрый искусившійся въ различныхъ политическихъ и придворныхъ интригахъ человекъ; Василій долженъ былъ сознавать, что для него было выгоднѣе жить съ любимцемъ народнымъ въ мирѣ и согласіи. Страхиться Скопина могъ братъ Царя Князь Дмитрій Шуйскій, который имѣлъ основаніе разсчитывать, что, по смерти бездѣтнаго Василія, царскій престолъ сдѣлается его достояніемъ.

Говорятъ, что Дмитрій самымъ ревностнымъ образомъ шепталъ Царю объ опасностяхъ и бѣдахъ, причиною которыхъ могъ быть князь Скопинъ. Эти наплетыванія и навѣты, по разсказамъ современниковъ, до такой степени будто бы надоѣли Царю, что онъ однажды прогналъ отъ себя Дмитрія палкою. Говорятъ также, что Царь имѣлъ искреннее объясненіе съ племянникомъ, который вполнѣ доказалъ свою невинность и вмѣстѣ съ тѣмъ всю опасность вражды въ такое смутное время.

Вотъ данныя, на основаніи которыхъ представляется вѣроятнымъ, что Царь Василій былъ совершенно чуждъ

темному дѣлу, т. е. смерти Скопина, если только справедливо, что послѣдній умеръ отъ отравы, что подлежитъ большому сомнѣнію, ибо не имѣется никакихъ положительныхъ основаній, признать преступленіе, какъ фактъ совершенный.

Но народъ плохо вѣрилъ Василию. Народъ во время пребыванія Скопина въ Москвѣ толковалъ о враждѣ дяди съ племянникомъ, о томъ, что первый готовилъ послѣднему гибель. Толковали также о какомъ то пророчествѣ, что послѣ Василія сядетъ на престолѣ Михаилъ. Делагарди, связанный дружбой со Скопнымъ, знавшій о всѣхъ упомянутыхъ толкахъ, предостерегалъ князя Михаила и совѣтовалъ ему поскорѣе выбраться изъ Москвы въ поле, чтобы избѣжать бѣды.

23 Апрѣля Князь Михаилъ Васильевичъ на крестинахъ у князя Ивана Михайловича Воротынскаго занемогъ кровотеченіемъ изъ носа. Делагарди прислалъ къ нему своего медика, но все было напрасно: Князь Михаилъ скончался черезъ двѣ недѣли на рукахъ матери и жены. Когда тѣло его лежало готовое къ погребенію, то пріѣхалъ Делагарди, чтобы проститься съ покойникомъ. Бояре не хотѣли позволить неправославному отдать послѣдній долгъ, но шведскій военачальникъ сказалъ, что покойный князь былъ его другомъ и товарищемъ. Тогда его допустили къ тѣлу. Глядя на мертваго, Делагарди прослезился и произнесъ: «Московскіе люди! не только въ вашей Руси, но и въ земляхъ Государя моего не видать уже миѣ такого человѣка».

Въ народѣ пошелъ слухъ объ отравѣ, что отравленъ Князь Скопинъ былъ кумой крестной, змѣей подколо-

дной Княгиней Екатериной, женой Дмитрія Шуйскаго (дочь Малюты Скуратова), которая поднесла отраву въ чашѣ наперениваніи». Волненіе сдѣлалось на столько сильнымъ, что народъ хотѣлъ было разграбить домъ Дмитрія Шуйскаго; но войско, присланное Царемъ, не допустило до грабежа.

Нѣкоторые современники писатели, говорятъ, что Скопинъ былъ отравленъ Василиемъ; другіе указываютъ на Князя Дмитрія Шуйскаго, какъ на отравителя Князя Михаила.

Жолкѣвскій, жившій въ Москвѣ и имѣвшій полную возможность знать истину, говоритъ въ своихъ запискахъ, что Скопинъ умеръ отъ болѣзни и совершенно отвергаетъ обвиненіе въ отравѣ. — Псковскій лѣтописецъ пишетъ, что на Москвѣ говорили: испортила его тетка Княгиня Екатерина, жена Князя Дмитрія Шуйскаго, сестра Царевны Марьи Григорьевны Годуновой. а подлинно то единому Богу извѣстно».

Палицынъ говоритъ въ своей лѣтописи: Не знаешь, какъ сказать—Божій ли судъ его постигъ, или злыхъ людей умыселъ совершился. Одинъ Создавшій насъ знаетъ.

И намъ приходится сказать: а подлинно то Единому Богу извѣстно. Гробъ Скопина несли его ратные сподвижники. За ними слѣдовали вдовы, сестры и матери убитыхъ въ бою. Мать и жена Князя Михаила, едва живыя отъ горя, также шли за гробомъ. Царь Василій, идя за гробомъ, разливался въ слезахъ и вопилъ.

Князя Михаила Васильевича похоронили въ Архангельскомъ Соборѣ, посреди Царей и Великихъ Князей Московскаго Государства.

Народъ свою любовь къ Скопину выразилъ въ пѣснѣ, сохранившейся до настоящаго времени, назвавъ его яснымъ соколомъ, бѣлымъ кречетомъ, оберегателемъ міра крещенаго. Ходъ событій изложенъ въ пѣснѣ совершенно вѣрно исторіи; встрѣчаются лишь неизбѣжныя въ народныхъ произведеніяхъ, невѣрныя частности, ни малѣйшимъ образомъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить и прежде, не измѣняющія существа дѣла.—

Какъ-бы во сто двадцать седьмомъ году,
Въ седьмомъ году осьмой тысячи,
А и дѣялось, учинилося:
Кругомъ сильна царства Московскаго
Литва облегла во всѣ четыре стороны,
И съ нею сила, Сорочина долгополая,
И тѣ Черкесы Пятигорскіе,
Еще ли Калмыки съ Татарами,
Со Татарами, со Башкирцами,
Еще Чукша, со Люторами.
Какъ были припасы многіе,
А и царскіе и княженецкіе,
Боярскіе и дворянскіе;
А нельзя ни пройти, ни проѣхать,
Никому конному, ни пѣшему,
И ни соколомъ вонъ вылетѣти
Изъ сильна царства Московскаго
И великаго государства Россійскаго.
А Скопинъ князь Мвхайло Васильевичъ,
Онъ правитель царству Московскому,
Оберегатель міру крещеному
И всей нашей земли свѣто-Русскія,
Что ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
Какъ-бы бѣлой кречетъ вонъ выпархивалъ;

Выѣзжалъ воевода Московскій князь Скопинъ,
Князь Михайло Васильевичъ,
Онъ походы чинилъ ко Новгороду.
Какъ и будетъ Скопинъ во Новградѣ,
Приѣзжалъ онъ Скопинъ на съѣзжій дворъ,
Входилъ въ избу во съѣзжую,
Садился Скопинъ на ременчатъ стулъ,
А и беретъ чернилицу золотую,
Какъ-бы въ ней перо лебежиное,
И беретъ онъ бумагу бѣлую,
Писалъ ярлыки скорописчаты
Во Свицкую землю, Саксонскую,
Ко любимому брату названному,
Ко Свицкому королю Карлосу.
А отъ мудрости слово поставлено:
«А и гой еси, названный братъ,
«А ты Свицкой король Карлусъ!
«А и смилуйся, смилосердися,
«Смилосердися, покажи милость,
«А и дай мнѣ силы на подмочь;
«Наше сильно царство Московское
«Литва облегла со всѣ четыре стороны,
«А и тѣ Черкесы Пятигорскіе,
«А и тѣ Колмыки со Башкирцами,
«А и тѣ Чукши со Люторами,
«И не можемъ мы съ ними управиться:
«Я закладываю три города Русскіе»
А съ ярлыками послалъ скорого почтаря,
Своего любимова шурина —
А того Митрофана Фунтосова.
Какъ и будетъ почтарь въ Половецкой Ордѣ
У честна короля, честнаго Карлуса;
Онъ въѣзжаетъ прямо на королевскій дворъ,
А ко Свицкому королю Карлосу;

Среди двора королевскаго
Скочилъ почтарь со добра коня,
Вязалъ коня къ дубову столбу,
Сумы подхватилъ, самъ во палаты идетъ;
Ни за чѣмъ почтарь ни замѣшкался,
Приходить во палату бѣлокаменну,
Разковыривалъ сумы, вынималъ ярлыки,
Онъ кладетъ королю на круглый столъ.
Принимавши, король распечатываетъ,
Распечатавъ, самъ разсматриваетъ,
И печальное слово выговорилъ:
«Отъ мудрости слово поставлено
«Отъ любимаго брата названаго
«Скопина князя Михайлы Васильевича,
«Какъ просить силы на подмочъ,
«Закладываетъ три города Русскіе».
А честной король, честной Карлусъ
Показалъ ему милость великую,
Отправилъ силы со трехъ земель:
А и первыя силы-то Свицкія,
А другія силы Саксонскія,
А третія силы Школьскія —
Того ратнаго люду ученаго *)
А не много, не мало — сорокъ тысячей.
Прибыла сила во Новгородъ,
Изъ Новгорода въ каменну Москву.
У ясна сокола крылья отросли,
У Скопина князя думушки прибыло.
А по утру рано-ранешенько
Въ соборѣ Скопинъ онъ заутреню отслужилъ,
Отслужилъ—самъ въ походъ пошелъ,

*) Значить народъ сознавалъ, что шведское войско было обучено военному дѣлу и что въ этомъ отношеніи оно стояло несравненно выше русскаго.

Подымавши знаменье царское,
А на знаменьи было написано:
Чуденъ Спасъ со Пречистою,
На другой сторонѣ было написано:
Михайло и Гаврило Архангелы,
Еще вся туто сила небесная.
Въ восточную сторону походомъ пошли,
Они вырубили Чудь бѣлоглазую
И ту Сорочину долгополую;
Въ полуденную сторону походомъ пошли
Прекрошили Черкесъ Пятигорскіихъ,
А не много дрались, скоро сами сдались.
А на сѣверную сторону походомъ пошли —
Прирубили Калмыковъ со Башкирцами;
А на западную сторону и въ ночь пошли,
Прирубили Чукши со Люторами;
А кому будетъ Божья помощь —
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу:
Онъ очистилъ царство Московское
И великое государство Россійское.
На великихъ тѣхъ на радостяхъ
Служили обѣдни съ молебнами,
И кругомъ города ходили въ каменной Москвѣ.
Отслуживши обѣдни съ молебнами,
И всю литургію великую,
На великихъ на радостяхъ пиръ пошелъ,
И пиръ пошелъ и великой столъ
И у Скопина князя Михайлу Васильевича
Про весь православный міръ,
И великую славу до вѣку поють
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу.
Какъ-бы малое время замѣшавши,
А во той же славной каменной Москвѣ,
У того ли было князя Воротынскаго —

Крестили младаго княжевича,
А Скопинъ князь Михайло кумомъ былъ,
А кума была дочь Малютина,
Того Малюты Скурлатова.
У того-то князя Воротынскаго
Какъ будетъ и почестный столъ,
Туту было много князей и бояръ и званыхъ гостей;
Будетъ пиръ во полу-столѣ,
Какъ пьяненьки тутъ разхвастались:
Сильный хвастаетъ силою,
Богатый хвастаетъ богатствомъ.
Скопинъ князь Михайло Васильевичъ
А и не пилъ онъ зелена вина,
Только одно пиво пилъ и сладкой медъ,
Не съ большаго хмѣлю онъ похващается:
«А вы глупый народъ, неразумные,
«А вы всѣ похваляетесь бездѣлицей!
«Я Скопинъ Михайло Васильевичъ,
«Могу князь похвалиться,
«Что очистилъ царство Московское
«И велико государство Россійское;
«Еще ли мнѣ славу поють до вѣку
«Отъ стараго до малаго,
«Отъ малаго до вѣку моего».
А и тутъ боярамъ за бѣду стало,
Въ тотъ часъ они дѣло сдѣлали;
Поддержали они зелья лютаго,
Подсыпали въ стаканъ, въ меды сладкіе,
Подавали кумѣ его крестовыя,
Малютиной дочери Скурлатовой.
Она знавши, кума его крестовая,
Подносила меду стаканъ сладкаго
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу.
Примаетъ Скопинъ, не отпирается,

Онъ выпилъ стаканъ меду сладкаго,
А самъ говорилъ такое слово:
«Услышаль во утробѣ не ловко добрѣ!
«А и ты съѣла меня крестовая,
«Малютина дочь Скурлатова;
«А знаючи мнѣ стаканъ со зельемъ подала —
«Съѣла ты меня змѣя подколодна!»
Голова съ плечь покатилася,
Онъ тутъ скоро Скопинъ со пиру пошелъ,
Онъ садился Скопинъ на добра коня,
Побѣждалъ къ родимой матушкѣ;
А только успѣлъ съ ней скоро проститися,
И матушка ему пѣнять стала:
«Гой еси, мое чадо милое,
«Скопинъ князь Михайло Васильевичъ!
«Я тебѣ приказывала,
«Не велѣла ѣздить ко князю Воротынскому;
«А и ты меня не послушался.
«Лишила тебя свѣту бѣлаго
«Кума твоя крестовая,
«Малютина дочь Скурлатова!»
Онъ къ вечеру Скопинъ и представился.
То старина, и дѣянье,
Какъ-бы синему морю на утишенье,
А быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
Какъ-бы добрымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на перениманье,
Еще намъ веселымъ молодцамъ на потѣшенье,
Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
Испиваючи медъ, зелено вино;
Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову (*).

(*) Пѣсни, собранныя Кирѣевскимъ. Изданы обществомъ любителей
россійской словесности.

Бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

Мы намѣрены говорить о періодѣ времени, стоящемъ на рубежѣ, за которымъ видимъ великаго Петра, видимъ новое время со всѣми необычайными, геніальными преобразованіями перваго Императора.

Бѣдствія, нанесенныя Россіи лихолѣтьемъ, по не многу забывались, какъ забывается все въ мірѣ. Правда, безпокойные элементы, бродячія силы русской земли не улеглись окончательно, но все-таки Государство явилось на столько сильнымъ, что въ состояніи было подавлять ихъ, не давая ходу ихъ разрушительнымъ стремленіямъ. Земскіе люди взяли видимый перевѣсъ надъ казаками, гулящими людьми, бобылями, жившими лишь на счетъ войны и всяческой безурядицы.

По смерти Михаила Федоровича Романова, принявшаго русскую землю послѣ лихолѣтья и положившаго начало династіи нынѣ царствующаго Императорскаго Дома, вступилъ на престолъ сынъ его Алексѣй.

Изумительно, говорили иностранцы про Царя Алексѣя Михайловича, что при неограниченной власти надъ народомъ, привыкшимъ къ совершенному рабству, онъ не посягнулъ ни на чье имущество, ни на чью жизнь, ни на чью честь.

Достаточно этой характеристики иностранцевъ, людей умѣвшихъ наблюдать и замѣчать, не имѣвшихъ ни малѣйшихъ причинъ хвалить безъ всякаго основанія русскаго Царя, чтобы признать Алексѣя Михайловича человѣкомъ мягкаго сердца, добрымъ въ высокомъ смыслѣ этого слова.

По описаніямъ, составленнымъ тѣми же иностран-

цами, можно заключить, что онъ обладалъ и наружностью необыкновенно привлекательной, служившей, такъ сказать, выраженіемъ его духовной природы: съ кроткими чертами лица, блѣлый, краснойщекій, темно-русый, съ красивою бородою, крѣпкаго тѣлосложенія, Царь Алексѣй Михайловичъ выдавался своею наружностью среди окружавшихъ его бояръ. Не смотря на дѣятельную жизнь, которую онъ велъ, не смотря на то, что онъ со страстью отдавался охотѣ, требующей движенія, энергій, онъ очень рано началъ толстѣть, велѣдствіи чего и дряхлѣть. Будучи истинно религіознымъ, безъ малѣйшаго ханжества, Алексѣй Михайловичъ проводилъ въ теченіи дня не мало часовъ въ молитвѣ, не пропускалъ божественной службы, особенно въ праздничные и воскресные дни. Иностранцы съ большимъ сочувствіемъ относятся къ его природнымъ дарованіямъ и въ своихъ запискахъ высказываютъ глубокое сожалѣніе, что эти дарованія не были развиты наукой. Но Царь, прочиталъ все, что только было возможно прочесть тогда на русскомъ и славянскомъ языкахъ. Особенно много онъ писалъ. Послѣ него сохранилось множество писемъ, записокъ, не мало описаній походовъ, выступленія войскъ. Письма его отличаются величайшей простотой, ясностью и вполне хорошимъ потому времени слогомъ.

Если мы внимательно вдумаемся въ исторію его царствованія, то неизбѣжно вынесемъ убѣжденіе, что онъ по своей природѣ, по своему уму стоялъ выше многихъ своихъ предшественниковъ, своего отца, ибо сочувствовалъ образованію, что прямо подтверждается, какъ его вполне гуманными отношеніями къ иностранцамъ, которыхъ онъ охотно принималъ въ службу,

такъ и любовью къ такимъ людямъ, какъ Патріархъ Никонъ, Ртищевъ, Ординъ-Нащокинъ, Матвѣевъ, которые, по развитію умственныхъ силъ, по глубокому сочувствію къ образованію, стояли недосыгаемо выше окружавшей ихъ среды. Въ этомъ то смыслѣ царствованіе Царя Алексѣя Михайловича и можно назвать, хотя и слабымъ, но всетаки проблескомъ того свѣта, который долженъ былъ загорѣться въ полномъ блескѣ за рубежомъ его царствованія, въ царствованіе великаго его сына. Мягкость души Царя доказывается многими фактами, сохраненными исторіею: бѣдныя, заключенныя въ темницы въ торжественные праздники были надѣляемы деньгами самимъ Царемъ, причемъ Царю всегда сопутствовалъ Матвѣевъ.

Вымолить пощаду присужденному къ казни не было особенно трудно у этого добраго Государя, про котораго преданіе говоритъ, что онъ на предложеніе одного иностранца назначить смертную казнь всякому, кто убѣжитъ съ поля сраженія, отвѣчалъ: «это было бы безчеловѣчно: Богъ не всѣмъ даровалъ одинаковую храбрость.» Разъ какъ-то, узнавъ о бѣгствѣ войска отъ шведовъ, онъ утѣшался тѣмъ, что покрайней мѣрѣ люди цѣлы.

Нельзя сказать, чтобы Царь Алексѣй Михайловичъ обладалъ особенно твердой волей. Подобныя натуры въ большинствѣ случаевъ подчиняются вліянію другихъ, каковому вліянію подчинялся и Алексѣй Михайловичъ, ибо подобныя натуры не могутъ жить безъ привязанностей, но дѣло въ томъ, что Царь Алексѣй обладалъ на столько хорошимъ умомъ, что могъ легко распознавать душевныя свойства своихъ приближенныхъ. Если онъ привязывался къ кому бы то ни бы-

ло изъ нихъ, то привязывался сознательно, давая себѣ отчетъ, за что именно любить, предпочитаетъ своего избраннаго. Мы уже назвали тѣхъ лицъ, которыя пользовались особеннымъ расположеніемъ Царя: всѣ они отличались умомъ, свѣтлымъ взглядомъ, извѣстнымъ образованіемъ, слѣдовательно изъ этого мы можемъ заключить, что Алексѣй Михайловичъ умѣлъ цѣнить людей. Но все таки подобныя душевныя свойства Царя не даютъ намъ основанія предполагать, что онъ долженъ былъ обладать и крѣпкой, сильной волей. Можно быть добрымъ, умнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и слабымъ по характеру. Таковымъ именно и былъ Алексѣй Михайловичъ, который слишкомъ сильно отдавался своему влеченію къ извѣстнымъ людямъ, въ слѣдствіи чего сильно поддавалъ вліянію этихъ людей. — Можно вѣрно сказать, что онъ никогда не выбился бы изъ подъ вліянія Патріарха Никона, если бы его борьбы съ Патріархомъ не поддерживали бояре, употреблявшіе всѣ средства къ тому, чтобы освободить Царя изъ подъ вліянія этого умнаго и сильнаго характеромъ монаха.

Изъ числа всѣхъ особенно близкихъ къ Царю людей замѣтно выдается, по своимъ душевнымъ свойствамъ, по своему огромному вліянію на Царя и ходъ государственнаго управленія, бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

Объ этой то замѣчательной личности мы и поведемъ бесѣду съ нашими читателями.

Матвѣевъ родился въ 1625 г. Отецъ его, сколько извѣстно, былъ дьякомъ, слѣдовательно дѣльцомъ, ибо на дьякахъ лежало все производство дѣлъ въ Приказахъ и, само собой разумѣется, дѣльцомъ грамотнымъ. Грамотный отецъ по естественному ходу вещей не

могъ оставить сына не грамотнымъ. Артамонъ Матвѣевъ учился очень успѣшно, отличаясь хорошими способностями, которыми, по всей вѣроятности, онъ и обратилъ на себя вниманіе Царя Михаила Федоровича, назначившаго его состоять въ чинѣ Стряпчаго при Царевичѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ это время Артамону Матвѣеву было 17 лѣтъ. Черезъ годъ онъ былъ сдѣланъ стрѣлецкимъ головой.

Въ отерывшейся войнѣ съ Польшею, возникшей по поводу присоединенія къ Россіи Малороссіи, Матвѣевъ отличается храбростью, усердіемъ къ службѣ и Царю. Онъ жилъ въ такомъ вѣкѣ, когда воеводы и бояре, за весьма рѣдкими исключеніями, не считали себя обязанными дѣлать съ ратниками все невзгоды и печальныя случайности войны; конечно, кромѣ такихъ обстоятельствъ, когда волей неволей приходилось переносить то, что переносили простые войны. Но Матвѣевъ въ упомянутой войнѣ является именно такимъ начальникомъ, который въ критическія минуты считаетъ себя обязаннымъ всецѣло отдаваться возложенной на него обязанности и готовъ переносить все лишенія, бѣдствія войны, выпавшія на долю подчиненныхъ ему ратниковъ. До простой истины, что начальствовать не значитъ наслаждаться, ничего не дѣланіемъ, не значитъ жить трудомъ подчиненныхъ, а, напротивъ, значитъ работать болѣе, чѣмъ работаютъ подчиненные, значитъ быть первымъ вездѣ, гдѣ требуется опасность, гдѣ необходимо побѣдить трудности или препятствія, такія простыя истины, какъ и многія простыя истины, не скоро понимаются людьми, не смотря на то, что онѣ просты и понятны.

Образцомъ исполненія служебнаго долга, образцомъ начальника и подчиненнаго является Великій Государь

Петръ 1-ый, вся общественная дѣятельность котораго есть единственный, лучшій поучительнѣйшій урокъ для всѣхъ общественныхъ дѣятелей, стоять ли они въ положеніи начальниковъ или подчиненныхъ.

Всегда, во всякое время, пониманіе своего долга, своихъ общественныхъ обязанностей становить чело-вѣка выше другихъ, отличаетъ его отъ толпы; тѣмъ больше должно давать значеніе вѣрнымъ и честнымъ взглядамъ на общественное служеніе людямъ такого вѣка, въ какой жилъ бояринъ Матвѣевъ, когда всѣ, отъ знатныхъ до самыхъ не значительныхъ общественныхъ дѣятелей, думали только о собственной наживѣ, думали о томъ, какимъ бы образомъ покормиться на счетъ службы. Само правительство держалось очень ложной системы, не платя жалованья за службу, а посылая Воеводу и другихъ чиновниковъ въ различные города на кормленіе, т. е. давая имъ право жить доходами съ города. Такой порядокъ, конечно, долженъ былъ породить множество злоупотребленій и дѣйствительно породилъ ихъ. Встрѣчались и хорошіе Воеводы, но очень не часто, ибо человѣческая природа какъ нельзя болѣе склонна отдаваться своимъ животнымъ стремленіямъ,—тѣмъ съ большею силою, если проявленію, развитію этихъ склонностей способствуютъ, содѣйствуютъ тѣ или другія обстоятельства.

Матвѣевъ, какъ мы сказали, стоялъ въ нравствен-номъ отношеніи и по своему уму, несравненно выше своихъ современниковъ; онъ не только не злоупотреблялъ своими обязанностями, но, напротивъ, глубоко сочувствовалъ народнымъ бѣдамъ, много заботился объ общественномъ благѣ, служилъ ему со всѣмъ рвеніемъ теплой души своей.

Изѣздивъ по дѣламъ службы Россію, онъ не мало приглядѣлся къ народнымъ бѣдствіямъ, видѣлъ народныя нужды, бѣдность и можетъ быть, въ слѣдствіи такого то близкаго знакомства съ народомъ, и чувствовалъ влеченіе къ нему; можетъ быть въ слѣдствіи этого и является ходатаемъ предъ Царемъ за многихъ несчастныхъ, захваченныхъ во время мятежа Стеньки Разина, которыхъ Царь, изъ уваженія и любви къ Матвѣеву, помиловалъ.

Одни и тѣже интересы, одни и тѣже взгляды болѣе и болѣе сближали Матвѣева съ Царемъ, который совѣтовался съ своимъ другомъ о всѣхъ дѣлахъ, не рѣдко проводилъ съ нимъ цѣлые вечера. Матвѣевъ проводилъ время не въ пирахъ и потѣхахъ, столь обычныхъ въ то время, а въ чтеніи книгъ, въ разумныхъ бесѣдахъ. Онъ знакомился съ иностранцами, которыхъ въ его время было на столько много въ Москвѣ, что они уже начали образовывать отдѣльную нѣмецкую слободу. Сближенію его съ иностранцами много могла содѣйствовать жена его, происходившая изъ шотландской фамиліи Гамильтонъ и принявшая православіе. Мы знаемъ, что при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ были въ Москвѣ иноземцы инженеры и другіе техники, военные, вызванные для обученія русскаго войска иноземному строю, знаемъ, что Царь дозволилъ боярину Ртищеву вызвать въ Москву нѣсколькихъ ученыхъ кievскихъ монаховъ, для распространенія просвѣщенія. Бояринъ Ординъ-Нащокинъ настаиваетъ на необходимости радикальных*) преобразованій въ войскѣ, управленіи, промышленности и торговлѣ и Царь, вполнѣ

*) Коренныхъ.

сочувствуетъ ему и даже разрѣшаетъ изданіе первой у насъ рукописной газеты, называвшейся курантами.

Само собой понятно, что при подобномъ взглядѣ Царя на западную науку и иноземцевъ, представителей этой науки, Матвѣевъ могъ за свое стремленіе сближаться съ иноземными людьми, приобрести лишь полное сочувствіе Царя.

Матвѣевъ не только читалъ книги, но и написалъ 3 большія сочиненія, въ которыхъ разсказалъ по лѣтописямъ событія изъ русской исторіи. Одно изъ этихъ сочиненій носитъ заглавіе: Государственная большая книга.

Подъ его руководствомъ переводилась и составлялась книга: Василиологіонъ — исторія древнихъ Царей. Дружескія отношенія между Царемъ и подданнымъ окрѣпли до такой степени, что никакіе подкопы боярѣ, негодовавшихъ за близость Матвѣева къ Царю, не дѣйствовали на послѣдняго. Алексѣй Михайловичъ по прежнему относился къ Матвѣеву, какъ къ другу, лучшимъ доказательствомъ чего могутъ служить слѣдующія выраженія Царя, употребленныя имъ въ письмѣ къ Матвѣеву, который находился по дѣламъ подъ Смоленскомъ: «Пріѣзжай къ намъ поскорѣе, дѣти мои и я безъ тебя осиротѣли! За ними присмотрѣть не кому, а мнѣ посовѣтоваться безъ тебя не съ кѣмъ.»

Если вникнуть во всѣ подробности царствованія Алексѣя Михайловича, если принять въ соображеніе огромное довѣріе Царя къ Матвѣеву, то придется согласиться, что послѣдній, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, все таки не былъ вполнѣ государственнымъ человѣкомъ, т. е. такимъ государственнымъ дѣятелемъ, который способенъ дать теченію государственныхъ

дѣлъ совершенно иное направленіе. Для совершенія подобнаго переворота во внутренней жизни необходимо имѣть геніальный умъ, которымъ не отличались ни Царь Алексѣй Михайловичъ, ни бояринъ Матвѣевъ. Послѣдній, какъ честный и доброй души человекъ, какъ человекъ, по степени своего уметвеннаго развитія, стоявшій несравненно выше другихъ бояръ и вельможъ, могъ давать дѣльные, честные совѣты Царю; могъ помогать бѣднымъ и въ извѣстной степени, опираясь на свои близкія отношенія къ Царю, препятствовать маленькимъ и большимъ служилымъ людямъ поступать не справедливо и незаконно; но, конечно, не былъ въ состояніи, не будучи геніальнымъ человекомъ, производить великія, вѣковыя преобразованія въ дѣлѣ государственнаго управленія. Не мало требовалось духовныхъ силъ, уметвеннаго развитія и для того только, чтобы встать выше множества предразсудковъ, нелѣпныхъ вѣрованій, которые въ вѣкъ Матвѣева царствовали въ обществѣ.

Матвѣевъ не считалъ иностранцевъ погаными, напротивъ, сознавалъ, что отъ нихъ можно многому научиться; не пряталъ своей жены, какъ дѣлали всѣ русскіе его времени; не считалъ многія увеселенія, какъ на примѣръ, театръ, бѣсовской потѣхой, понималъ, что его соотечественникамъ слѣдовало многому учиться, чтобы сколько нибудь приблизиться къ иностранцамъ. Все это онъ сознавалъ и все это онъ старался осуществить, перенести въ жизнь на столько, на сколько могъ по своимъ духовнымъ силамъ.

Сближенію Царя съ Матвѣевымъ, увеличенію значенія его въ дѣлахъ государственныхъ много способствовала женитьба Алексѣя Михайловича, потерявша-

го первую жену Марью Ильиничну изъ рода Мило-славскихъ, женидба на воспитанницѣ Матвѣва Натальѣ Кириловнѣ Нарышкиной, дочери бѣднаго дворянина Кирилла Полуектовича Нарышкина. Царь случайно увидалъ ее у Матвѣва. Прощаясь съ Матвѣвымъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ пребыванія въ его домѣ, онъ сказалъ: «я поищу женишка для твоей питомицы» и этимъ женишкомъ явился онъ самъ.

О Натальѣ Кириловнѣ сохранилось слѣдующее устное преданіе: въ 25 верстахъ отъ города Михайлова (Рязанской губерніи) стоитъ имѣніе Киркино, жители котораго большею частью дворяне. Тамъ говорятъ, что Царица Наталья родилась въ Киркинѣ, и что Матвѣвъ, проѣзжая случайно чрезъ это селеніе, увидалъ плачущую дѣвушку и спросилъ о причинѣ ея слезъ. Дѣвушка отвѣчала, что плачетъ она отъ того, что дѣвка ея удавилась по своей волѣ. Эта плакавшая дѣвушка и была Наталья Кириловна. Матвѣвъ взялъ ее къ себѣ на воспитаніе. Въ Киркинѣ до сей поры говорятъ: «если бы не удавилась дѣвка въ Киркинѣ, не быть бы на свѣтѣ Петру:» Само собой разумѣется, что Матвѣвъ и не думалъ о такомъ счастіи для своей воспитанницы. Благодаря Царя за великую честь, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ умолялъ его, хотя для виду, соблюсти старыи обычай и созвать боярскпхъ и дворянскихъ дѣвицъ на смотръ, чтобы не вооружить еще болѣе противъ себя бояръ, которые бракъ съ Нарышкиной непременно припишутъ его интригамъ. Царь согласился исполнить эту просьбу, въ слѣдствіе чего на смотръ собрали 60 дѣвицъ. Царь смотрѣлъ на нихъ въ окошко изъ другой комнаты. Смотрины, какъ и слѣдовало ждаты, кончились тѣмъ, что своей невѣстой онъ нарекъ Наталью Нарышкину.

Какъ предчувствовалъ Матвѣевъ, такъ и случилось: враги его поднялись съ твердымъ намѣреніемъ устроить ему гибель. Они рѣшились прибѣгнуть къ обычной мѣрѣ, всегда почти удававшейся: объявить, что Матвѣевъ чародѣй, что онъ знаетъ тайную силу травъ. Доносъ былъ высказанъ въ подметномъ письмѣ. Враги Матвѣева были увѣрены, что въ слѣдъ за письмомъ немедленно начнется розыскъ, т. е. слѣдствіе, въ большей части случаевъ соединявшееся съ пытками; тѣмъ болѣе они питали эту увѣренность, что тотъ же Царь Алексѣй Михайловичъ боярина Семена Лукьяновича Стрѣшнева, обвиненнаго подметнымъ же письмомъ въ волшебствѣ, лишилъ боярской чести, отобралъ имѣніе и сослалъ въ Вологду. Изъ этого факта съ Стрѣшневымъ мы можемъ заключить, что хотя Царь Алексѣй Михайловичъ и отличался умомъ, сочувственно относился къ взглядамъ Матвѣева на иностранцевъ и образованіе, но все-таки онъ не въ силахъ былъ совершенно отрѣшиться отъ вліянія тяготѣвшихъ надъ обществомъ воззрѣній и убѣжденій, какъ отрѣшился, на примѣръ, отъ вліянія старой Руси геніальный Петръ Великій, который торжественно, смѣло и рѣшительно призналъ старый порядокъ жизни народа русскаго, его обычаи и воззрѣнія не годными. Но вліяніе Матвѣева на Царя было настолько сильно, что послѣдній не повѣрилъ доносу; напротивъ пожаловалъ своего любимца въ думные дворяне. Очень вѣроятно, что Царь понялъ причину козней враговъ Матвѣева, козней, начавшихся немедленно по избраніи въ невѣсты Натальи Кириловны. Черезъ мѣсяцъ же послѣ свадьбы Царь велѣлъ вѣдать Матвѣеву государствен-

ный посольскій приказъ, въ кругъ дѣятельности котораго входили все сношенія съ иностранными государствами, переговоры съ послами, словомъ, этотъ приказъ охватывалъ дѣла, подвѣдомственныя въ настоящее время Министерству Иностраннымъ Дѣлъ. — Въ немъ же вѣдались все иностранцы, жившіе въ Москвѣ. Такъ какъ посольскій приказъ обладалъ большими суммами и такъ какъ въ него поступали все деньги, собиравшіяся со всехъ концовъ русскаго царства, для выкупа плѣнныхъ, томившихся въ Крыму и Турецкой землѣ, то боярину, завѣдывавшему этимъ приказомъ, представлялась полная возможность наживаться. Матвѣевъ остался прежнимъ честнымъ слугою отечеству: онъ жилъ попрежнему скромно и тихо, не смотря на то, что остальные бояре роскошествовали. Царь также любилъ роскошь, блескъ и потому не разъ высказывалъ своему задушевному другу, что онъ долженъ построить хорошія палаты, въ которыхъ было бы не стыдно принимать иноземныхъ пословъ, что настоящій скромный домикъ Матвѣева совершенно не отвѣчаетъ его важной должности.

Какъ не отговаривался Матвѣевъ недостаткомъ, но, наконецъ, долженъ былъ уступить настоятельнымъ напоминаніямъ Царя. Онъ началъ заготовлять все нужные матеріалы для постройки дома; но случилось такъ, что въ то время не было въ Москвѣ въ привозѣ камня для фундамента. Стрѣльцы и народъ, любившіе Матвѣева, узнавъ объ этомъ, пришли къ нему на дворъ толпой и объявили, что явились поклониться ему камнемъ.

Бояринъ благодарилъ за ласку и любовь, но отка-

зался принять подарокъ, такъ какъ деньги у него есть, и онъ можетъ безъ стѣсненія уплатить за камень. —

Народъ и стрѣльцы, повидимому, согласились продать камень, ибо обѣщали на утро доставить материалъ.

На другой день Матвѣевъ съ удивленіемъ увидалъ въ окно, что весь его дворъ заваленъ камнемъ, который, по всѣмъ признакамъ, былъ взятъ съ могилъ.

«Камни эти, отвѣчалъ народъ, мы взяли съ гробовъ отцовъ и дѣдовъ нашихъ, поэтому ихъ и не продаемъ, а даримъ тебѣ, бояринъ!»

Артамонъ Сергѣевичъ не рѣшился принять такой подарокъ безъ разрѣшенія Царя. Царь разрѣшилъ, причемъ сказалъ: «прими этотъ подарокъ отъ народа. Вѣрно, очень онъ тебя любитъ, что рѣшился обнажить могилы отцовъ и дѣдовъ. Такой подарокъ я бы охотно принялъ». Очень возможно, что подобнаго факта не было въ жизни Матвѣева и что фактъ этотъ есть выдумка, перешедшая по преданію въ исторію, что встрѣчается въ исторіи всякаго народа очень ирѣдко, но дѣло не въ томъ, правда или ложь подобный фактъ, а въ томъ, что онъ выдуманъ именно про извѣстнаго человѣка, съ которымъ подобный фактъ могъ совершиться. При оцѣнкѣ историческихъ личностей всѣ подобныя преданія составляютъ дѣло величайшей важности, и историкъ никогда не оставитъ ихъ безъ вниманія. Укажемъ, напримѣръ, на нѣкоторыя преданія, выдумки, существующія о Петрѣ Великомъ. Одно преданіе говоритъ, что Петръ Великій высулъ Ладожское озеро, когда оно сильно волновалось, послѣ чего оно немедленно

утихло; другое преданіе говоритъ, что онъ проклялъ въ Петербургѣ сорокъ, которыя съ той поры и не водятся въ этой столицѣ; третье преданіе, что Царь Петръ умѣлъ дѣлать все на свѣтѣ, только не умѣлъ лантей плестъ; есть преданіе въ народѣ о памятникѣ Петру, поставленномъ въ Петербургѣ: будто Царь, кончивъ постройку своей столицы, подъ вліяніемъ славы побѣдъ, подъ вліяніемъ торжества надъ самой природой, ибо требовались необыкновенныя успія построить городъ на болотѣ, гдѣ все сдѣланное сегодня заливала вода на другой день, подъ вліяніемъ всѣхъ упомянутыхъ впечатлѣній, Петръ, сидя на конѣ, будто-бы показавъ рукой на Неву и произнесъ: «все мое и Божье!» и въ тоже мгновеніе окаменѣлъ, наказанный за гордость, за то, что осмѣлился себя поставить выше Бога. — Если мы внимательно задумаемся въ упомянутыя преданія о Петрѣ, то придемъ къ вѣрнѣйшимъ выводамъ относительно опредѣленія его личности. Мы скажемъ, хотя бы рѣшительно не знали исторіи дѣятельности Петра Великаго, что онъ обладалъ сильной волей, обладалъ силами душевными и физическими, что онъ твердо и неуклонно стремился къ цѣли, разъ положенной и опредѣленной, что вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ всѣ замѣчательные геніальные политическіе дѣятели, Петръ былъ гордъ сознаниемъ своей силы, сознаниемъ своей душевной крѣпости и что, наконецъ, онъ долженъ былъ любить славу своего имени, своихъ дѣлъ. — Такимъ образомъ, выходитъ, что народныя преданія создаются не безъ основанія, что они имѣютъ огромное значеніе при оцѣнкѣ историческихъ дѣятелей и что народъ знаетъ исторію, но не по книгамъ, а по

своему, ибо мы видимъ, что онъ говоритъ о той или другой личности совершенно вѣрно, говоритъ то же самое, что и письменная исторія. На этомъ основаніи мы и утверждаемъ, что для народныхъ учителей особенно важно изучать упомянутыя народныя историческія преданія, пѣсни, присловья. Вспомнимъ преданія объ Ольгѣ, Олегѣ. Разобравъ ихъ, мы убѣдимся, что народъ какъ нельзя болѣе вѣрно, согласно съ письменной исторіею, опредѣляетъ природу и значеніе этихъ историческихъ дѣятелей, — хотя всѣ факты, приводимые въ преданіяхъ объ умѣ, хитрости и Олега, и Ольги, никакъ не могутъ быть названы безусловно вѣрными; всѣ эти факты, вѣроятно, выдуманы народомъ.

Изъ приведеннаго нами выше преданія о дарѣ стрѣльцевъ Матвѣеву мы можемъ вывести совершенно вѣрно то заключеніе, что народъ любилъ Матвѣева, что Матвѣевъ былъ изъ числа очень рѣдкихъ бояръ, для которыхъ народъ составлялъ нѣчто близкое, для которыхъ существовала въ жизни не одна цѣль: стремиться лишь къ личному благополучію, но которымъ дороги были и интересы меньшихъ братьевъ.

Такъ или иначе, но Матвѣевъ построилъ себѣ большія палаты. Въ палатахъ этихъ были зеркала, картины, часы, предметы, равнымъ образомъ, рѣдкіе на Руси.

Постъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ очень важный: умѣть наблюдать за ходомъ политическихъ событій, умѣть уловить благопріятный моментъ для того, чтобы рѣшиться дѣйствовать такъ или иначе, храня интересы и выгоды своего отечества — очень не легко. Отъ этого Министра зависить судьба отече-

ства; одинъ ложный шагъ, и вся земля вовлечена въ тяжкую войну, отъ которой, кромѣ зла и потерь, отечество ничего не выигрываетъ. Матвѣевъ, завѣдуя посольскимъ Приказомъ, несъ ту же самую обязанность, которую несетъ въ настоящее время Министръ Иностранныхъ Дѣлъ. Посольскія дѣла Матвѣевъ справлялъ очень умно и искусно, соблюдая выгоды и честь Россіи. Иностранные послы съ удовольствіемъ вступали съ нимъ въ сношенія, ибо видѣли въ немъ человѣка по-тому времени просвѣщеннаго. Важныя Государственныя дѣла не мѣшали ему завѣдывать первой по времени учрежденія аптекой, которая была учреждена имъ же. Въ этомъ устройствѣ первой въ Россіи аптеки равнымъ образомъ видѣнъ человѣкъ, стоявшій по уму выше своихъ современниковъ; какъ умный и образованный человѣкъ, онъ поиялъ важное значеніе упомянутаго учрежденія въ дѣлѣ народнаго здоровья и самъ рѣшился завѣдывать имъ.

Пользуясь любовью Царя, Матвѣевъ смѣло брался за разрѣшеніе всего, что представляло для Россіи благія послѣдствія. Такъ, онъ положилъ начало нашимъ первымъ сношеніямъ съ Китаемъ. Въ 1675 г. онъ отправилъ въ Китай Волоха Спафарія, человѣка образованнаго, съ которымъ любилъ бесѣдовать, и который былъ изгнанъ изъ своего отечества покакимъ то ложнымъ доносамъ.

Иностранцы отзывались о Матвѣевѣ съ чувствомъ глубокаго уваженія къ его личности. Такъ одинъ изъ нихъ пишетъ: «Матвѣевъ ревностный покровитель полезнаго; о прочихъ высокихъ качествахъ его я умалчиваю. Будучи образованнѣе всѣхъ соотечественниковъ своихъ, онъ только одинъ, вопреки отеческимъ обы-

чаямъ, позволилъ сыну своему отростить волосы, учиться у иностранцевъ языкамъ и словеснымъ наукамъ. Этотъ вельможа, громкій славою и природными дарованіями, по всей справедливости, достоинъ истиннаго счастія»).

Таковъ голосъ иностранцевъ о Матвѣевѣ и голосъ, по всей вѣроятности, справедливый. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что въ то время, когда на Руси почти всякій вельможа болѣе или менѣе притѣснялъ народъ, болѣе или менѣе почти всякій думалъ лишь о своихъ личныхъ выгодахъ, болѣе или менѣе почти всякій торговалъ правосудіемъ, въ то время, когда бояринъ, по невѣжеству и грубости правовъ, ничѣмъ не отличался отъ крестьянина, конечно, было не трудно отличиться предъ другими вельможами даже одними отрицательными качествами, но мы видимъ, что Матвѣевъ не только не злоупотреблялъ своею властью, не притѣснялъ народа, но даже употреблялъ свою власть на благо государству, слѣдовательно можемъ сказать, что онъ много и очень много выдавался изъ ряда другихъ бояръ и вообще лицъ высокопоставленныхъ. Личность Матвѣева, его дѣятельность, образъ жизни, не похожіе на дѣятельность и образъ жизни другихъ вельможъ, болѣе или менѣе рисуютъ намъ личность Царя, ибо Матвѣевъ не могъ бы идти въ разрѣзъ съ жизнью и дѣятельностью цѣлаго общества, еслибы не находилъ сочувствія къ своимъ взглядамъ и своей дѣятельности со стороны Царя.

Плодомъ брака Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной былъ родившійся царевичъ Петръ, въ 1672 г. 30 Мая, будущій великій преобразователь Россіи. Рожденіе его, какъ и всѣхъ замѣчательныхъ людей,

украшено различными легендарными сказаніями. Народная же пѣсня говоритъ объ этомъ такимъ образомъ:

Когда свѣтеть радостень въ Москвѣ
Благовѣрный Царь Алексѣй, Царь Михайловичъ:
Народилъ Богъ ему сына Царевича, Петра Алексѣевича
Первого Императора по землѣ.
Всѣ то русскіе какъ плотники мастера
Во всю ноченьку не спали, колыбель-люльку дѣлали
Они младому Царевичу;
А и няюшки, мамушки, сѣнныя красныя дѣвушки
Во всю ноченьку не спали, шириночку вышивали,
По бѣлому рытому бархату онѣ краснымъ золотомъ.
Тюрьмы съ покаянными всѣ растворялися.
У Царя благовѣрнаго еще пиръ и столъ на радости
А Князи собиралися, бояре съѣзжались и дворяне сходилися,
А все народъ божій, на пиру пьютъ, ѣдятъ прохлаждаются....

Дѣятельность Матвѣева, какъ человѣка поваго, не остановилась на тѣхъ начинаніяхъ, о которыхъ мы говорили выше. Такъ какъ онъ долженъ былъ, судя по его взглядамъ и убѣжденіямъ, чутко прислушиваться ко всему, что дѣлалось въ государствахъ западныхъ, то, безъ сомнѣнія, до него дошли слухи и о театральныхъ представленіяхъ, каторыя въ то время были въ ходу въ Европѣ, гдѣ начало имъ было положено католическимъ духовенствомъ. Духовенство постоянно стремилось къ тому, чтобы уничтожить въ народѣ любовь къ языческимъ обрядамъ, играмъ. Уничтожить же подобную любовь можно было только тѣмъ, чтобы языческимъ обрядамъ и играмъ противопоставить христіанскіе обряды и игры. На этомъ осно-

ваніи оно и ввело театральныя представленія, содержаніе которыхъ брали изъ Ветхаго и Новаго за-вѣта, т. е. извѣстныя событія изъ Исторіи Ветхо-завѣтной и Новозавѣтной представлялись въ лицахъ. Представленія эти назывались духовными драмами или мистеріями. Съ теченіемъ времени въ содержаніе чисто духовное начали примѣшиваться событія, взятые изъ современной жизни. Послѣ реформаціи явились представленія, въ которыхъ протестанты зло смѣялись надъ католиками и католическимъ духовенствомъ. Остаткомъ подобныхъ насмѣшекъ могутъ быть названы многіе комическіе стихи, въ которыхъ осмѣиваются католическія духовныя лица.

Матвѣевъ могъ слышать объ упомянутыхъ представленіяхъ отъ иностранцевъ; могъ узнать о нихъ черезъ Польшу, гдѣ духовныя представленія были уже извѣстны и откуда въ большинствѣ случаевъ переходили къ намъ всѣ европейскія новости и извѣстія. Очень возможно, что мысль о введеніи въ Москвѣ театральныхъ представленій потому и запала въ душу Матвѣева, что онъ хотѣлъ доставить какое нибудь развлеченіе Царицѣ, которую искренно любилъ, какъ свою воспитанницу и которая также питала къ нему горячую привязанность. Заключенное положеніе женщины того времени, ихъ постоянное пребываніе, какъ говорилось, въ золотой клѣткѣ за серебряной сѣточкой, все это не могло, въ извѣстной степени, не вліять на Матвѣева, ни малѣйшимъ образомъ не стѣснявшаго своей семьи.

Въ настоящее время, съ нашей точки зрѣнія, завести театръ не только не худое, но даже положительно доброе дѣло, ибо театръ прямо вліяетъ на ду-

ховную природу человѣка. Кто не раздѣляетъ нынѣ подобнаго взгляда на театр? Но не такъ смотрѣли у насъ на Руси на театральныя представленія во время Царя Алексѣя Михайловича. Всѣ лицедѣйствія считались дѣломъ поганымъ, не совмѣстнымъ съ званіемъ православнаго христіанина. Матвѣевъ понималъ, что театральныя представленія навлекутъ ему обвиненія въ чернокнижій, тѣмъ болѣе, что на него и безъ того смотрѣли, какъ на отступника отъ отеческихъ обычаевъ и вѣрованій, и безъ того винили его за знакомство съ нѣмцами, за образъ жизни, рѣзко отличавшійся отъ исконнаго русскаго образа жизни. Слѣдовательно необходимо было имѣть извѣстную долю смѣлости, силы убѣжденій, чтобы рѣшиться на такое нововведеніе, которое никакъ не могло вызвать сочувствія со стороны большинства общества. —

По всей вѣроятности, Матвѣевъ во многихъ отношеніяхъ не рѣшился бы проявить своихъ убѣжденій и стремленій, если бы не былъ увѣренъ, что найдетъ поддержку въ Царѣ, который, какъ уже извѣстно намъ, постоянно относился къ нему съ любовью и безграничнымъ довѣріемъ.

Въ 1672 г. въ Москву пріѣхалъ съ нѣмецкими актерами нѣкто Готфридъ Яганъ, который и учинилъ предъ Царемъ первое комедійное дѣйство и потѣху, какъ Юдифь Олоферну голову отсѣкла. Комедійныя палаты были устроены подъ присмотромъ самого Матвѣева надъ аптекой. Въ Преображенскомъ были устроены другія палаты. Всѣ театральныя принадлежности

*) Село Преображенское въ настоящее время вошло въ составъ Москвы. Въ немъ по преимуществу живутъ фабричныя.

переносились изъ одного театра въ другой, въ которомъ Царь изъявлялъ желаніе смотрѣть комедійное дѣйствіе.

Пѣмецъ Яганъ обязался приготовить въ 3 мѣсяца изъ 27 человекъ мѣщанскихъ дѣтей хорошихъ актеровъ (лицедѣевъ).

Разсмотримъ хотя одну русскую мистерію, а именно ту, которая представляла жизнь Св. Алексѣя и была написана въ честь Алексѣя Михайловича.

Прежде скажемъ о сценѣ. Сцена раздѣлялась на двѣ части — рай и землю. Рай, конечно, былъ вверху. Декораціи представляли различныя отдѣленія комедіи или мистеріи. Если въ одномъ отдѣленіи игралъ роль городъ Римъ, то и представлялся городъ Римъ; рядомъ съ нимъ городъ Эфесъ, игравшій роль въ другомъ отдѣленіи. Актеръ выходилъ и говорилъ, что вотъ это моль городъ Римъ, а возлѣ него Эфесъ. Алексѣй, напримѣръ, сказавъ нѣсколько словъ, дѣлалъ нѣсколько шаговъ и переходилъ изъ Рима въ Эфесъ. Изъ Эфеса Алексѣй смотритъ на Римъ и говоритъ:

До «Рима, бачу моя дорога выходитъ,» и приходитъ въ Римъ.

Читатели видятъ, что наши мистеріи могутъ быть названы не болѣе какъ первою ступенью драматическаго искусства, но всетаки шагъ былъ сдѣланъ, начало театру было положено. — Разыгрывались и другія піесы: комедія о Навуходносорѣ, комедія о Блудномъ сынѣ, о Грѣхопадѣніи Адама и проч. Замѣтимъ здѣсь, кстати, что хотя нашъ народъ и относился враждебно къ различнымъ лицедѣйствіямъ и вообще театральнымъ представленіямъ, но у него самого, невѣдомо для него, искони вѣковъ существовали

театральныя представленія; онъ самъ, какъ мы выразились, невѣдомо для себя, положилъ зародышъ народной драмѣ, народному театральному искусству, которыя не успѣли только получить должнаго развитія. Мы говоримъ о хоровахъ и народныхъ играхъ. Вглядитесь въ нихъ внимательно и вы убѣдитесь, что, напримѣръ, въ хоровахъ совершаются цѣлыя представленія: въ нихъ есть разговоръ, который ведется посредствомъ пѣнія и мимики (разговоръ безъ словъ, лицомъ, руками, движеніями тѣла) есть танцы. Но повторяемъ, что дальнѣйшее развитіе этой народной живой драмы остановилось вслѣдствіе обстоятельствъ вообще неблагопріятно дѣйствовавшихъ на духовное развитіе народа.

Алексѣй Михайловичъ, какъ мы знаемъ, былъ женатъ на Нарышкиной вторымъ бракомъ; знаемъ также, что отъ этого брака родился у него сынъ Петръ. Отъ перваго брака съ Милославской у него были дѣти: Федоръ, Иванъ, шесть дочерей. Изъ послѣднихъ замѣчательна Софья, которая, по отзыву одного изъ ея враговъ, «была великаго ума и самыхъ пѣжныхъ проицательствъ, больше мужаеа ума исполненная дѣва».

Такимъ образомъ, по естественному ходу вещей, рано или поздно изъ за власти должны были столкнуться два рода — Нарышкиныхъ и Милославскихъ, ибо власть заманчива, ради приобрѣтенія власти въ исторіи всего человѣчества были пролиты потоки крови. Такъ было, есть и, конечно, будетъ. Матвѣевъ былъ силенъ своимъ вліяніемъ на Царя, слѣдовательно при жизни Алексѣя Михайловича Милославскіе не смѣли явно и сильно бороться противъ Матвѣева и Нарышкиныхъ. Страсти пока спали, но онѣ должны были прос-

путься въ моментъ смерти Царя. Этотъ моментъ наступилъ 30 Января 1679 г., когда большой колоколъ «вѣстникъ» возвѣстилъ Москвѣ, что Алексѣя Михайловича не стало. Иностранные писатели рассказываютъ, что Матвѣевъ, находившійся неотлучно при Царѣ во все время его болѣзни, старался уговорить его назначить своимъ преемникомъ не 14 лѣтняго Федора, слабаго здоровьемъ, а 4-хъ лѣтняго Петра. Очень возможно, что Матвѣевъ питалъ тайную мысль быть правителемъ государства вмѣстѣ съ Царицей Натальей Кириловной до совершеннолѣтія Петра. Будто бы Царь готовъ былъ сдѣлать это, но будто бы во время самой кончины его не случилось при немъ ни Матвѣева, ни Натальи Кириловны, чѣмъ воспользовались Милославскіе, успѣвшіе убѣдить Алексѣя Михайловича назначить наслѣдникомъ старшаго сына.

Такъ или иначе, но не подлежитъ сомнѣнію, что у смертнаго одра Царя должна была происходить борьба представителей двухъ упомянутыхъ родовъ; не подлежитъ сомнѣнію, что и Матвѣевъ долженъ былъ принимать участіе въ этой борьбѣ, интересы котораго самымъ тѣснымъ образомъ были связаны съ интересами рода Нарышкиныхъ.

На престолъ вступилъ Федоръ Алексѣевичъ. Само собой разумѣется, что новаго Царя должны были окружать и новыя лица. Изъ лицъ близко стоявшихъ къ Царю особенно выдавались своимъ значеніемъ и вліяніемъ на ребенка—Царя Иванъ Михайловичъ Милославскій, человекъ властолюбивый, даровитый, не останавливавшійся передъ средствами, если нужно было достигнуть цѣли, не знавшій другаго двигателя, кромѣ своего личнаго благополучія. Онъ былъ

врагомъ Матвѣева уже только потому, что Матвѣевъ стоялъ за Нарышкиныхъ; затѣмъ, Милославскій зналъ, что по вліянію Матвѣева Царь Алексѣй Михайловичъ удалилъ его, Милославскаго, на службу изъ Москвы въ Астрахань, ибо назначеніе на службу въ такой отдаленный край никогда не могло быть пріятно для бояръ и, конечно, не могло доказывать расположенія Царя къ боярину.— За Милославскимъ стояли другіе враги Матвѣева: Окольничій Василій Семеновичъ Волынскій и Дворецкій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово. Первый впрочемъ былъ лишь орудіемъ Милославскаго; Хитрово же считался давнимъ врагомъ Матвѣева. Волынскій малограмотный, пизкопоклонный, умѣлъ подбиваться къ сильнымъ міра. Говорятъ, что онъ особенно сдѣлался извѣстенъ тѣмъ, что у жены его были превосходныя швей — мастерицы.

Хитрово ненавидѣлъ Матвѣева за то, что послѣдній открылъ Царю Алексѣю Михайловичу злоупотребленія его по управленію Приказомъ большаго Дворца, т. е. Хитрово съ племянникомъ наживался на счетъ службы, корыстовался и богатилъ себя, какъ говоритъ авторъ исторіи о невинномъ заточеніи ближняго боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева.

Враги Матвѣева не замедлили начать свои враждебныя дѣйствія противъ него. Они понимали, что сразу нельзя нанести ударъ, что необходимо хотя сколько нибудь подготовить Царя къ тому, чтобы выставить Матвѣева человѣкомъ достойнымъ тяжкихъ наказаній. Волынскій вездѣ распускалъ молву о мнимыхъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ Матвѣева, въ чемъ ему много помогала боярыня Анна Петровна Хитрово, страшно не навидѣвшая, по какимъ то своимъ причи-

намъ, Царицу Наталью Кириловну, а въ слѣдствіи этого, разумѣется, и Матвѣева. Анна Петровна казалась богомолкой, набожной, но въ сущности отличалась злостью и властолюбіемъ. Если злая женщина пуститъ въ ходъ свой языкъ, то повредитъ своему врагу вдвое болѣе, чѣмъ мужчина, ибо женщина рѣдко знаетъ граицу въ чувствахъ, добрыхъ или злыхъ — все равно. Безъ сомнѣнія, всѣ не лестные для чести Матвѣева толки его враговъ должны были рано или поздно дойти до Царя, который въ первое время отпосился къ любимцу своего отца съ видимымъ расположеніемъ, но потомъ постепенно дѣлался къ нему холоднѣе и холоднѣе. Совершенно попятно, что на 14 лѣтняго мальчика повліять очень не трудно въ какомъ угодно отношеніи.

Первое нападеніе на Матвѣева проявилось въ томъ, что его лишили завѣдыванія аптекой, на томъ основаніи, что человекъ, заподозрѣнный въ нерасположеніи къ Царю, не можетъ управлять аптекой, при томъ условіи, что Царь не рѣдко хвораетъ. Затѣмъ, послѣдовалъ второй ударъ, гдѣ уже выставили не подозрѣніе, а обвиненіе такого рода: Датскій посоль, уѣзжая изъ Москвы подалъ жалобу, что Матвѣевъ не заплатилъ ему 500 р. за реинское вино, которое онъ поставлялъ ко Двору и что на требованіе объ уплатѣ ему прислали фальшивый контрактъ. Матвѣеву велѣли уплатить послу 500 рублей и затѣмъ онъ былъ уволенъ отъ управленія посольскимъ Приказомъ. Послѣ того, когда Матвѣевъ, по обычаю пріѣхалъ во Дворецъ, то бояринъ Родіонъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ объявилъ ему въ передней, не допустивъ до царскихъ комнатъ: «сказалъ тебѣ Великій Государь быть на службѣ въ Вер-

хотурьѣ Воеводою. Враги Матвѣева отправили его въ Верхотурье» (нынѣ уѣздный городъ Пермской Губер.) въ то время мѣсто дикое, лежавшее на краю жилого міра, гдѣ бродили и кочевали Вогулы. Одно путешествіе туда составляло неимовѣрный подвигъ. Верхотурье стоитъ на Турѣ, впадающей въ Тоболь.

Матвѣевъ отправился въ путь съ сыномъ и священникомъ. При немъ были монахъ, священникъ, учитель сына польскій шляхтичъ Поборскій, большая дворня. На сколько путь въ Верхотурье считался опаснымъ, лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то, что Матвѣевъ взялъ съ собою двѣ пушки. Даже въ настоящее время отъ Перми до Верхотурья слѣдуетъ ѣздить съ оглядкой, ибо такъ называемыя въ народѣ шалости, а по просту разбои, не составляютъ исключительнаго явленія и хотя путешественнику вѣтъ необходимости прибѣгать къ защитѣ пушекъ, но револьверъ можетъ пригодиться.

Впрочемъ, какъ оказалось въ послѣдствіи, назначеніе Матвѣева Воеводой въ Верхотурье было только предлогомъ къ удаленію его изъ Москвы, чтобы, пользуясь его отсутствіемъ, можно было свободнѣе и скорѣе, какъ говорится, доканать его до конца, ибо въ Лаишевѣ (нынѣ уѣздный городъ Казанской Губерніи), гдѣ онъ остановился на время, явился къ нему полуголова московскихъ стрѣльцевъ Лужинъ и потребовалъ книгу лечебникъ, многія статьи которой писаны цифирью, потребовалъ также двухъ его людей. Матвѣевъ о книгѣ отозвался, что ея нѣтъ, а людей Ивана Еврея и Карлу Захара выдалъ. Черезъ мѣсяць повторилась таже исторія: пріѣхалъ въ Лаишевъ думный дворянинъ

Саковнинъ и потребовалъ, чтобы Матвѣевъ отдалъ же-
пу Ивана Еврея, отдалъ бы на смотръ имѣніе и всѣхъ
людей.

Замѣтимъ, при этомъ случаѣ, сколько злорадства
въ упомянутыхъ преслѣдованіяхъ Матвѣева: сразу
не бьютъ, а постепенно, чтобы чувствительнѣе были
страданія. Подобная система дѣйствованія противъ
враговъ была обычной системой всѣхъ русскихъ
вельможъ стараго времени, ибо прелесть мщенія и
прелесть истязаній надъ врагами присуща всѣмъ
людямъ, стоящимъ на низшей ступени образованія.
Обратимъ вниманіе также на то, что всѣ служилые
люди, пріѣзжавшіе изъ Москвы для отобранія пока-
заній отъ Матвѣева и для отобранія отъ него иму-
щества, относились къ нему въ высшей степени грубо,
до послѣдней степени оскорбительно. Таковы всегда
холопы, подобострастные, когда человекъ въ силѣ, и
нахалы, когда на того, предъ кѣмъ прежде трепе-
тали, обрушится царская опала.

Мы не будемъ въ подробности передавать всѣхъ
тревогъ, душевныхъ страданій, которымъ подвергался
Матвѣевъ въ описываемое время, скажемъ только,
что слѣдующій безсмысленный доносъ лѣкаря Да-
выда Берлова послужилъ окончательнымъ толчкомъ
къ тяжкому наказанію, которому подвергся Матвѣевъ.
Лѣкаръ написалъ въ доносѣ: «лечилъ я у Матвѣева
человѣка его Карлу Захара и Захаръ говорилъ мнѣ,
что боленъ отъ господскихъ побой: однажды онъ, За-
харъ, заснулъ за печью въ палатѣ, въ которой Мат-
вѣевъ съ докторомъ Стефаномъ читали черную книгу,
во время этого чтенія пришло къ нимъ множество
злыхъ духовъ, которые стали говорить: «что вы си-

дите?» есть у васъ въ палатѣ 3-тій человѣкъ. «Матвѣевъ вскочилъ и, найдя его за печью, сорвалъ съ него шубу, поднялъ, ударилъ о землю, топталъ и выкинулъ изъ палаты замертво. Берловъ прибавилъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ Матвѣевъ съ докторомъ Стефаномъ и переводчикомъ Грекомъ Спафари, запершись, читали черную книгу; Спафари училъ по этой книгѣ Матвѣева и сына его Андрея. Берловъ доносилъ также, что Матвѣевъ хотѣлъ отравить Государя, что у Матвѣева есть книга лечебникъ, которую онъ, Матвѣевъ, велѣлъ сжечь, но что эту книгу укралъ у него человѣкъ его Ивашка Еврей. «На этомъ то основаніи и былъ сдѣланъ Матвѣеву запросъ о лечебникѣ, какъ мы видѣли выше, на этомъ то основаніи и были взяты Ивашка Еврей и Карла Захаръ.

Всѣ подобные доносы въ тѣ времена не обходились безъ пытокъ. Подвергли пыткѣ и Ивашку и Захарку, и, разумѣется, добились чего желали: полного оговора Матвѣева и въ чернокнижьи и другихъ преступленіяхъ.

Пытка назначалась не какъ наказаніе, по суду, а употреблялась, какъ необходимая принадлежность слѣдственнаго процесса. Остаткомъ пытки и до сей поры существуютъ нѣкоторыя выраженія въ нашемъ языкѣ; напримѣръ: я добьюсь отъ тебя *всей подноготной*; я узналъ *всю подноготную*. Выраженіе это есть остатокъ пытки, заключавшейся въ томъ, что пытаемому забивали подъ ногти желѣзные или деревянные гвоздики; желѣзные даже накаливали.

Пытка была уничтожена фактически и юридически указомъ Императора Александра I, въ 1801. году. Въ указѣ было сказано, чтобы уничтожить самое слово

«пытка» стыдъ и укоръ человѣчеству наносящее. Подобный слѣдственный процессъ существовалъ во всей Европѣ, гдѣ пытка была еще болѣе разнообразна, чѣмъ у насъ. Во многихъ городахъ, напримѣръ, Германіи, сохранились орудія пытокъ и мѣста, гдѣ онѣ производились. Только тотъ можетъ вполне понять до какой утонченности въ жестокостяхъ можетъ дойти человѣческое общество, кто видѣлъ проклятыя орудія пытокъ и мѣста, гдѣ онѣ совершались.

Дьякъ Гороховъ, присланный въ Лаишевъ для отобранія имѣнія Матвѣева, кричалъ: «гдѣ имѣніе? давай сейчасъ! Въ животахъ моихъ ни краденаго, ни разбойнаго, ни воровскаго, ни измѣннаго, ни заповѣднаго нѣтъ» отвѣчалъ Матвѣевъ, «животы отца моего и родителей его, животы матери моей и родителей ея, и мои, нажитые милостію Божіею и великихъ Государей жалованьемъ за посольскія службы и за мои работы ратныя, за крови и за всякія работы въ 69 лѣтъ нажитыя, а когда часъ пришелъ невинному нашему раззоренію, что великій Государь изволилъ животы всѣ взять безъ вины моей, въ томъ воля Божія и Его Государская!»

Допросы и страданія Матвѣева кончились тѣмъ, что его лишили боярства, всего имѣнія, дали только тысячу рублей и сослали на житье въ Пустозерскъ вмѣстѣ съ сыномъ. Само собой разумѣется, что судъ надъ Матвѣевымъ нельзя и назвать судомъ: онъ былъ осужденъ, не смотря на то, что показанія множества лицъ, кромѣ Берлова и Захарки, были въ пользу его, не смотря на то, что Матвѣевъ не былъ уличенъ въ взводимыхъ на него винахъ рѣшительно никакими обстоятельствами, не смотря на то, что слѣдствіе и судъ про-

изводились съ нарушеніемъ самыхъ существенныхъ, законныхъ основаній; напримѣръ, Матвѣеву не были даны очныя ставки съ обвинителями. Враги Матвѣева, какъ люди всесильные, успѣвшіе захватить мальчика Царя въ свои руки и подчинить своему вліянію, и не думали о правомъ судѣ; для нихъ существовала одна цѣль: уничтожить Матвѣева, стереть его, такъ сказать, съ лица земли. Такимъ образомъ слѣдствіе и судъ являлись одной пустой формой, которую считали нужнымъ соблюсти ради виѣшняго приличія.

Въ дѣйствіяхъ враговъ Матвѣева было столько утонченной злобы, что они указъ о лишеніи его боярства и ссылки въ Пустозерскъ поручили объявить дьяку Горохову, когда то сосланному Матвѣевымъ за грабежи. Гороховъ, какъ и все низкіе люди, далъ полную волю своей злобѣ: онъ кричалъ на Матвѣева, всячески оскорблялъ его. — Карла Захарка былъ живой сожженъ въ Москвѣ. Вѣроятно за то, что прежде не донесъ на Матвѣева.

Матвѣева ждала тяжкая доля. Пустозерскъ въ то время былъ маленькій острожекъ съ нѣсколькими избенками, построенный съ цѣлью защиты отъ дикихъ сибирскихъ народцевъ. Жители не занимались даже земледѣіемъ, ибо ни климатъ, ни почва не могли ничего производить, что необходимо для существованія человѣка. Хлѣбъ привозили разъ въ годъ изъ Яренска (Вологодской губерніи) и Пермской земли, рѣкой Вычегдой.

Матвѣева помѣстили въ дрянной избенкѣ, въ которой печь не давала тепла, а чадила и дымила. Иногда въ ней было такъ холодно, что бѣдный ста-

рикѣ отмораживалъ ноги. Сынъ жилъ въ другой избенкѣ. Въ подклѣтинкѣ помѣщались люди Матвѣва и стража.

Матеріальныя средства Матвѣва истощились въ скоромъ времени: тысяча рублей была потрачена на дорогу, на содержаніе въ Пустозерскѣ его и жившихъ съ нимъ людей, числомъ до 30 человекъ. Дѣло дошло до того, что все изгнанники должны были голодать: хлѣбъ истощился, а до привоза новаго приходилось ждать два мѣсяца. Все жители Пустозерска находились въ такомъ же бѣдственномъ положеніи, слѣдовательно не представлялось возможности ни занять, ни купить. У Матвѣва и нѣкоторыхъ людей его оказалась цынга, которая непременно свела бы въ могилу всѣхъ ихъ, если бы не явилась помощь оттуда, откуда всего менѣе, можно было ждать ее. Воевода и приставъ Матвѣва *Тухачевскій*, имѣя всего 6 кулей муки, половину придалъ несчастному страдальцу. Считаю долгомъ обратить вниманіе нашихъ читателей на поступокъ этого Воеводы. Если взглянуть на него съ точки зрѣнія того времени, въ которое происходило описываемое нами событіе, то мы убѣдимся, что Тухачевскій былъ человекъ съ замѣчательно честной и доброй душой, способный пожертвовать многимъ для ближняго, ибо въ его время всякая опала, падавшая на то или другое знатное лице, отражалась самымъ тяжелымъ образомъ на всѣхъ, рѣшавшихся выказать сочувствіе къ опальному не только дѣломъ, но и словомъ. Въ древней Руси доносы были въ большомъ ходу. Если бы Воевода Тухачевскій съ кѣмъ нибудь сталъ въ отношенія сколько нибудь непріязненныя, то онъ могъ разечи-

тывать, что человекъ къ нему нерасположенный, по всей вѣроятности, послалъ бы въ Москву доносъ объ упомянутыхъ 3 куляхъ, которые могли навлечь Воеводѣ самыя грустныя послѣдствія. Враги Матвѣева, конечно, не стали бы плакать, если бы онъ, Матвѣевъ, умеръ отъ цыгги и голода. Такимъ образомъ, мы видимъ, что Пустозерскій Воевода совершилъ большой подвигъ съ нравственной стороны. Мы не знаемъ никакихъ другихъ подвиговъ за нимъ, но думаемъ, что исторія должна была упомянуть о немъ, какъ о честномъ челвѣкѣ, при томъ условіи, когда честные люди встрѣчаются вообще не часто.

Матвѣевъ писалъ три челобитныя къ Царю, писалъ къ Патріарху, боярамъ, умоляя послѣднихъ ходатайствовать предъ Царемъ о помилованіи; но, конечно, всё его челобитныя остались безъ послѣдствій. Въ одной изъ своихъ челобитныхъ Матвѣевъ, между прочимъ, объясняя свои заслуги и свою службу государству, говоритъ такъ: «Стеньку Разина всё бояре на земскомъ дворѣ распрашивали и очныя ставки давали, а меня, боярина, безъ суда осудили. Не ложно холопи твои у тебя, великаго Государя, чрезъ кровавыя свои слезы милости просимъ, съ голоду страждемъ и не можемъ части мяса купить; да не тоємо мяса или калачъ, ей, ей и хлѣба на двѣ деньги купить не добудешь; прожиточные люди здѣсь одинъ борщъ ѣдятъ, да прибавляютъ по горсти муки ржаной, а убогіе одинъ борщъ ѣдятъ, да и тотъ не родится въ Пустозерскѣ, привозятъ съ Ижмы; бредутъ врозь глада ради и остальные въ тотъ же путь смотреть.» Писалъ Матвѣевъ о помилованіи даже къ врагамъ своимъ Милославскому, Хитрово, молилъ ихъ о ходатайствѣ предъ Царемъ; но всё мольбы остава-

лись бесплодными. Всѣ его доводы о незаконности суда, надъ нимъ совершеннаго, всѣ доводы, что духовъ живому человѣку видѣть нельзя—остались безъ всякаго слѣда.

Нельзя также пройти молчаніемъ слѣдующихъ мѣстъ изъ писемъ Матвѣева:» въ Пустозерскомъ острогѣ службу Божию отправляютъ на ржаныхъ просфорахъ и та мука мало лучше невѣянной муки, и такова та служба приношенія къ Богу, о томъ освященныхъ вопросы. Вѣй, ей не постыдился бы, свидѣтель ми есть Господь Богъ, чтобъ имени ради Его ходить и просить милостыни, да никто не подастъ, и не можетъ своей ради сродной нужды подать. Всѣмъ указами жестокими застрашено сроднымъ моимъ и друзьямъ не токмо ко мнѣ самому ради конечной нужды моей прислать что, или, по обыкновенію народовъ, писати, какъ свои и друзья писемомъ завиднѣя мѣсто себя являютъ и утѣшаютъ въ печали, но и о имени моемъ никто не смѣетъ спросить»... Такъ дѣйствительно и было въ древней Руси: опальный дѣлался какимъ то прокаженнымъ; пожалуй, хуже, чѣмъ прокаженнымъ, ибо дѣйствительно нельзя было, безъ страха подвергнуться большимъ непріятностямъ, упоминать самое имя опальнаго.

Только черезъ пять лѣтъ положеніе Матвѣева улучшилось: его перевели въ Мезень (нынѣ Архангельской губерніи), освободили отъ стражи и позволили выходить изъ своего двора.

Нельзя спорить противъ того, что въ мірѣ огромную роль играетъ слѣпой случай, который нерѣдко и рѣшаетъ судьбу человѣка. Такой слѣпой случай повліялъ и на судьбу Матвѣева. Въ 1681 г. Царь

Федоръ сосватался на Марѣѣ Матвѣевнѣ Апраксиной, которая была крестницею Матвѣева. Такъ какъ духовное родство на Руси считалось выше родства плотскаго и вообще пользовалось огромнымъ значеніемъ, то само собой разумѣется, что Марѣя Матвѣевна должна была ходатайствовать предъ Царемъ объ опальномъ Матвѣевѣ.

Слѣдствіемъ этого ходатайства было то, что въ первыхъ числахъ Января слѣдующаго года въ Мезень явился царскій гонецъ, объявившій Матвѣеву, что Царь возвращаетъ ему вотчины, оставшіяся не розданными, домъ, боярскую честь и вмѣстѣ съ тѣмъ пожаловалъ новую вотчину въ Суздальскомъ уѣздѣ, село Верхній Ландехъ, съ деревнями, 800 дворовъ крестьянскихъ и въ заключеніе приказано было Артамону Сергѣевичу ѣхать въ городъ Лухъ (нынѣ Костромской губерніи).

Артамонъ Сергѣевичъ немедленно собрался въ путь. Радость его, конечно, не знала предѣловъ, ибо онъ изъ могилы, заживо похороненный, возвращался къ свѣту и жизни. Путь его изъ Мезени сопровождался явленіями другими, чѣмъ путь въ Пустозерскъ: Воеводы и служилые люди выѣзжали къ нему на встрѣчу; заставляли жителей подносить ему хлѣбъ и соль. Чиновные люди поступали теперь не такъ, какъ поступали тѣ чиновники, которые провожали Матвѣева въ Пустозерскъ, а поступали они иначе именно потому, что видѣли къ чему можетъ повести Матвѣева снятая съ него опала; они, наученные опытомъ, конечно, очень не отраднымъ въ нравственномъ отношеніи, знали, что Матвѣевъ, при своемъ умѣ, при посредствѣ Царицы легко приобрѣтетъ прежнюю власть и значеніе, слѣдовательно не мѣшало заручиться его добрымъ рас-

положеніемъ. Повторяемъ, съ нравственной точки зрѣнія подобныя разчеты и соображенія, подобныя прислуживанье и ухаживанье за сильнымъ и оскорбленія и всяческія униженія слабаго, преслѣдуемаго всеми невзгодами человѣка, возмутительны, но, къ сожалѣнію, не избѣжны въ обществѣ, привыкшемъ, понимать нравственность лишь съ одной внѣшней стороны; въ обществѣ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не воспитавшемъ въ себѣ никакихъ твердыхъ, неизблемыхъ убѣжденій о добрѣ и злѣ. — Русское общество времени нами описываемаго не имѣло даже внѣшняго лоска, внѣшней цивилизаціи. Но тѣже самыя печальныя явленія повторяются и въ цивилизованныхъ внѣшнимъ образомъ обществахъ, въ такихъ обществахъ, въ которыхъ внѣшній лоскъ развитъ до послѣдней степени, но внутри ихъ гниль и всяческая мерзость, обществахъ, которыя умѣютъ много и хорошо говорить о добрѣ и злѣ; но въ дѣйствительности добро имъ на столько дорого, на сколько оно для нихъ полезно по отношенію къ различнымъ матеріальнымъ благамъ. Разница между совершенно не образованнымъ, каково общество было на Руси во время Матвѣева и обществомъ, образованномъ только внѣшнимъ образомъ, лишь та, что первое свои безнравственныя душевныя движенія проявляетъ грубо, рѣзко; между тѣмъ послѣднее въ подобныхъ случаяхъ умѣетъ свои не нравственныя душевныя движенія проявлять приличнѣе, не настолько отталкивающимъ образомъ.

Матвѣевъ въ Лухѣ получилъ новый указъ, но не отъ Царя Федора, уже умершаго, а отъ Царя Петра — ѣхать въ Москву какъ можно скорѣе.

Насколько Матвѣевъ до сей поры ѣхалъ медленно, ибо торжественныя встрѣчи льстили его самолюбію, на столько теперь онъ спѣшилъ къ Москвѣ. На дорогѣ онъ встрѣтилъ семерыхъ стрѣльцовъ, нарочно къ нему посланныхъ, которые объявили ему о стрѣлецкомъ волненіи, происходившемъ въ Москвѣ и объ опасности, грозившей ему отъ враговъ. Извѣстіе это не только не заставило Матвѣева остановиться, но напротивъ, побудило его поспѣшить прїѣздомъ въ Москву. При чемъ онъ сказалъ: «уничтожу бунтъ или положу жизнь за Государя, чтобы глаза мои на старости лѣтъ болшей бѣды не увидали.»

Въ Троицкомъ монастырѣ Матвѣева ждала почетная встрѣча. 12 Мая, вечеромъ, онъ прїѣхалъ въ Москву, гдѣ на другой же день представился Царю и Царицѣ, «причемъ была радость неизрѣченная, что никакое человеческое писало по достоянію исписати не можетъ,» говоритъ авторъ о невинномъ заточеніи боярина Матвѣева. Посѣтилъ Матвѣевъ Патриарха, съ которымъ долго разговаривалъ во внутреннихъ покояхъ. Народъ и стрѣльцы поднесли Артамону Сергѣевичу хлѣбъ-соль. Посѣтили его всѣ знатныя лица, не былъ только у него князь Иванъ Михайловичъ Милославскій, сказавшійся больнымъ.

Совершенно понятно съ какимъ невыразимо-тяжелымъ чувствомъ Артамонъ Сергѣевичъ долженъ былъ увидѣть свой домъ, разоренный до тла. Пришлось снова создавать то, что было создано и устроено въ теченіи многихъ лѣтъ.

Настало время окончательной борьбы Милославскихъ и Нарышкиныхъ и ихъ сторонниковъ, борьбы неизбежной, ибо вопросъ шелъ о власти, всегда дорогой для

людей, о власти, во имя которой люди готовы принести въ жертву всё земныя блага. У Милославскихъ давно уже все было готово и что если они давно не подняли стрѣльцевъ, то только потому, что поджидали Матвѣева, съ которымъ, какъ главнымъ и опаснымъ своимъ противникомъ, попреимуществу желали покончить. — Весь расчетъ Милославскихъ и ихъ сторонниковъ былъ основанъ на стрѣльцахъ, составлявшихъ военную силу государства и сознавшихъ эту силу. Поднять ихъ на мятежъ обѣщаніями разныхъ льготъ не составляло особенной трудности. Матвѣевъ, возвратясь изъ ссылки и узнавъ о волненіяхъ, произведенныхъ до него стрѣльцами, сказалъ: «я знаю ихъ нравъ, имъ нуженъ былъ правый судъ. А чуть сдѣлай потяжку, они дальше пойдутъ.» вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сѣтовалъ, что Нарышкины такъ скоро и несправедливо возвышены, и утверждалъ, что подобная несправедливость ни къ чему доброму повести не можетъ.

Милославскіе днемъ мятежа назначили 15 Мая, день убіенія Царевича Дмитрія. По рукамъ стрѣльцевъ ходилъ списокъ измѣнниковъ, которыхъ надобно было истребить. Дѣло началось съ того, что сообщники Милославскихъ прискакали въ стрѣлецкую слободу и громко объявляли, что Нарышкины задушили Царевича Ивана.

Стрѣльцы ударили въ набатъ, забили въ барабаны и двинулись въ Кремль. Матвѣевъ узналъ о движеніи стрѣльцевъ на дворцовой лѣстницѣ, когда выходя изъ Дворца. Онъ возвратился въ Верхъ и объявилъ о происшедшемъ Царицѣ. Немедленно былъ отданъ приказъ Подполковнику стремяннаго полка запереть всё ворота, но уже было поздно: стрѣльцы всту-

пили въ Кремль съ криками: «идемъ выводить измѣнниковъ бояръ и губителей царскаго дома!»

Растерявшіеся бояре не знали, что дѣлать въ виду копій и бердышей стрѣльцкихъ, торчавшихъ подъ самыми окнами Грановитой Палаты. Наконецъ пришли къ вѣрной мысли: показать стрѣльцамъ Царевича Ивана, чѣмъ сама собой уничтожится нелѣпная мысль, пущенная злопамѣренными людьми. Царица вмѣстѣ съ Патріархомъ вывела на красное крыльцо Петра съ братомъ. Вмѣстѣ съ Царицей шли Матвѣевъ, князь Долгорукій, князь Черкасскій. Стрѣльцы, увидавъ обоихъ царственныхъ братьевъ, смолкли и видимо смутились. «Что же это такое? Или прежде обманули насъ или теперь обманываютъ,» заговорили нѣкоторые изъ нихъ. «Надо добиться правды». Нѣкоторые изъ стрѣльцевъ влѣзли на крыльцо къ Царевичу Ивану и спросили его: прямой ли онъ Царевичъ Иванъ Алексѣевичъ и кто его изъ бояръ измѣнниковъ изводитъ? «Меня никто не изводитъ и жаловаться мнѣ не на кого,» отвѣчалъ Иванъ.

Милославскіе и сторонники ихъ съ разу увидѣли, что дѣло можетъ быть проиграно ими безвозвратно, что еще нѣсколько мгновеній и Нарышкины восторжествуютъ. Потому они начали поджигать толпы и кричали: «хотя Царевичъ и живъ, но пусть выдадутъ его недоброхотовъ Матвѣева и Нарышкиныхъ, изъ которыхъ Иванъ Нарышкинъ примѣривалъ на себѣ корону и разныя царскія украшенія.» Стрѣльцы съизнова стали волноваться и на убѣжденія князей Черкаскаго, Хованскаго, Голицына (Василія Васильевича, въ послѣдствіи извѣстнаго сторонника Софьи) отвѣчали требованіемъ, чтобы имъ выдали бояръ, поиме-

пованныхъ въ листѣ, при нихъ находившемся. Въ числѣ другихъ они требовали выдачи и Матвѣева. Когда бояре объявили, что этихъ людей нѣтъ у Государя, то волненіе ихъ возросло, при чемъ на князѣ Черкасскомъ изодрали кафтанъ.

Тогда смѣло спустился къ нимъ Артамонъ Сергѣевичъ. При видѣ Матвѣева, смѣло шедшаго къ нимъ, стрѣльцы замолкли и понятылись.

Матвѣевъ говорилъ кротко, но съ силой: припомнилъ стрѣльцамъ ихъ прежнія заслуги, припомнилъ, какъ они сами укрошали мятежи, а теперь являются заводчиками мятежей. «Вы видите, сказалъ онъ въ заключеніе, что васъ обманули, увѣривъ, что Царевичъ убитъ, между тѣмъ онъ живъ, въ чемъ вы убѣдились сами. Точно также васъ обманули и на счетъ Нарышкина.»

Стрѣльцы безъ малѣйшаго волненія и ожесточенія слушали Артамона Сергѣевича, и когда онъ кончилъ свою рѣчь къ нимъ, то стали просить его, чтобы онъ заступился за нихъ предъ Царемъ. Матвѣевъ, какъ нельзя болѣе обрадованный такимъ счастливымъ исходомъ опаснаго дѣла, отправился на Верхъ успокоить Царицу, въ полной увѣренности, что стрѣльцы спокойно разойдутся по домамъ. Предположеніе Матвѣева, безъ сомнѣнія, исполнилось бы, если бы одна несчастная случайность не дала дѣлу совершенно другой оборотъ. Князь Михайло Долгорукій вздумалъ похрабриться тогда, когда увидалъ, что стрѣльцы, уговоренные Матвѣевымъ, просили о помилованіи; между тѣмъ какъ до сей поры онъ ни малѣйшимъ образомъ не проявилъ своего желанія утишить волненіе и хоронился за другими. Онъ на-

чалъ кричать на стрѣльцевъ, ругалъ ихъ, грозилъ тяжкими наказаніями и требовалъ, чтобы они немедленно разошлись по домамъ. Подобная нелѣпная выходка была искрой, брошенной въ порохъ. Надобно было имѣть на плечахъ деревянную голову, чтобы не понять, до какой степени не кстати являлся начальнической тонъ въ то время, когда страхъ къ начальству давно миновалъ и когда страсти мятежныхъ стрѣльцевъ были въ полномъ разгарѣ. Ко всему этому необходимо прибавить, что стрѣльцы не любили и не уважали князя Долгорукаго за его многія неправды. Стрѣльцы мгновенно бросились на крыльцо, схватили Долгорукаго и сбросили его на конья стоявшихъ внизу товарищей, въ слѣдъ затѣмъ полумертваго изрубили бердышами. Нужно было стрѣльцамъ попробовать только первой крови, чтобы броситься и на другія жертвы. Изъ сѣней Грановитой Палаты выбѣгаютъ другіе стрѣльцы и бросаются на Матвѣева. Царица и князь Черкасскій хотѣли было защитить Матвѣева, но стрѣльцы вырвали и сбросили его на площадь противъ Благовѣщенскаго Собора, тутъ и изрубили его на мелкія части. Другое извѣстіе говоритъ, что Матвѣевъ, желая защитить себя, схватилъ подъ руку Царя Петра, но стрѣльцы оторвали его отъ послѣдняго.

Зная, что Матвѣевъ былъ однимъ изъ справедливыхъ и честныхъ вельможъ, зная, что народъ и стрѣльцы любили и уважали его, мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что убійство его совершилось по подстрекательству Милославскихъ или ихъ сторонниковъ. Когда враги Матвѣева увидали, что стрѣльцы кинулись на Долгорукаго, то какіе нибудь подкупленные стрѣльцы могли кинуться на Матвѣева, разчитывая

на возбужденное состояніе волновавшейся массы, которая въ озлобленіи не станетъ разбирать кого она убиваетъ. Мы дѣлаемъ такое предположеніе на томъ основаніи, что нашъ народъ даже въ минуты самаго сильнаго возбужденія своихъ страстей не теряетъ присущаго ему холоднаго разсудка и чувства справедливости. Мы знаемъ, что самымъ опаснымъ врагомъ своимъ партія Милословскаго считала Матвѣева, и если эта партія затѣяла мятежь, то, конечно, съ главною цѣлью избыть того, кто всего болѣе былъ имъ опасенъ. Знаемъ также, что за нѣсколько минутъ предъ убійствомъ Матвѣева огромное сборище стрѣльцевъ не только выслушало Матвѣева, но и просили его о ходатайствѣ за нихъ предъ Царемъ.

Послѣ убійства Матвѣева, стрѣльцы уже не предъ чѣмъ не останавливались. Они кинулись во Дворецъ и произвели цѣлый рядъ убійствъ.

Царица, вмѣстѣ съ сыномъ ушла въ Грановитую Палату. Бояре разбѣжались—кто куда зналъ и могъ.

Убѣжденія Патріарха оказались совершенно бессильными, стрѣльцы кричали ему: «не пужно намъ ни отъ кого никакихъ совѣтовъ, время разбирать кто намъ надобенъ.»

Убійства продолжались 3 дня. Всего въ эти дни убито 65 человекъ. Убили стольника Федора Петровича Салтыкова, Ивана Ѳомича Нарышкина, князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго, боярина Языкова и многихъ другихъ.

Въ первый же день убійствъ стрѣльцы явились къ 80 лѣтнему старику Князю Долгорукому, который лежалъ больной. Они каялись въ своемъ проступкѣ, т. е. въ убійствѣ его сына, объясняя несчастный случай за-

пальчивостью. Князь выслушалъ ихъ со слезами, по простилъ и велѣлъ даже выкатить бочку вина. Но когда стрѣльцы вышли изъ комнаты, то онъ произнесъ: «Добро, шуку они съѣли, да зубы ея остались.» Хлопъ князя слышалъ эти слова и немедленно передалъ ихъ стрѣльцамъ. Послѣдніе воротились къ князю, стащили его съ постели, выволокли за ворота, гдѣ и изрубили на мелкія части, затѣмъ бросили тѣло на навозную кучу.

Сынъ Матвѣева Андрей сначала спрятался во Дворцѣ, гдѣ и отсиѣлся счастливо; затѣмъ Карло Царя Петра Никита Комаръ вывелъ его изъ Дворца, переодѣвъ въ крестьянское платье. Карлиезъ поѣхалъ впередъ, а молодой Матвѣевъ шелъ занимъ пѣшкомъ. Такимъ образомъ они благополучно добрались до смоленскихъ воротъ, гдѣ Комаръ сдалъ Матвѣева родственнику своему Кирилѣ Суворову, жившему во дворѣ у священника. Матвѣевъ назвался Кондратьемъ и прожилъ благополучно у разныхъ простыхъ людей до времени прекращенія стрѣлецкихъ волненій. Въ послѣдствіи онъ былъ очень полезнымъ общественнымъ дѣятелемъ и однимъ изъ лучшихъ слугъ Царя Петра.

Три дня валялись трупы казненныхъ на Красной площади. Никто не смѣлъ убирать ихъ изъ страха къ стрѣльцамъ, но нашелся высоко честный чело-вѣкъ, достойный хвалы на страницахъ исторіи, а именно крещеный арапъ Матвѣева, по имени Иванъ, который, смѣло явившись на Красную площадь, отыскалъ трупъ своего боярина. Не смотря на караульныхъ стрѣльцевъ, онъ привезъ тѣло Артамона Сергѣевича въ домъ его и, призвавъ родственниковъ боярскихъ и служителей церкви Св. Николая Столпа, что

на Покровкѣ, предалъ тѣло погребенію. Въ послѣдствіи надъ могилой Матвѣева была поставлена часовня, существующая до настоящаго времени. Вѣрный слуга, высоко честный человѣкъ поконтя рядомъ съ своимъ бояриномъ.

Прослѣдивъ всю жизнь Матвѣева, мы — можемъ смѣло сказать, что онъ составлялъ блестящее исключеніе среди всѣхъ бояръ и вельможъ описываемой нами эпохи, какъ по уму, такъ и по нравственнымъ своимъ качествамъ. Если человѣкъ, находясь на высотѣ земнаго величія, не забываетъ, что онъ человѣкъ; если земное величіе является въ рукахъ человѣка средствомъ быть полезнымъ людямъ, быть благодѣтелемъ, защитникомъ сирыхъ и бѣдныхъ; если земное величіе не мѣшаетъ сознавать тому или другому смертному, что не люди для него, а онъ долженъ жить для людей, то такого человѣка мы можемъ смѣло, безъ оглядки, назвать честнымъ человѣкомъ, достойнымъ уваженія гражданиномъ, которымъ можетъ гордиться страна. Дѣятельность Матвѣева разнообразна: онъ является предъ нами образованнымъ, конечно, по времени, умнымъ человѣкомъ, замѣчательнымъ администраторомъ. На всякую историческую личность, при оцѣнкѣ ея значенія и дѣятельности, должно смотрѣть съ точки зрѣнія того времени, въ которое она жила. То, что теперь составляетъ явленіе обыденное, во время Матвѣева выходило изъ ряда. Теперь всякій образованный человѣкъ вѣритъ въ огромное значеніе науки, во время Матвѣева никто не вѣрилъ въ силу науки, въ то время личныя выгоды совершенно поглощали человѣка, интересъ общественный уступалъ мѣсто интересу личному, ради котораго творились все-

возможныя неправды. Матвѣевъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ стоялъ педосыгаемо выше своихъ соотечественниковъ, твердо державшихся своихъ старыхъ преданій, вѣрованій, взглядовъ, что разумѣется, препятствовало идти по пути всесторонняго усовершенствованія.

Жизнь и дѣятельность слуги Матвѣева Ивана, о которомъ мы упомянули выше, намъ совершенно неизвѣстны. Можемъ только предполагать, что онъ честно исполнялъ свою обязанность слуги, не выдаваясь никакими особенными громкими дѣяніями. Скромный, незамѣтный постъ рождаетъ и скромную, незамѣтную дѣятельность. Позади Ивана стоитъ только одинъ, выдающійся фактъ: взятіе имъ тѣла боярина, съ опасностью заплатить собственною жизнью за любовь, къ боярину. Но подобный единичный фактъ стоитъ сотни другихъ фактовъ, подобный единичный фактъ сразу рисуется намъ всего человѣка и сразу даетъ историку право записать имя гражданина, совершившаго упомянутый единичный фактъ, на страницахъ исторіи, какъ имя высоко честнаго человѣка. Фактомъ слуги Ивана освѣщается самая личность Матвѣева: значитъ послѣдній стоилъ такой высокой любви, какую проявилъ къ нему крещеный арапъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Св. Митрополитъ Филиппъ. —Болѣзненное состояніе Грознаго.—Причины, развившія это состояніе.—Печалованія Филиппа за опальныхъ и его обличенія царю.—Заключеніе Филиппа въ Отрочъ монастырь.—Смерть Филиппа.—Его значеніе, какъ общественнаго дѣятеля	1—15
Патріархъ Гермогенъ. —Смутное время на Руси.—Первое проявленіе твердости убѣжденій Патріарха Гермогена, защищающаго Царя Василія Шуйскаго.—Оскорбленія при этомъ случаѣ имъ перенесенныя.—Патріархъ твердо стоитъ на защитѣ православія.—Борьба его съ кознями Короля Польскаго Сигизмунда.—Его страдальческая смерть.	15—35
Думный дворянинъ Прокопій Ляпуновъ и дворянинъ Ржевскій. —Начальники ополченія: Князь Дмитрій Трубецкой, бояринъ Иванъ Заруцкій и думный дворянинъ Прокопій Петровичъ Ляпуновъ.—Душевные свойства послѣдняго.—Нелюбовь казаковъ къ нему, какъ къ представителю порядка.—Польская интрига противъ него.—Смерть его.—Геройскій подвигъ дворянина Ржевскаго.—Значеніе этого подвига.—Народная пѣсня о Ляпуновѣ	35—49
Козьма Захарычъ Мининъ Сухоруковъ и Князь Пожарскій. —Смуты послѣ смерти Ляпунова.—Сознаніе народа въ необходимости духовно очиститься отъ грѣховъ лихолѣтья. Всеобщій постъ.—Движеніе въ Нижнемъ.—Гражданинъ Мининъ призываетъ нижегородцевъ къ спасенію Россіи.—Мѣры имъ принятыя для сбора денегъ.—Избраніе предводителемъ Князя Пожарскаго.—Грамоты нижегородскія.—Значеніе нравственной силы честныхъ общественныхъ дѣятелей.—Походъ ополченія подъ Москву.—Разнь между казаками и ополченіемъ.—Битвы подъ Москвой.—Взятіе Москвы.—Окончательное изгнаніе поляковъ.—Неудачный походъ противъ Москвы Польскаго Короля Сигизмунда.—Избраніе на царство Михаила Федоровича Романова.—Послѣдніе года жизни Минина и Князя Пожарскаго.—Народная пѣсня о лихолѣтѣ и избраніи на царство Михаила Федоровича Романова	50—91

Троицкій Архимандритъ Діонисій. — Великое значеніе христіанскаго ученія по отношенію къ нравственности. — Жизнь Архимандрита Діонисія. — Его христіанская дѣятельность въ стѣнахъ Троицкой обители. — Его грамоты. — Его дѣятельность по отношенію ко исправленію церковныхъ книгъ и начавшаяся влѣдствіе этого его борьба съ невѣжествомъ. — Его страданія. — Его оправданіе и смерть. — Значеніе его для общества. . . .

91—108

Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. — Дѣтство его. — Его первые удачные походы. — Таланты Скопина, какъ полководца и какъ дипломата. — Судъ надъ Татищевымъ. — Союзъ съ Швеціею. — Побѣды Князя Скопина. — Значеніе высоко-нравственной природы Князя Скопина по отношенію къ современнымъ ему событіямъ. — Нравственная побѣда его надъ самимъ собой. — Очищеніе отъ враговъ окрестныхъ мѣстъ около Москвы. — Торжественное вступленіе Князя Скопина въ Москву. — Любовь къ нему народа. — Смерть его. — Подозрѣнія въ отравѣ. — Народная пѣсня о немъ

108—134

Вояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. — Личность Царя Алексѣя Михайловича. — Матвѣевъ, какъ приближенный къ нему человекъ. — Военная дѣятельность его. — Сближеніе Матвѣева съ иностранцами. — Преданіе о Наталіи Кирилловнѣ. — Бракъ Царя. — Любовь народа къ Матвѣеву. — Отзыви иностранцевъ о Матвѣевѣ. Пѣсня о рожденіи Петра Великаго. — Театръ, устроенный Матвѣевымъ. — Царь Федоръ Алексѣевичъ. — Козни противъ Матвѣева. — Его ссылка и жизнь въ ссылкѣ. — Смерть Царя Федора. — Перемена въ судьбѣ Матвѣева. — Его возвращеніе въ Москву. — Стрѣлецкій бунтъ. — Смерть Матвѣева. — Судьба сына его, Андрея. — Слуга Матвѣева крещеный арапъ Иванъ.

При составленіи настоящей книги, мы пользовались слѣдующими источниками:

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ Соловьева.

Сочиненія Костомарова.

Замѣчательные русскіе люди Суворина.

Древняя и Новая Россія Иллюстрированный историческій сборникъ.

О П Е Ч А Т К А.

На стр. 16 напечатано: т. е. съ 1606 до 1613 года. Слѣдуетъ съ 1604 до 1613 года.

Muxaer
III K. 1888

III K. 1888

Muxaer
III 1888

opporo
II K.

1895

topeinert
III K. 1895

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

098364

Biblioteka WSP Kielce

0162610

